

РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY

Научный
журнал

Главный редактор:
кандидат
экономических
наук, доцент
С. М. ВДОВИН

Учредитель
и издатель журнала:
федеральное
государственное
бюджетное
образовательное
учреждение высшего
образования
«Национальный
исследовательский
Мордовский
государственный
университет
им. Н.П. Огарёва»

Журнал издается
с октября 1992 г.

Выходит 1 раз
в квартал

Т. 25

4/2017

(№ 101)

СОДЕРЖАНИЕ

Политическое пространство региона

- 482 **О. В. Бахлова.** Интеграционная политика России в регионе Содружества Независимых Государств: возможности, оценки, перспективы
- 512 **Е. Г. Маклашова.** Управленческие акценты региональных программ по реализации национальной политики (на примере Дальнего Востока)

Экономика региона

- 534 **Е. Г. Москалева.** Инновационный потенциал как фактор опережающего развития региона
- 554 **Д. В. Сердобинцев.** Основные направления инновационно-инвестиционного развития регионов Поволжья

Социология региона

- 573 **С. В. Сарайкина, Н. А. Емельянова, Н. Е. Нехаева.** Социальное значение детского туризма в регионе
- 588 **М. А. Головчин, Т. С. Соловьева.** Социальное самочувствие учителей в период реформ в системе образования (на примере г. Вологды)
- 610 **А. Л. Кузванова, М. Ю. Савельева.** Имидж учреждений здравоохранения в восприятии региональной общности
- 628 **В. М. Сидоркина, И. М. Фадеева.** Семейные ценности в региональном социуме: факторы изменений
- 642 **А. Р. Абдульзянов.** Факторы, влияющие на безопасность дорожного движения в регионе
- 656 **В. А. Писачкин.** Пространство смысла в социальной топологии региона

РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY

Scholarly
Journal

Editor-in-Chief:
Candidate
of Economic
Sciences, Docent
Sergey M. VDOVIN

Founder and Publisher
of the journal:
Federal State
Budgetary
Educational
Institution of
Higher Education
«National Research
Ogarev Mordovia
State University»

The journal
has been
published since
October 1992

The journal
is published
quarterly

Vol. 25

4/2017

Continuous
issue 101

CONTENTS

Political Space of a Region

- 482 **O. V. Bakhlova.** Integration Policy of Russia in the Region of the Commonwealth of independent States: Opportunities, Estimates, Prospects
- 512 **E. G. Maklashova.** Administrative Emphases of Regional Programs on Implementation of the Ethnic Policy (the Case Study of the Far East)

Economy of a Region

- 534 **E. G. Moskaleva.** Innovative Potential as a Factor for Advanced Development of a Region
- 554 **D. V. Serdobintsev.** Main Directions of Innovative and Investment Development of the Volga Regions

Sociology of a Region

- 573 **S. V. Saraykina, N. A. Emelyanova, N. E. Nekhaeva.** Social Importance of Children's Tourism in a Region
- 588 **M. A. Golovchin, T. S. Soloveva.** Social Well-Being of Teachers During the Period of Educational Reforms (Case Study of Vologda)
- 610 **A. L. Kuzevanova, M. Yu. Savelyeva.** Image of Healthcare Institutions in the Perception of Regional Public
- 628 **V. M. Sidorkina, I. M. Fadeeva.** Family Values in a Regional Society: Factors of Change.
- 642 **A. R. Abdulzyanov.** Factors Influencing Road Safety in a Region
- 656 **V. A. Pisachkin.** The Space of Sense in the Social Topology of a Region

© National Research
Mordovia State University, 2017

РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY

Основное содержание журнала представляет собой научные статьи, научные обзоры, научные рецензии и отзывы.

Журнал входит в **Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.**

Наименование и содержание рубрик журнала соответствуют отраслям науки и группам специальностей научных работников в соответствии с Номенклатурой научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, утвержденной приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 25 февраля 2009 г. № 59 «Об утверждении Номенклатуры специальностей научных работников».

Журнал осуществляет научное рецензирование всех поступающих в редакцию статей с целью экспертной оценки по следующим отраслям науки и группам специальностей:

Социально-экономические и общественные науки

08.00.00 Экономические науки

22.00.00 Социологические науки

23.00.00 Политология

Журнал входит в систему РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) на платформе eLIBRARY.ru. Издание зарегистрировано в научной электронной библиотеке «Кибер-Ленинка» (cyberleninka.ru), электронно-библиотечной системе «Лань» (e.lanbook.com).

The main content of the journal are scientific papers, surveys, reviews and peer reviews.

The journal is included into the **List of the peer-reviewed scientific publications where the basic scientific results of candidate's and doctoral theses must be published.**

The names and content of sections of the journal sections correspond to the fields of science and groups of specialties of scientific workers in which academic degrees are awarded in accordance with the Nomenclature of Scientific Specialties, approved by the Order No. 59 of 25 February 2009, "On Approval of the Nomenclature of Specialties of Scientific Workers", issued by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation.

The journal conducts peer-review of all papers submitted to the Editors for the purpose of their expert evaluation in the following fields of science and specialty groups:

Socio-Economic and Social Sciences

08.00.00 Economic Sciences

22.00.00 Sociological Sciences

23.00.00 Political Science

The journal is registered in the Russian Science Citation Index (RSCI) based on the eLIBRARY.ru website. The journal is registered in the scientific electronic library of CyberLeninka (cyberleninka.ru) and the electronic library system of Lan (e.lanbook.com).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- С. М. Вдовин** — главный редактор, канд. экон. наук, доц. (г. Саранск, Россия)
e-mail: rector@adm.mrsu.ru ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7363-1389>
- И. В. Бахлов** — заместитель главного редактора, д-р полит. наук, доц. (г. Саранск, Россия)
e-mail: bahlov@mail.ru ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6886-5762>
- Л. В. Калачина** — ответственный секретарь, канд. культурологии (г. Саранск, Россия)
e-mail: regionologiya_lk@mail.ru ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2575-5229>
- И. Н. Барыгин** — д-р полит. наук, проф. (г. С.-Петербург, Россия)
e-mail: ibarygin@gmail.com ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8143-3136>
- А. Г. Большаков** — д-р полит. наук, доц. (г. Казань, Россия)
e-mail: bolshakov_andrei@mail.ru ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5036-000X>
- В. И. Гришин** — д-р экон. наук, проф. (г. Москва, Россия)
e-mail: Rector@rea.ru
- А. В. Дахин** — д-р филос. наук, проф. (г. Нижний Новгород, Россия)
e-mail: nn9222@rambler.ru ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5907-706X>
- П. В. Дружинин** — д-р экон. наук, доц. (г. Петрозаводск, Россия)
e-mail: pdruzhinin@mail.ru ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5303-0455>
- Н. В. Дулина** — д-р социол. наук, проф. (г. Волгоград, Россия)
e-mail: nv-dulina@yandex.ru
- С. А. Кизима** — д-р полит. наук, проф. (г. Минск, Республика Беларусь)
e-mail: kizima@mail.ru
- В. А. Ковалев** — д-р полит. наук, доц. (г. Сыктывкар, Россия)
e-mail: vant_2000@mail.ru ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3691-4106>
- А. Е. Лапин** — д-р экон. наук, проф. (г. Ульяновск, Россия)
e-mail: eagov01@mail.ru ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1467-0358>
- М. Н. Макарова** — д-р социол. наук, доцент (г. Ижевск, Россия)
e-mail: makmar11@mail.ru ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3176-6386>
- В. Г. Немировский** — д-р социол. наук, проф. (г. Тюмень, Россия)
e-mail: valnemirov@mail.ru ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4076-465X>
- В. И. Патрушев** — д-р социол. наук, проф. (г. Москва, Россия)
e-mail: vipatrushev@yandex.ru
- Г. А. Резник** — д-р экон. наук, проф. (г. Пенза, Россия)
e-mail: reznikga@gmail.com ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4575-1812>
- Ж. Симанавичене** — д-р экон. наук, проф. (г. Каунас, Литовская Республика)
e-mail: zaneta.simanaviciene@ktu.lt ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6008-2405>
- Р. Ф. Туровский** — д-р полит. наук, доц. (г. Москва, Россия)
e-mail: rft777@mail.ru ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8496-3098>
- В. П. Шалаев** — д-р филос. наук, проф. (г. Йошкар-Ола, Россия)
e-mail: shalaevp@Volgatech.net ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9155-695X>

EDITORIAL BOARD

- Sergey M. Vdovin** — Editor-in-Chief, Candidate of Economic Sciences, Docent (Saransk, Russia)
e-mail: rector@adm.mrsu.ru ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7363-1389>
- Igor V. Bahlov** — Deputy Editor-in-Chief, Doctor of Political Sciences, Docent (Saransk, Russia)
e-mail: bahlov@mail.ru ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6886-5762>
- Larisa V. Kalachina** — Executive Secretary, Candidate of Culturology (Saransk, Russia)
e-mail: regionologiya_lk@mail.ru ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2575-5229>
- Igor N. Barygin** — Doctor of Political Sciences, Full Professor (St. Petersburg, Russia)
e-mail: ibarygin@gmail.com ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8143-3136>
- Andrey G. Bolshakov** — Doctor of Political Sciences, Docent (Kazan, Russia)
e-mail: bolshakov_andrei@mail.ru ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5036-000X>
- Viktor I. Grishin** — Doctor of Economic Sciences, Full Professor (Moscow, Russia)
e-mail: Rector@rea.ru
- Andrey V. Dakhin** — Doctor of Philosophical Sciences, Full Professor (Nizhny Novgorod, Russia)
e-mail: nn9222@rambler.ru ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5907-706X>
- Pavel V. Druzhinin** — Doctor of Economic Sciences, Docent (Petrozavodsk, Russia)
e-mail: pdruzhinin@mail.ru ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5303-0455>
- Nadezhda V. Dulina** — Doctor of Sociological Sciences, Full Professor (Volograd, Russia) *e-mail:* nv-dulina@yandex.ru
- Sergey A. Kizima** — Doctor of Political Sciences, Full Professor (Minsk, Belarus) *e-mail:* kizima@mail.ru
- Viktor A. Kovalev** — Doctor of Political Sciences, Docent (Syktyvkar, Russia)
e-mail: vant_2000@mail.ru ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3691-4106>
- Anatoly E. Lapin** — Doctor of Economic Sciences, Full Professor (Ulyanovsk, Russia)
e-mail: eagov01@mail.ru ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1467-0358>
- Marina N. Makarova** — Doctor of Sociological Sciences, Docent (Izhevsk, Russia)
e-mail: makmar11@mail.ru ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3176-6386>
- Valentin G. Nemirovsky** — Doctor of Sociological Sciences, Full Professor (Tyumen, Russia)
e-mail: valnemirov@mail.ru ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4076-465X>
- Vladimir I. Patrushev** — Doctor of Sociological Sciences, Full Professor (Moscow, Russia) *e-mail:* vipatrushev@yandex.ru
- Galina A. Reznik** — Doctor of Economic Sciences, Full Professor (Penza, Russia)
e-mail: reznikga@gmail.com ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4575-1812>
- Zaneta Simanavichene** — Doctor of Economic Sciences, Full Professor (Kaunas, Lithuania)
e-mail: zaneta.simanaviciene@ktu.lt ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6008-2405>
- Rostislav F. Turovsky** — Doctor of Political Sciences, Docent (Moscow, Russia)
e-mail: rft777@mail.ru ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8496-3098>
- Vladimir P. Shalaev** — Doctor of Philosophical Sciences, Full Professor (Yoshkar-Ola, Russia)
e-mail: shalaevp@Volgatech.net ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9155-695X>

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО РЕГИОНА / POLITICAL SPACE OF A REGION

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407, eISSN 2587-8549

УДК 339.924(1-87)

О. В. БАХЛОВА

ИНТЕГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В РЕГИОНЕ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ: ВОЗМОЖНОСТИ, ОЦЕНКИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Интеграционная политика России как фактор формирования и реализации стратегии общенационального развития» № 16-03-00603.

Ключевые слова: регион; Евразийский экономический союз; интеграция; интеграционная политика; интеграционные процессы; Организация Договора о коллективной безопасности; постсоветское пространство; Содружество Независимых Государств; Союзное государство; сценарий

Введение: интеграционная политика России, будучи частью общегосударственной политики, ориентирована на стимулирование объединительных процессов в регионе СНГ. При этом многослойный транснациональный характер актуальных проблем и вызовов побуждает страны не только к расширению взаимодействия на основе общих и совпадающих интересов, но и к обогащению инструментария достижения интеграционных целей и задач. Эффективная интеграционная политика требует сопряжения внутри- и внешнеполитических приоритетов, факторов и ресурсов, она должна быть сбалансированной и учитывать потребности и возможности интегрирующихся государств, населения, регионов, социально-политических и иных субъектов.

Материалы и методы: в ходе исследования использовались прежде всего материалы экспертного опроса по проблематике постсоветской и

БАХЛОВА Ольга Владимировна, профессор кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения Национального исследовательского Мордовского государственного университета, доктор политических наук, доцент (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68) (*e-mail*: olga.bahlova@gmail.com). ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3849-8321>

© Бахлова О. В., 2017

евразийской интеграции и данные Евразийской экономической комиссии. В качестве базовых выступили методы политической диагностики и политической экспертизы, применялась методика определения параметров сложности в субрегиональных объединениях СНГ с участием России. С помощью метода сценарного прогнозирования на основе «ситуационного» подхода были разработаны краткие аналитические поисковые сценарии эволюции интеграционной политики России, динамики интеграционных процессов в регионе. В рамках экспертного опроса проведено анкетирование представителей научного сообщества России и Беларуси.

Результаты исследования: разные параметры интеграционной политики России интерпретированы экспертами неоднозначно. С одной стороны, их мнения во многом совпали по таким позициям, как статусно-ролевые характеристики России и ее интеграционных партнеров на пространстве СНГ, характер взаимоотношений в интеграционных объединениях, уровень включенности неправительственных институтов, социальной поддержки интеграционной политики. С другой стороны, налицо разброс суждений по количественным показателям. Белорусские эксперты проявили большую сдержанность в оценках по сравнению с российскими коллегами. С помощью экспертного опроса и других методов были выявлены основные проблемы интеграционной политики и сформулированы практические рекомендации.

Обсуждение и заключения: сбалансированная интеграционная политика России должна быть направлена на усиление оптимистических сценариев с укреплением главных субрегиональных форматов и сохранение СНГ как важной диалоговой площадки. Ожидания более высокого уровня могут быть реализованы при условии опоры на источники внутреннего роста и позитивную мотивацию интегрирующихся государств. На ближайшую и среднесрочную перспективы пока следует исходить из имеющихся уязвимостей, сглаживая их максимально негативные проявления и последствия. Требуется усиление интеграционного брендинга, повышение верифицируемости результатов интеграционных мероприятий, акцентирование проинтеграционных инструментов, дебюрократизация механизмов и процедур взаимодействия, актуализация научного и образовательного сопровождения интеграционной политики и интеграционных процессов.

Введение. Интеграционная политика в современных условиях является значимой частью общегосударственной политики, ориентированной на решение задач поступательного развития. Фактически она встраивается в систему внешнеполитического курса страны, предполагая содействие формированию благоприятного окружения, закреплению дружественных и союзнических отношений, поддержанию стабильности и безопасности по периметру границ и в пределах региона, где располагается данное государство. Отсутствие сейчас четкой грани между внешними и внутренними вопросами, транснационализация многих проблем, ранее относившихся

к внутригосударственной юрисдикции, миграционных и иных потоков, комплексная взаимозависимость, изменение оснований международной иерархии обуславливают необходимость расширения ее инструментария, выработки сбалансированных подходов, надлежащего ресурсного обеспечения. Интеграционная политика имеет стратегический характер и должна быть гибкой, чтобы адекватно реагировать на существующие или намечающиеся вызовы и угрозы. Она важна для всех стран мира и особенно актуальна для государств, активно действующих на международной арене, располагающих длительным опытом строительства надгосударственных систем и успешной практикой функционирования сложносоставных обществ и политий. Ее главные факторы — географическое положение, специфика региона, сопредельных государств, «плотность контакта» с другими акторами, их статусно-ролевые характеристики, качество и структура внешнеторговых связей, потребность в защите, кредитах, энергоресурсах и пр., исторические традиции, социокультурные параметры (язык, религия и пр.), побуждения элитных групп. Будучи направленной на стимулирование объединительных процессов с участием заинтересованных государств, интеграционная политика неизбежно корреспондируется с намерениями и шагами широкого круга субъектов.

В политике России, выполняющей на протяжении столетий в разных формах геополитического бытия роль одной из ведущих держав в масштабах Евразии и всего мира, интеграционная составляющая неизменно присутствовала, и сегодня она продолжает органично выражаться в инициативах, предложениях и поведении России в обширных территориальных рамках. Речь идет о конструировании более благоприятной стратегической реальности с точки зрения национальных интересов, о создании безопасного и относительно однородного, целостного пространства. Прежде всего исторически для России приоритетен регион Содружества Независимых Государств (СНГ). Однако тенденции постбиполярного периода и современности, отразившиеся в совокупности социально-политических трансформаций, серьезно скорректировали тактический арсенал и мотивацию России и ее партнеров по интеграционному взаимодействию, сказавшись на состоянии, результативности и судьбе ряда проектов регионального и субрегионального уровня.

Цель нашего исследования — определить потенциал интеграционной политики Российской Федерации в регионе СНГ, ее возможности и перспективы с учетом стратегических приоритетов России, региональной ситуации, встречной готовности стран Содружества, реакции внерегиональных игроков и степени социально-политической поддержки интеграционных процессов. Предусматривается обоснование выбора более рациональных практических интеграционных решений, соотношения между минимальными и максимальными требованиями интеграционной политики России.

Обзор литературы. В научной литературе интеграционная проблематика вызывает устойчивый исследовательский интерес, что объясняется многослойностью и динамизмом процессов региональной интеграции. Отечественные и зарубежные авторы отмечают дополнительные инструментальные возможности, появляющиеся у государств — членов интеграционных объединений. Одновременно поднимаются вопросы влияния интеграции на статус и роли отдельных стран и их взаимодействие в структуре региональных объединений. Е. Б. Михайленко, анализируя тенденции теоретического дискурса, подчеркивает двойственность мотивации слабых государств, включающей, с одной стороны, опасения, что региональные процессы по европейскому аналогу могут привести к их маргинализации в регионе, с другой — надежды на более эффективное участие в решении региональных вопросов¹. Таким образом, наращивание «позитивного суверенитета» благодаря делегированию новых полномочий наднациональным институтам часто воспринимается как посягательство на суверенитет государства и его позиции. В целом переосмысление многих традиционных проблем и векторов региональной интеграции осуществляется в рамках подходов «нового», «открытого» регионализма².

В плоскости интеграционной политики России отечественные авторы разрабатывают концепции «нового прагматизма» [1—2], «прагматического евразийства» [3], уделяют внимание

¹ См.: Михайленко Е.Б. «Старый» и «новый» регионализм: теоретический дискурс: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. С. 28.

² См.: Байков А.А. Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Тихоокеанской Азии. М.: Аспект Пресс, 2012. 256 с.; Халанский И.В. Теоретические подходы к исследованию проблем региональной интеграции в современной политической науке // Вестн. Кыргыз.-Рос. Славян. ун-та. 2014. Т. 14, № 2. С. 68—72.

продвижению публичной дипломатии и «мягкой» силы [4—6]. В зарубежных трудах и некоторых отечественных исследованиях нередко действия России интерпретируются как попытки «неоимперской экспансии» или проявления «постимперского синдрома». В них прослеживается приверженность концепциям «сдерживания», «эссенциализма» и т. п. [7—9]. Д. Е. Фурман определил СНГ как последнюю, третью форму постимперского пространства, самую мягкую и аморфную в сравнении с Российской империей и Советским Союзом, считая, что СНГ невозможно как единство равноправных государств, так как это пространство по своей конфигурации может быть лишь российскоцентричным³.

Особо следует выделить работы, авторы которых предметно обращаются к анализу сущности, форм и направлений интеграционной политики и интеграционной стратегии России⁴. Активно изучаются институциональные механизмы постсоветской и евразийской интеграции [10—11], усиливается внимание к перспективам внедрения наднациональности, преимущественно в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) [12—13], к координации и взаимодополняемости интеграционных усилий и форматов на пространстве Евразии и трансрегиональном уровне [14—15]. Часто затрагивается и проблема их конкуренции — «интеграционного выбора», корреляции интеграционных приоритетов постсоветских стран (Россия — СНГ — Евро-Атлантика и пр.) [16—17].

В целом на современном этапе наблюдается смещение исследовательского интереса в сторону евразийской интеграции, причем она трактуется даже как парадигма развития постсоветского пространства [18]. Оценки интеграционной политики России разного времени — от критических до умеренно оптимистичных. Так, Т. Гомар вполне в русле зарубежной традиции утверждает, что во главу внешнеполитического курса России ставятся постимпериалистические и националистические интересы. На его взгляд, России не удалось осуществить региональную интеграцию, она не может долгое время придерживаться принципов взаимного

³ См.: Фурман Д.Е. От распада Российской империи до распада СНГ. URL: <http://polit.ru/article/2005/10/05/furman/> (дата обращения: 01.06.2017).

⁴ См.: Киреева С.А. Межгосударственная интеграция как внешняя функция Российского государства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Астрахань, 2006. 50 с.; Россия в современных интеграционных процессах / под ред. С.А. Афонцева и М.М. Лебедевой. М.: МГИМО-Университет, 2014. 312 с.

доверия [19]. В свою очередь Н. и С. Зиядуллаевы полагают, что реальная интеграция или хотя бы консолидация большинства стран в рамках Содружества вполне возможна и сейчас, в перспективе — в зависимости от готовности к ней различных государств. Россия располагает ресурсами для поддержания своего влияния на всем постсоветском пространстве [20, с. 15—16].

На наш взгляд, недостаточно разрабатываются вопросы управления интеграцией, взаимосвязи развития государства, общества и задач интеграционной политики, сравнительного анализа субрегиональных интеграционных форматов в рамках СНГ, их преимуществ для государств-членов с точки зрения противостояния имеющимся вызовам и обеспечения конкурентоспособности в региональном и глобальном масштабах, субъектности регионов, политических партий и др., информационной поддержки и пропагандистского сопровождения интеграционной политики, а также прогностический аспект — сценарное прогнозирование эволюции как интеграционной политики России, так и интеграционных процессов на пространстве СНГ.

Материалы и методы. Исследование базируется на материалах экспертного опроса по проблематике постсоветской и евразийской интеграции, данных Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), Организации Объединенных Наций (ООН), информационного агентства Sputnik.

При проведении исследования мы использовали методы политической диагностики и политической экспертизы. Была проведена диагностика состояния интеграционной политики России и интеграционных процессов на пространстве СНГ, выявившая основные проблемы и тенденции в данной сфере. Использовалась методика определения ключевых параметров сложности в региональных интеграционных объединениях, предложенная Э. Бестом⁵. Внимание при этом акцентировалось на политических аспектах, а в качестве региональных интеграционных объединений понимались ЕАЭС, Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и Союзное государство (СГ). Непосредственно СНГ в качестве такой единицы анализа не рассматривалось; оно

⁵ См.: Григорян К.Г. Система индикаторов региональной экономической интеграции. URL: <http://www.e-rej.ru/Articles/2012/Grigoryan.pdf> (дата обращения: 15.06.2017).

интерпретировалось нами скорее как диалоговая площадка и рамочная координационная структура для государств — членов указанных объединений.

Интеграционная политика не является застывшим, статичным образованием, она подвержена значительным колебаниям под влиянием множества факторов. Потому изначальные формы и решения нередко видоизменяются, а их результативность снижается. Ввиду этого эффективная интеграционная политика как политика приращения требует привлечения метода политического сценарного прогнозирования. При определении перспективных вероятностей в исследуемой сфере применялся «ситуационный» подход, ориентированный на конструирование картины будущей гипотетической ситуации (Дж. Мартино, В. В. Косолапов, С. Е. Кургинян и др.)⁶. Были разработаны краткие аналитические поисковые сценарии эволюции интеграционной политики России и динамики интеграционных процессов в регионе, предполагающие в первую очередь обобщенное изложение наиболее правдоподобных систематических контекстов. Представлены также маловероятные сценарии, не получившие поддержки экспертов и не имеющие серьезных практических предпосылок для реализации.

В рамках формализованного заочного экспертного опроса проведено анкетирование 15 представителей научного сообщества Российской Федерации (Казанского (Приволжского) федерального университета, Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Национального исследовательского Мордовского государственного университета, Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского) и Республики Беларусь (Академии управления при Президенте Республики Беларусь, Белорусского государственного университета). Все эксперты имеют ученые степени доктора (13) и кандидата наук (2) в области политологии, социологии, истории, юриспруденции. Цель опроса — изучение трактовок респондентов по проблемам и основным тенденциям интеграционной политики России и интеграционных процессов на пространстве СНГ с ее участием. Опрос проводился в соответствии со специ-

⁶ См.: Ахременко А.С. Политический анализ и прогнозирование: учеб. пособие. М.: Гардарики, 2006. С. 281—283.

ально разработанным бланком, включавшим 25 позиций, преимущественно закрытых вопросов с возможностью формулирования экспертом собственного ответа.

Результаты исследования. Наибольшее единодушие эксперты проявили в ответах по следующим вопросам.

1. О состоянии и характере взаимоотношений государств — участников интеграционных объединений на пространстве СНГ: 40,0 % экспертов посчитали, что определяющими здесь являются применение приемов «блоковой тактики», формирование «групп по интересам», обсуждение распределения выгод и издержек от интеграции, преобладание в каждой из групп цели не достижения интеграционных результатов, а получения конъюнктурных преимуществ. Показательно, что другие эксперты в основном также дали негативные трактовки ситуации, а именно: «Доминирует несколько государств, образующих “интеграционное ядро” Содружества, остальные следуют в фарватере их политики. Формально взаимоотношения поддерживаются на достаточно высоком уровне, однако принципы равноправия практически не соблюдаются» (20,0 %); «Каждое государство-участник придерживается исключительно собственных интересов или интересов внутренних или внешних групп, оказывающих наибольшее влияние на формирование и реализацию публично-властных решений в рамках их интеграционной политики» (13,3 %); «Поддерживается активный переговорный процесс, однако явная заинтересованность проявляется лишь несколькими государствами, остальные дистанцируются от общей политики вследствие внутривнутриполитических обстоятельств или под давлением внешних игроков» (13,3 %); «Атмосфера конструктивного сотрудничества поддерживается только в одном (нескольких) объединениях, другие выполняют скорее маскировочную функцию для продвижения определенных интересов» (6,7 %). Положительная характеристика взаимоотношений через создание условий для свободной дискуссии, обмена мнениями и равноправного, конструктивного и открытого диалога всех заинтересованных участников с привлечением регионов, деловых кругов, неправительственных объединений и пр. получила незначительную поддержку (6,7 %). Вместе с тем ни один из экспертов не счел оправданными крайне негативные варианты определения ситуации одним доминирующим актором (государством), подчиняющим

себе остальных участников, и признания взаимоотношений в регионе конфликтными и центробежными.

2. О часто используемых методах и формах влияния на принятие решений в интеграционных объединениях с участием России. Абсолютное большинство экспертов склонилось к выбору «закрытых» методов и форм, таких как (по нисходящей): «коммерческие сделки» в рамках торгового взаимодействия между государствами-участниками, лоббирование посредством давления на процесс принятия решений со стороны корпораций и т. п., бюрократический внутригосударственный торг, заключение политических сделок между правящими элитами стран СНГ в рамках формирования нового элитного пакта, бюрократический торг на уровне интеграционных институтов. Некоторые эксперты отметили наличие рационального многовариантного выбора на основе согласования общих интересов и привлечения представителей экспертного сообщества, проведение научных мероприятий (конференций, круглых столов, семинаров и др.). Единичные ответы содержат указание на электоральную и в целом внутривластную конкуренцию властных и оппозиционных элит; использование неформальных связей (дружеских, родственных связей, института землячества и т. п.); широкое демократическое обсуждение с привлечением СМИ, представителей политических партий, регионов и др. посредством организации «дискуссионных площадок» и инициативных форумов. Вниманием экспертов оказались обделены варианты «Рациональный многовариантный выбор с опорой на национальные интересы одного государства (России)», «Реакция на запрос “снизу” (от регионов, деловых кругов, общественных организаций и пр.)», «Использование результатов опросов общественного мнения, размещение соответствующего контента в Интернете и изучение реакции на него». При этом 66,7 % экспертов признали уровень поддержки населением России интеграционных процессов на пространстве СНГ средним; 20,0 % определили его как низкий, и лишь в одном случае эксперт посчитал его высоким (остальные затруднились с ответом). Среди главных причин слабой общественной поддержки в России интеграционных процессов на пространстве СНГ эксперты выделили отсутствие у граждан интереса к проблемам внешней и интеграционной политики; низкую информированность населения о деятельности интеграцион-

ных объединений; слабую популяризацию на официальном уровне России и во влиятельных СМИ преимуществ интеграционного взаимодействия; несформированность позитивного образа интеграционных объединений на пространстве СНГ; недоверие к зарубежным странам СНГ в целом, не воспринимающимся в качестве надежных и предсказуемых интеграционных партнеров России; слабую эффективность интеграционной политики России и отсутствие ее серьезных позитивных результатов, значимых для населения; опасения чрезмерного «бремени» интеграции, особенно в условиях сложной социально-экономической ситуации; стереотипы «иждивенчества» в восприятии мотивации зарубежных стран СНГ; недоверие к отдельным политикам, руководителям зарубежных стран СНГ, убежденность в том, что они преследуют только собственные интересы. Лишь один эксперт указал на чрезмерную политизацию интеграционных процессов на пространстве СНГ. Факторами высокой поддержки интеграционных процессов эксперты признали прежде всего восприятие зарубежных стран СНГ как «близких родственников» и как партнеров в противостоянии с Западом; общие угрозы транснационального характера, осознание необходимости углубления взаимодействия в области безопасности безотносительно взаимоотношений с западными акторами. Ни один из экспертов не отнес к таким факторам активное продвижение на официальном уровне России и во влиятельных СМИ преимуществ интеграционного взаимодействия с участием стран СНГ, ностальгию по советскому прошлому, «имперский синдром», ощутимые положительные результаты активизации интеграционных процессов на пространстве СНГ, высокий авторитет представителей власти, выступающих за продвижение интеграционных инициатив в регионе Содружества.

3. Об уровне включенности неправительственных институтов в подготовку и принятие интеграционных решений в России: 86,7 % экспертов обозначили его как низкий. Лишь один эксперт определил его как средний, остальные затруднились с ответом. Причинами слабой включенности неправительственных институтов в подготовку и принятие интеграционных решений в России эксперты назвали в первую очередь несформированность институтов гражданского общества в России, непостоянность и фрагментарность деятельности некоммерческих организаций (НКО), отсутствие

влияния и авторитета у большинства НКО, отсутствие у неправительственных институтов достаточных ресурсов для реализации собственных целей и удовлетворения общественных интересов, отсутствие законодательных условий для включения неправительственных институтов в подготовку и принятие интеграционных решений в России. В гораздо меньшей степени таковыми были признаны незаинтересованность самих неправительственных институтов, не видящих преимуществ вовлечения в процесс формирования и реализации интеграционной политики России, и отсутствие необходимой поддержки неправительственных институтов со стороны государства. Ни один из экспертов не отметил фактор политических соображений (оппозиционность организации, ее поддержка извне, неприятие организацией общего курса России в области интеграционной политики, предложений и действий представителей властных структур России и пр.). На этом фоне объяснимым выглядит слабый интерес экспертов к вопросу о путях вовлечения неправительственных институтов в подготовку и принятие интеграционных решений в России. Среди относительно популярных ответов — проведение неформальных консультаций и организация участия представителей неправительственных объединений в общественно-политических форумах с целью выявления их предложений. В то же время наиболее активными агентами интеграционных процессов на пространстве СНГ эксперты с подавляющим преимуществом назвали бизнес-ассоциации, регионы, приграничные сообщества. Достаточно часто, но в меньшей степени фигурировали землячества, СМИ, религиозные организации. Национальные общественные организации, политические партии и движения, интернет-сообщества имеют единичные упоминания.

4. О содействии деятельности интеграционных объединений на пространстве СНГ улучшению социально-политической и экономической ситуации в регионе и странах Содружества: 73,3 % ответов содержат усредненную оценку («частично, в отдельных сферах»), по 13,3 % — у положительной оценки («да») и, напротив, негативной («влияние практически незаметно»).

5. О статусно-ролевых характеристиках России и ее партнеров в интеграционных процессах на пространстве СНГ. Несмотря на выявленные сложности и трудности в том, что

касается социальной поддержки интеграционной политики России и ограниченности ее инструментария, 86,7 % ответов экспертов предполагают согласие с безусловным лидерством России в этой сфере.

Его главными основаниями эксперты считают прежде всего (по нисходящей): энергетические ресурсы; военно-политическую мощь; экономический потенциал; фактор «исторической памяти»; геополитическое положение; русский язык, роль РПЦ, культурное наследие, другие инструменты духовно-культурного влияния. Не рассматриваются как доминантные в реальных условиях инновационно-технологическое лидерство, внутрисоциальная стабильность, согласие между основными элитными группами. Эксперты предложили и некоторые другие варианты роли России: преобладание в отдельных сферах интеграционного взаимодействия, доминирование России и Казахстана, разделение лидерства позиций с двумя другими государствами «интеграционного ядра» СНГ — Беларусь и Казахстаном.

Кроме того, статус и роль России и ее основных интеграционных партнеров по ЕАЭС и ОДКБ характеризовались через оценки их влияния на принятие и реализацию решений в органах межгосударственного и наднационального уровня, а также степени активности в выдвижении интеграционных инициатив. Получены следующие средние оценки (1 балл — наименьшая выраженность, 5 — наибольшая), представленные в табл. 1, 2.

Таблица 1
Возможности влияния стран — участниц интеграционных объединений в регионе СНГ на принятие и реализацию решений в органах межгосударственного и наднационального уровня*

Государство	Средняя оценка влияния, %
Армения	2,35
Белоруссия	3,87
Казахстан	4,13
Кыргызстан	2,08
Россия	4,80
Таджикистан	2,00

* Приведена средняя оценка влияния, выведенная на основании совокупности экспертных оценок по отдельным государствам.

Таблица 2

Степень активности стран — участниц субрегиональных объединений на пространстве СНГ в выдвигании интеграционных инициатив*

Государство	Средняя оценка влияния, %
Армения	2,43
Белоруссия	3,87
Казахстан	4,33
Кыргызстан	2,08
Россия	4,60
Таджикистан	1,64

* Приведена средняя оценка степени активности, выведенная на основании совокупности экспертных оценок по отдельным государствам.

Показателен достаточно большой разброс в оценках в отношении многих стран — участниц ЕАЭС и ОДКБ: например, оценка влияния Кыргызстана у разных экспертов колеблется от 1 до 4 баллов, та же картина — в оценке его активности. Наименьший разброс фиксируется в оценках влияния и активности России, равняющихся 4—5 баллам (причем 80,0 % экспертов оценили влияние и активность России высшим баллом). Заметна корреляция оценок влияния и активности всех стран: они полностью совпадают у Белоруссии и Кыргызстана, у других стран — очень и очень близки.

6. О соотношении «жесткой» и «мягкой» силы в интеграционной политике России. Мнения экспертов разделились поровну в позитивных («баланс обеспечивается») и негативных («баланс не обеспечивается») оценках — по 40,0 % (остальные эксперты затруднились с ответом). Эксперты акцентировали внимание прежде всего на следующих инструментах «мягкой» силы, которые Россия должна применять для увеличения эффективности своей интеграционной политики (по нисходящей): международных (внешних) и приграничных связей между субъектами России и регионами зарубежных стран СНГ; образовании и науке — проектах и программах, направленных на экспорт российского образования в зарубежные страны СНГ, содействие развитию научного сотрудничества на пространстве СНГ, привлечение граждан зарубежных стран СНГ на обучение в России; продвижении русской культуры, представлении культурного наследия России за ее пределами и содействии сотрудничеству стран СНГ в сфере культуры с опорой на российские центры науки и

культуры и интеграционные проекты; укреплении позиций русского языка в зарубежных странах СНГ, активизации идеи «Русского мира»; гибкой кредитно-финансовой политике. Другие инструменты — программы содействия развитию зарубежных стран СНГ, ориентированные на обеспечение их устойчивого социально-экономического развития через содействие в различных сферах и укрепление дружеских связей между странами и народами; религиозные связи на основе РПЦ; СМИ (Sputnik и др.); евразийский проект; энергетическая и официальная дипломатия были отмечены в 20,0—26,7 % ответов. Лишь один эксперт подчеркнул необходимость активизации идеи «славянского братства» и «второго направления» дипломатии. Более половины опрошенных экспертов (53,3 %) считают, что России нужно наращивать свое военное присутствие на территории стран СНГ; противоположное мнение — примерно у трети экспертов (33,3 %). Эксперты, согласные с необходимостью расширения военного присутствия России на территории стран СНГ, указали преимущественно на целесообразность расширения совместных (общих) группировок Вооруженных Сил в рамках региональных подсистем коллективной безопасности ОДКБ и расширения совместной (общей) группировки Вооруженных Сил Российской Федерации и Республики Беларусь в рамках союзных договоренностей. Варианты «Размещение постоянных военных баз на территории зарубежных стран СНГ на основе долгосрочных двусторонних соглашений» и «Создание “гостевых баз” при необходимости на основе разовых соглашений» получили крайне незначительную поддержку.

7. Об эффективности интеграционной политики России на разных этапах ее эволюции: 60,0 % экспертов отметили положительную динамику интеграционной политики, имея в виду повышение степени ее эффективности, на всех выделенных этапах (с 1991 по 2017 г. включительно); 26,6 % выявили, напротив, уменьшение степени эффективности интеграционной политики России на современном этапе (2015—2017 гг.); в 6,7 % ответов отмечено понижение эффективности также на предшествующих этапах (2000—2006 гг. и 2007—2014 гг.); в аналогичном количестве ответов пиком кульминации эффективности назван этап 1991—1994 гг., а на последующих этапах констатирована стабилизация

эффективности в среднем диапазоне. В 66,7 % ответов начало позитивной динамики отнесено к этапу 2000—2006 гг. Средняя экспертная оценка эффективности интеграционной политики России на разных этапах представлена в табл. 3, где 1—2 балла — низкая эффективность, 3 — средняя, 4—5 — высокая.

Таблица 3

Показатели эффективности интеграционной политики России*

Этап	Эффективность		
	Низкая	Средняя	Высокая
1991—1994	1,60	—	—
1995—1999	2,47	—	—
2000—2006	—	3,27	—
2007—2014	—	3,73	—
2015—2017	—	3,60	—

* Приведена средняя оценка эффективности интеграционной политики России, выведенная на основании совокупности экспертных оценок по отдельным этапам.

Обсуждение и заключения. Обобщая ответы экспертов, можно констатировать присутствие в их оценках значительной доли скептицизма относительно перспектив развития интеграционных процессов на пространстве СНГ, особенно в широком составе. В абсолютном большинстве случаев эксперты выбрали вариант «“Вялая” интеграция с сохранением основных форматов взаимодействия», а в 30,0 % — вариант «Ликвидация СНГ и окончательная переориентация на субрегиональные объединения». Только три эксперта назвали СНГ в числе наиболее эффективных объединений с точки зрения национальных интересов России. Также доминируют критические оценки результативности Содружества с характеристикой ее наименьшей выраженности в сравнении с СГ, особенно с ЕАЭС и ОДКБ. Оптимистический вариант для всего региона СНГ «Развитие “интеграции вглубь”»: углубление наднациональных характеристик существующих интеграционных объединений, переход к созданию на их базе политического союза» в качестве перспективной гипотетической ситуации выделили всего два эксперта. Одновременно, впрочем, эксперты усматривают среди наиболее выраженных вероятностей вариант «Активизация ЕАЭС и создание в его рамках экономического и валютного союза». Вариант «Активизация ОДКБ и создание сообщества безопасности на ее основе с единой армией и интегрированной системой

управления» получил поддержку всего трех экспертов. Ни одного голоса «за» не набрали предложенные экспертам варианты «Многомерная интеграция в рамках всего Содружества с созданием наднациональных институтов», «Развитие “интеграции вширь”»: увеличение количества участников субрегиональных объединений, выдвижение интеграционных целей и задач в новых сферах и областях без достижения существенного прогресса в прежних рамках, инициирование новых проектов», «Полномасштабная реализация положений Договора о создании СГ Беларуси и России, создание Российско-Белорусской Федерации».

Предпочтение отдается именно субрегиональным форматам интеграционного взаимодействия. Самым эффективным экспертами признан ЕАЭС (75,0 %), на втором месте — ОДКБ, совсем немного уступающая ЕАЭС. СГ считается гораздо менее эффективным объединением. По положительным характеристикам открытости, результативности, акцентирования общих интересов тоже уверенно лидируют ЕАЭС и ОДКБ. Напротив, они получили от экспертов меньше негативных оценок в плане политизированности и партикулярности. Основными причинами эффективности указанных интеграционных объединений эксперты считают (по нисходящей): прагматичную заинтересованность стран СНГ в углублении взаимодействия под влиянием особенностей внутривосточной, социально-экономической и международной ситуации; активную роль представителей власти стран СНГ, поддерживающих общую заинтересованность в интеграционном взаимодействии; сходство стран СНГ по социокультурным, политическим и прочим параметрам; учет разноплановых интересов и разного уровня подготовленности стран СНГ к участию в определенных мероприятиях; создание материального фундамента объединения. По одному эксперту отметили важность отказа от форсирования интеграционных процессов и достижения быстрых результатов, а также предварительного преодоления проблем и противоречий в плоскости дву- и многосторонних отношений. Никто не указал на вариант «Использование оптимальных и диверсифицированных механизмов интеграционного взаимодействия».

Представленные результаты в целом подтверждают ранее отмеченные тенденции теоретического дискурса по интеграционной проблематике. В центре внимания сейчас фактически

находится ЕАЭС, с ним связаны наибольшие интеграционные ожидания. СГ, по нашему мнению, явно недооцененное объединение, имеющее существенный потенциал роста. Однако отсутствие свободы маневра в силу ограниченности состава участников с выраженной асимметрией характеристик и возможностей, ряд политических и экономических ограничителей снижают его привлекательность и негативно сказываются на практике.

Подводя итоги, охарактеризуем ключевые параметры сложности ОДКБ, ЕАЭС и СГ, влияющие на состояние и результаты интеграционной политики России, основываясь на данных ЕЭК и Программы развития ООН⁷ (табл. 4).

Таблица 4

Ключевые параметры сложности субрегиональных объединений на пространстве СНГ с участием России*

Ключевой параметр	Конкретный показатель
Количество стран-участниц	<p>ОДКБ: 6 государств-членов (Кыргызская Республика, Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Республика Таджикистан, Россия) + Республика Сербия и Исламская Республика Афганистан как наблюдатели при Парламентской Ассамблее ОДКБ.</p> <p>ЕАЭС: 5 государств-членов (Кыргызская Республика, Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Россия) + Республика Молдова как наблюдатель.</p> <p>СГ: 2 государства-члена (Республика Беларусь и Россия) + парламенты Республики Абхазия и Республики Южная Осетия в качестве постоянных наблюдателей при Парламентском Собрании Союза Беларуси и России.</p> <p>+ Количество стран-участниц относительно невелико и обуславливает достаточную компактность состава, что упрощает управление соответствующими процессами.</p> <p>+ Обеспечивается представительство более 50 % стран СНГ, особенно с учетом института наблюдателей.</p> <p>– Отпадение от ДКБ / ОДКБ Азербайджана, Грузии, Узбекистана, «уход» Украины из зоны интеграционного притяжения и «дистанцирование» Туркменистана.</p> <p>– Ограниченность свободы маневра в СГ</p>

Продолжение табл. 4 на стр. 499–500

⁷ См.: Аналитический обзор. Январь — август 2017. Об основных социально-экономических показателях Евразийского экономического союза. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/in-dicators201708.pdf (дата обращения: 17.06.2017); Доклад о человеческом развитии 2016. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/HDR2016_RU_Overview_Web.pdf (дата обращения: 17.06.2017).

Продолжение табл. 4. Начало на стр. 498

Ключевой параметр	Конкретный показатель
Относительные размеры участвующих стран	<p>Кыргызская Республика: 199 951 км². Республика Армения: 29 743 км². Республика Беларусь: 207 600 км². Республика Казахстан: 2 724 900 км². Республика Таджикистан: 142 000 км². Российская Федерация: 17 125 191 км².</p> <p>+ Обширная пространственная зона охвата интеграционными процессами (у ЕАЭС — первая в мире). – Присутствие в пределах пространственной сферы региональной интеграции очагов конфликтности и напряженности. – Разновеликость стран, двухполюсность: Россия и Казахстан; остальные государства, особенно Армения</p>
Разные уровни развития	<p>Объем внутреннего валового продукта (ВВП) и индекс человеческого развития (ИЧР) (данные по ИЧР по итогам 2016 г.): Кыргызская Республика: ВВП — 2 823,2 млн долл. (январь — июнь 2017 г., +106,4 %); ИЧР — 0,664 (средний); Республика Армения: ВВП — 4 492,7 млн долл. (январь — июнь 2017 г., +105,9 %); ИЧР — 0,743 (высокий); Республика Беларусь: ВВП — 24 956,8 млн долл. (январь — июнь 2017 г., +101,0 %); ИЧР — 0,796 (высокий); Республика Казахстан: ВВП — 67 630,1 долл. (январь — июнь 2017 г., +104,3 %); ИЧР — 0,794 (высокий); Республика Таджикистан: ВВП — 4 800 млн долл. (январь — сентябрь 2016 г.); ИЧР — 0,664 (средний); Российская Федерация: ВВП — 720 753,3 млн долл. (январь — июнь 2017 г., +101,5 %); ИЧР — 0,804 (очень высокий). + Сопоставимость по ИЧР, нахождение абсолютного большинства стран-участниц в зоне высокого и очень высокого человеческого развития. + Наличие достаточно плотного экономического «ядра» (Россия, Казахстан, Белоруссия). + Заметная положительная динамика роста ВВП стран, недавно присоединившихся к ЕАЭС, — Армении и Кыргызстана. – Разноуровневость макроэкономических показателей, асимметричность развития по сферам и секторам национального хозяйства</p>

Окончание табл. 4. Начало на стр. 498

Ключевой параметр	Конкретный показатель
Степень реальной взаимозависимости	<i>Внутригрупповая торговля:</i> объем взаимной торговли товарами государств — членов ЕАЭС за январь — июль 2017 г. — 29,6 млрд долл. (127,8 % к уровню соответствующего периода 2016 г.); объем внешней торговли товарами государств — членов ЕАЭС со странами вне ЕАЭС за январь — июль 2017 г. — 341,3 млрд долл. (126,2 % к уровню соответствующего периода 2016 г.). + Положительная, явно выраженная динамика наращивания взаимного товарооборота для всех государств — членов ЕАЭС. – Гораздо меньший объем взаимного товарооборота по сравнению с объемом внешней торговли. <i>Важность военных альянсов:</i> все рассматриваемые государства входят в ОДКБ, однако некоторые страны (причем входящие в «интеграционное ядро») ограничивают свое участие в ее миротворческой и иной деятельности; ряд стран задействован в программах активизации сотрудничества с НАТО
Политические рамки	Общие вызовы для большинства стран-участниц: эскалация угроз терроризма и экстремизма, «цветных революций», давление внешних акторов, необходимость горизонтальной консолидации для укрепления позиций на международной арене, урегулирования конфликтов и кризисов на пространстве СНГ, традиционные исторические связи, длительное пребывание в общем геополитическом пространстве
Взгляды, ценности и нормы	+ Схожесть взглядов на природу, цели и важность интеграционного процесса. + Общность традиций конституционно-правового развития и основных государственных институтов. + Значение традиционных ценностей для всех стран-участниц. – Торможение углубления наднациональности, обусловленное опасениями чрезмерного давления со стороны более сильных участников, утратой суверенитета, особенно болезненными для новых независимых государств — зарубежных стран СНГ. – Несформированность единой (региональной) идентичности: деактуализация «реставрационной» идеи и фрагментация постсоветского пространства

* Использована методика Э. Беста. Сложности отмечены знаком минус.

Главные уязвимости интеграционной политики России в ее нынешнем состоянии, выделенные в ходе политологического исследования, имеют разное происхождение, но по иерархической значимости на первое место можно поставить проблемы, детерминированные внутренними ис-

точниками. Это закрытость, непубличность в целом сферы интеграционной политики, процесса выработки, принятия и реализации интеграционных решений, относительно небольшая инвестиционная активность в странах СНГ, слабая информированность населения о содержании и результатах интеграционных мероприятий, отсутствие ощутимого эффекта от них, невовлеченность в совместные акции, что определяет и сравнительно невысокий уровень поддержки интеграционной политики и интеграционных процессов. Что касается информационной составляющей, то здесь следует говорить не только о недостаточности интеграционных СМИ⁸, но и об их невостребованности в первую очередь молодежной аудиторией. Активизация сетевых интеграционных СМИ в этом плане должна подкрепляться широким внедрением образовательных программ и исследовательских проектов. Также следует обратить внимание на оперативное обновление материалов на официальных сайтах интеграционных объединений.

Выводы экспертов и эмпирические данные к наиболее правдоподобным гипотетическим ситуациям в плоскости интеграционных процессов на пространстве СНГ позволяют отнести следующие сценарии.

1. *«Инерционный» сценарий со знаком плюс.* Он предполагает достаточно аморфное дальнейшее существование СНГ, устраивающего большинство участников по причине отсутствия в его рамках жестких обязательств и «блоковой дисциплины», обязывающей к солидарности по вопросам внутренней и международной повестки. Вызовы и угрозы транснационального характера вкупе с комфортностью пребывания в Содружестве в качестве члена или участника и необходимостью политической межгосударственной координации — дополнительные стимулы поддерживать статус-кво. В основе функционирования субрегиональных форматов — СГ, ЕАЭС и ОДКБ — будет находиться сходная мотивация, но

⁸ Например, было издано всего два номера журнала «Союзники ОДКБ». Более благополучная ситуация сложилась в СГ. Выходят, в частности, газеты «Союз. Беларусь — Россия» (периодическое издание Совета Министров СГ) в качестве еженедельного приложения к «Советской Белоруссии» и «Российской газете» (<https://rg.ru/gazeta/soyuz/>), «Союзное Вече» (сетевое СМИ — газета Парламентского Собрания СГ) (<http://www.souzveche.ru/>). Функционирует Телерадиовещательная организация (ТРО) СГ, осуществляющая собственное вещание на спутниковом телевизионном канале ТРО.

они будут более эффективными в силу членства государств с более однородной структурой интересов и большей ориентации на осуществление прагматичных функций. Однако многие принципиальные вопросы — прежде всего в сфере валютной интеграции, продвижения общего энергетического рынка и внешнеполитической координации — решены не будут. Преимущественно сохранятся параметры конфигурации сил и режима, свойственные нынешней ситуации. Сценарий реализуется на фоне относительной стабилизации международной и внутренней обстановки. Россия продолжит играть лидерскую роль, но будет вынуждена в большей степени учитывать взгляды и потребности своих партнеров. В своей интеграционной политике она активизирует инструменты «мягкой» силы, но не сможет полностью преодолеть закрытость интеграционных решений.

2. *«Инерционный» сценарий со знаком минус базируется на допущении «отката» в интеграционных достижениях и ликвидации СНГ как квазиинтеграционного формата.* Он вероятен в ситуации ослабления влияния России в регионе Содружества и зависимости от нее зарубежных стран СНГ, уменьшения их заинтересованности во внутрирегиональных контактах после переориентации на других патронов, доноров, внешние рынки и пр. Возможно полное дезавуирование и отдельных субрегиональных форматов, в первую очередь СГ, поскольку его цели и задачи интеграционного характера полностью «растворятся» в ЕАЭС и ОДКБ, которые, впрочем, также не продемонстрируют значительных практических результатов в направлении расширения и углубления интеграции. Внутренняя ситуация в них — это своего рода аналогия «консервативной стабилизации». Более радикальное ухудшение условий, активизация внерегиональных игроков могут даже обусловить отрыв некоторых стран от этих объединений, например вследствие новых волн «цветных революций». Интеграционная политика России и ее партнеров будет непубличной, возобладают методы бюрократического торга на уровне внутригосударственных и интеграционных институтов.

3. *Умеренно оптимистичный, «контекстный» для пространства СНГ сценарий, основанный на активизации интеграционных процессов субрегионального уровня.* Приоритетными объединениями будут выступать ЕАЭС и

ОДКБ с вероятностью усиления их координации и наднациональных характеристик. СГ продолжит существовать, но экономически, политически, стратегически основные ожидания государств-участников будут связаны с двумя предыдущими форматами. Учитывая значительное совпадение состава ЕАЭС и ОДКБ, можно говорить о формировании некой субрегиональной системы, в рамках которой будет достаточно успешно воплощаться представление о многомерной интеграции. Самый благоприятный вариант развития событий для нее в пространственном отношении — вхождение в ЕАЭС Молдовы и Таджикистана, установление тесных ассоциативных интеграционных связей с Туркменистаном, «возвращение» Узбекистана. С точки зрения углубления интеграции — создание валютного союза в ЕАЭС и (или) СГ, расширение общих группировок Вооруженных Сил в рамках региональных подсистем коллективной безопасности ОДКБ, наращивание военно-технического сотрудничества и совместных мероприятий по отражению угроз и вызовов безопасности. Сценарий требует преодоления проблем в сфере внутреннего развития и улучшения обстановки как в регионе СНГ, так и в сопредельных регионах, сокращения экспансионизма отдельных международных акторов, их невмешательства во внутренние дела стран СНГ. Ведущие позиции в регионе будут занимать государства «интеграционного ядра». Будут устранены в целом указанные уязвимости интеграционной политики, расширены ее инструментарий с обеспечением необходимого баланса между «мягкой» и «жесткой» силой, круг агентов интеграционных процессов и социальная поддержка интеграционных решений.

4. *Сценарий «Большой Евразии» континентального уровня.* В основе — распространенная в последнее время концепция «большой евразийской интеграции». В отличие от предыдущих вероятностей, предполагает реформативное «интеграционного ядра» с вхождением в него Китайской Народной Республики (КНР) и утверждением либо дуалистического (Россия — КНР) либо полицентричного управления (Россия, КНР, Казахстан, Беларусь) интеграционными процессами с расширенным составом участников. Допускает корреляцию ЕАЭС и в меньшей степени ОДКБ с Шанхайской организацией сотрудничества. Однако вряд ли такой сценарий может интерпретироваться как один из

базовых. Скорее следует рассуждать об углублении формирующихся трансрегиональных связей ЕАЭС с третьими странами и создании с ними зон свободной торговли, т. е. о закреплении существующей тенденции. В рамках сценария, помимо преимуществ, присутствуют значительные риски: утраты Россией роли безусловного лидера интеграции, ликвидации особого статуса региона СНГ, «растворения» стран СНГ среди внерегиональных игроков.

Маловероятные сценарии также располагаются в позитивном и негативном спектре, но имеют более выраженные акценты.

1. *Многомерная интеграция в масштабах всего СНГ*, связанная с положительной интенсификацией интеграционного взаимодействия в разных сферах и форматах, подключением к интеграционным мероприятиям новых участников из числа постсоветских стран. Сценарий требует практического воплощения Концепции дальнейшего развития СНГ 2007 г., создания прочного материального фундамента, стабильной обстановки внутри интегрирующихся стран и вокруг них, равноправных взаимовыгодных отношений в рамках СНГ. Идеал — формирование многоступенчатой интеграционной системы с закреплением принципа дифференцированного участия. Драйверы сценария — преодоление геополитической плюрализации региона СНГ, повышение авторитета и влияния стран «интеграционного ядра», выступающего мощным полюсом притяжения, достижение значимых успехов в рамках субрегиональных форматов с участием России, отказ внерегиональных игроков от сдерживания России.

2. *Федералистский сценарий* можно рассматривать в нескольких вариантах — пространственно усеченном и расширенном. В первом случае среди перспективных вероятностей выделяются две модификации — Российско-Белорусская Федерация на базе СГ и Евразийская Федерация на базе ЕАЭС. Обе вероятности при сохранении проявляющихся трендов малореализуемы, хотя в их пользу свидетельствует достаточно много общих или совпадающих проинтеграционных факторов (социокультурное родство, исторические связи, экономическая взаимодополняемость, «плотность контакта», сходные риски и пр.). В расширенном виде сценарий может пониматься как «реставрационный», предусматривающий реконструкцию сложной политико-территориальной систе-

мы в границах Российской империи / СССР с воссозданием отдельных элементов их политико-правовых форм или геополитических моделей. Из притяжения гипотетической системы исключаются страны Балтии, Украина и Грузия. В целом такой вариант еще менее вероятен, чем предыдущий. Он может поддерживаться достижением едва ли не полной солидарности абсолютного большинства стран СНГ, преодолением всех конфликтов и разногласий между ними, позитивными результатами интеграционного и внутреннего развития. Интеграционная политика России и ее партнеров приобретет черты внутренней политики и будет основываться на принципе субсидиарности, свойственном федеративной модели. Необходимы формирование и активные действия региональных трансграничных общественных объединений и движений, приграничных зон развития, совместных промышленных, оборонных и иных кластеров как опорных зон интеграционного роста.

3. *Имперский сценарий* также предполагает усиление центростремительных тенденций, аккумулирующихся вокруг традиционного лидера региона — России. Это более жесткий вариант создания надгосударственной системы, он требует закрепления за Россией статуса безоговорочного, единственного лидера региона, ужесточения ею политики геополитического контроля, методов диктата и пр. Гипотетически он допустим в ситуации радикального ухудшения международного положения стран СНГ или их политических режимов. Однако сценарий не имеет ни серьезных практических предпосылок, ни заметной поддержки в политическом дискурсе, тем более в официальной стратегии России.

4. *Катастрофический сценарий* — крах интеграционных проектов, инициированных Россией, распад СНГ и субрегиональных объединений. Основан на максимальном ослаблении интегрирующей роли России вследствие усилившихся внешнеполитических сложностей (масштабной санкционной политики, полной международной изоляции, нагнетания конфликтного потенциала в отношениях с ведущими акторами, пространственной и идеологической экспансии сопредельных государств и внерегиональных игроков), а также давления внутренних проблем (нового витка экономического кризиса, падения доверия населения к власти, активизации радикальных настроений и пр.). Ни одно из интеграционных

предложений России в подобных условиях не будет поддержано другими постсоветскими государствами. Регион распадется на зоны влияния и конкуренции России, Китая, евроатлантических акторов, Турции, Ирана.

Сбалансированная интеграционная политика России, отвечающая ее национальным интересам, несомненно, должна усиливать оптимистические сценарии. Ее минимальные требования на текущий момент — сохранить наиболее успешные интеграционные форматы в прежнем составе с наращиванием взаимовыгодных интеграционных связей с третьими странами и объединениями. Максимальные или повышенные по сравнению с данными требованиями коррелируются с необходимостью выполнения комплекса рекомендаций. Настоятельно желательны гораздо большая опора на источники внутреннего роста и позитивную мотивацию интегрирующихся государств, создание базы не для усиления эффекта «фрустрации», который может теснее «привязать» страны — участницы интеграционных форматов друг к другу поневоле, но «обобщения успехов» и их «перелива» на новые сферы и секторы. Оптимальная интеграционная политика основывается на гармоничном соединении политических, экономических, социальных, культурных и иных факторов, инструментов и компонентов. Однако на ближайшую и среднесрочную перспективы пока следует исходить из сохраняющихся уязвимостей, сглаживая их максимально негативные проявления и последствия. Требуется усиление интеграционного брендинга, предполагающего создание позитивных образов интеграционных объединений и стран-участниц, повышение верифицируемости результатов интеграционных мероприятий, сопряжение интеграционной политики с социальной и иными сферами, где присутствуют интересы граждан, групп, сообществ, акцентирование важнейших проинтеграционных инструментов (особенно расширение коммуникативного пространства русского языка), дебюрократизация механизмов и процедур взаимодействия в рамках СНГ и субрегиональных форматов, актуализация научного и образовательного сопровождения интеграционной политики и интеграционных процессов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Валовая Т. Постсоветское пространство в эпоху прагматизма // Россия в глобальной политике. 2005. Т. 3, № 2. С. 158—171. URL: http://globalaffairs.ru/number/n_4830 (дата обращения: 01.06.2017).
2. Федулова Н. Россия — СНГ: время собирать камни // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 1. С. 104—111. URL: https://www.imemo.ru/jour/meimo/index.php?page_id=685&id=3039&jid=3021&jj=49 (дата обращения: 01.06.2017).
3. Винокуров Е. Прагматическое евразийство // Россия в глобальной политике. 2013. № 2. URL: <http://globalaffairs.ru/number/Pragmaticheskoe-evraziistvo-15950> (дата обращения: 01.06.2017).
4. Боришполец К.П. Публичная дипломатия на пространстве ЕАЭС: осмысление феномена и тенденций развития // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 5. С. 42—55. URL: http://www.vestnik.mgimo.ru/sites/default/files/pdf/005_borishpoleckp.pdf (дата обращения: 01.06.2017).
5. Боришполец К.П. Ресурсы публичной дипломатии Союзного государства России и Беларуси // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 3. С. 224—237. URL: http://www.vestnik.mgimo.ru/sites/default/files/pdf/012_bor.pdf (дата обращения: 01.06.2017).
6. Лебедева М.М., Харкевич М.В. «Мягкая сила» России в развитии интеграционных процессов на евразийском пространстве // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2. С. 10—13. URL: http://www.vestnik.mgimo.ru/sites/default/files/pdf/lebedeva_harkevich.pdf (дата обращения: 01.06.2017).
7. Cooley A. Great Games, Local Rules: the New Great Power Contest in Central Asia. Oxf.: Oxf. Univ. Press, 2012. 272 p.
8. Kanet R.E. Russian Foreign Policy in the 21st Century. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2011. 295 p.
9. Sakwa R. Frontline Ukraine: Crisis in the Borderlands. L.; N. Y.: I.B. Taurus, 2015. 320 p.
10. Зуев В. Методология классификации и оценки форм региональной интеграции // Евразийская экономическая интеграция. 2014. № 3. С. 25—43. URL: https://eabr.org/upload/iblock/cad/eei_3_2014_zuev.pdf (дата обращения: 05.06.2017).
11. Ушкалова Д.И. К вопросу о моделях и механизмах участия России в процессах региональной экономической интеграции // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 4. С. 139—147. URL: http://www.vestnik.mgimo.ru/sites/default/files/pdf/018_04-2014_ushkalova.pdf (дата обращения: 05.06.2017).
12. Нешатаева Т.Н. Интеграция и наднационализм // Вестник Пермского университета. Серия: Юридические науки. 2014. Вып. 2. С. 243—248. URL: http://www.jurvestnik.psu.ru/images/stories/vestnik/pdf/2014_2_24.pdf (дата обращения: 05.06.2017).
13. Стрежнева М. Наднациональность и принцип субсидиарности в ЕС и за его пределами // Мировая экономика и международные отношения. 2016. № 6. С. 5—14. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-6-5-14>

14. Головин М.Ю., Захаров А.В., Ушкалова Д.И. Экономическая интеграция: уроки для постсоветского пространства // *Мировая экономика и международные отношения*. 2016. Т. 60, № 4. С. 61—69. URL: https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/04_2016/61_69_USHKALOVA.pdf (дата обращения: 05.06.2017).

15. Трещенков Е. Европейская и евразийская модели интеграции: пределы соизмеримости // *Мировая экономика и международные отношения*. 2014. № 5. С. 31—41. URL: https://www.imemo.ru/jour/meimo/index.php?id=4074&page_id=685 (дата обращения: 05.06.2017).

16. Вардазарян М.Е. Республика Армения перед выбором между новыми инициативами Российской Федерации и «Восточным партнерством» Евросоюза // *Вестник МГИМО-Университета*. 2014. № 1. С. 31—36. URL: <http://www.vestnik.mgimo.ru/sites/default/files/pdf/vardanyan.pdf> (дата обращения: 10.06.2017).

17. Скриба А.С. Вызовы и перспективы евразийской интеграции после украинского кризиса // *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. 2014. Т. 9, № 3. С. 96—111. URL: <https://iorj.hse.ru/2014-9-3/135818155.html> (дата обращения: 10.06.2017).

18. Агасарян А. Евразийская интеграция как новая парадигма развития постсоветского пространства // *Международная жизнь*. 2014. № 4. С. 30—39. URL: https://interaffairs.ru/virtualread/ia_rus/42014/index.html (дата обращения: 18.06.2017).

19. Гомар Т. Россия одна навсегда? // *Россия в глобальной политике*. 2008. № 5. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_11633 (дата обращения: 17.06.2017).

20. Зиядуллаев Н., Зиядуллаев С. Риски и шансы евразийской экономической интеграции в контексте внешних санкций // *Проблемы теории и практики управления*. 2017. № 2. С. 8—17. URL: <http://www.ipr-ras.ru/articles/ziyadul17-02.pdf> (дата обращения: 17.06.2017).

Для цитирования: Бахлова О.В. Интеграционная политика России в регионе Содружества Независимых Государств: возможности, оценки, перспективы // *РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY*. 2017. Т. 25, № 4. С. 482—511.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

O. V. Bakhlova. Integration Policy of Russia in the Region of the Commonwealth of Independent States: Opportunities, Estimates, Prospects

Acknowledgements: the study was performed with financial support from Russian Foundation for Basic Research, research project “Integration policy of Russia as a factor of formation and implementation of the Strategy of national development”, No. 16-03-00603.

Key words: region; Eurasian Economic Union; integration; integration policy; integration processes; Collective Security Treaty Organization; post-Soviet space; Commonwealth of Independent States; Union State; scenario

Introduction: Russia’s integration policy, as part of the national policy, is focused on the promotion of integration processes in the CIS region. The multi-layered transnational nature of current problems and challenges urges countries not only to expand cooperation based on shared and common interests, but also to enrich the instruments for achieving integration goals and objectives. An effective integration policy requires pairing domestic and foreign policy priorities, factors and resources; it should be balanced and take account of the needs and opportunities of the integrating states, population, regions, socio-political and other entities.

Materials and Methods: the study primarily used the materials of the expert survey on the issues of post-Soviet and Eurasian integration and the data from the Eurasian Economic Commission. The methods of political diagnosis and political expertise were the basic ones; the method of determining the parameters of difficulty in the CIS sub-regional associations with the participation of Russia was also used. Using the method of scenario planning on the basis of the “situation-based” approach, short analytical search scenarios of evolution of the integration policy of Russia were developed, as well as those of the dynamics of integration processes in the region. In the framework of the expert poll, a survey of members of the scientific community of Russia and Belarus was conducted.

Results: different parameters of the integration policy of Russia are ambiguously interpreted by experts. On the one hand, their views largely coincided in such areas as the status and role characteristics of Russia and its integration partners in the CIS, the nature of the relationship in the integration associations, the level of involvement of non-governmental institutions, social support for integration policy. On the other hand, there is a range of opinions on quantitative indicators. Belarusian experts have shown greater restraint in their estimates in comparison with their Russian counterparts. With the help of an expert poll and other methods, the main problems of the integration policy were identified and practical recommendations were produced.

Discussion and Conclusions: Russia’s balanced integration policy should be aimed at strengthening the optimistic scenarios, the main sub-regional formats and at preservation of the CIS as an important dialogue platform. Expectations of a higher level can be embodied under the condition of reliance on the sources of domestic growth and on the positive motivation of the integrating states. In the short and medium terms, one should consider the existing vulnerabilities, mitigating their most negative manifestations and consequences. What is needed is intensification of integration of branding, increased verifiability of the results of the integration activities, emphasized pro-integration instruments, de-bureaucratization of processes and procedures of interaction, updated scientific and educational support of the integration policy and integration processes.

REFERENCES

1. Valovaya T. [The Post-Soviet Space in the Era of Pragmatism]. *Rossija v global'noj politike* = Russia in Global Affairs. 2005; 2(3):158—171. Available at: http://globalaffairs.ru/number/n_4830 (accessed 01.06.2017). (In Russ.)
2. Fedulova N. [Russia — CIS: a Time to Gather Stones]. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija* = World Economy and International Relations. 2006; 1:104—111. Available at: https://www.imemo.ru/jour/meimo/index.php?page_id=685&id=3039&jid=3021&jj=49 (accessed 01.06.2017). (In Russ.)
3. Vinokurov E. [Pragmatic Eurasianism]. *Rossija v global'noj politike* = Russia in Global Affairs. 2013; 2. Available at: <http://globalaffairs.ru/number/Pragmaticheskoe-evraziistvo-15950> (accessed 01.06.2017). (In Russ.)
4. Borishpolets K.P. [Public Diplomacy in EEU Region: Understanding the Phenomenon and its Development]. *Vestnik MGIMO-Universiteta* = MGIMO-University Bulletin. 2015; 5:42—55. Available at: http://www.vestnik.mgimo.ru/sites/default/files/pdf/005_borishpoleckp.pdf (accessed 01.06.2017). (In Russ.)
5. Borishpolets K.P. [The Public Diplomacy Resources of the Union State of Russia and Belarus]. *Vestnik MGIMO-Universiteta* = MGIMO-University Bulletin. 2017; 3:224—237. Available at: http://www.vestnik.mgimo.ru/sites/default/files/pdf/012_bor.pdf (accessed 01.06.2017). (In Russ.)
6. Lebedeva M.M., Kharkevich M.V. [The Role of the Russian Soft Power in Eurasian Integration]. *Vestnik MGIMO-Universiteta* = MGIMO-University Bulletin. 2014; 2:10—13. Available at: http://www.vestnik.mgimo.ru/sites/default/files/pdf/lebedeva_harkevich.pdf (accessed 01.06.2017). (In Russ.)
7. Cooley A. *Great Games, Local Rules: the New Great Power Contest in Central Asia*. Oxford: Oxford University Press; 2012. 272 p.
8. Kanet R.E. *Russian Foreign Policy in the 21st Century*. New York: Palgrave Macmillan; 2011. 295 p.
9. Sakwa R. *Frontline Ukraine: Crisis in the Borderlands*. London; New York: I.B. Taurus; 2015. 320 p.
10. Zuev V. [Methodology of Classification and Evaluation of Regional Integration Forms]. *Evrazijskaja jekonomicheskaja integracija* = Eurasian Economic Integration. 2014; 3:25—43. Available at: https://eabr.org/upload/iblock/cad/eei_3_2014_zuev.pdf (accessed 05.06.2017). (In Russ.)
11. Ushkalova D.I. [On the Issue of Models and Mechanisms of Russia's Participation in Regional Economic Integration]. *Vestnik MGIMO-Universiteta* = MGIMO-University Bulletin. 2014; 4:139—147. Available at: http://www.vestnik.mgimo.ru/sites/default/files/pdf/018_04-2014_ushkalova.pdf (accessed 05.06.2017). (In Russ.)
12. Neshataeva T.N. [Integration and Supranationalism]. *Vestnik Permskogo universiteta. Serija: Juridicheskie nauki* = Perm University Herald. Series: Juridical Sciences. 2014; 2:243—248. Available at: http://www.jurvestnik.psu.ru/images/stories/vestnik/pdf/2014_2_24.pdf (accessed 05.06.2017). (In Russ.)
13. Strezhneva M. [Supranationality and the Subsidiarity Principle in the European Union and Beyond]. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye*

otnoshenija = World Economy and International Relations. 2016; 6:5—14. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-6-5-14>

14. Golovnin M.Yu., Zakharov A.V., Ushkalova D.I. [Economic Integration: Lessons for the Post-Soviet Space]. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija* = World Economy and International Relations. 2016; 4(60):61—69. Available at: https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/04_2016/61_69_USHKALOVA.pdf (accessed 05.06.2017). (In Russ.)

15. Treshchenkov E. [European and Eurasian Integration Models: the Limits to Their Comparability]. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija* = World Economy and International Relations. 2014; 5:31—41. Available at: https://www.imemo.ru/jour/meimo/index.php?id=4074&page_id=685 (accessed 05.06.2017). (In Russ.)

16. Vardazaryan M.E. [Armenia: an Uneasy Choice Between Russia's New Initiatives and the EU Eastern Partnership]. *Vestnik MGIMO-Universiteta* = MGIMO-University Bulletin. 2014; 1:31—36. Available at: <http://www.vestnik.mgimo.ru/sites/default/files/pdf/vardanyan.pdf> (accessed 10.06.2017). (In Russ.)

17. Skriba A.S. [Challenges of Eurasian Integration After the Ukrainian Crisis]. *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij: obrazovanie, nauka, novaja jekonomika* = International Organisations Research Journal. Education. Science. New Economy. 2014; 3(9):96—111. Available at: <https://iorj.hse.ru/2014-9-3/135818155.html> (accessed 10.06.2017). (In Russ.)

18. Agasaryan A. [Eurasian Integration as a New Paradigm of Development of the Post-Soviet Space]. *Mezhdunarodnaja zhizn'* = International Affairs. 2014; 4:30—39. Available at: https://interaffairs.ru/virtualread/ia_rus/42014/index.html (accessed 18.06.2017). (In Russ.)

19. Gomart T. [Russia Alone Forever?]. *Rossija v global'noj politike* = Russia in Global Affairs. 2008; 5. Available at: http://www.globalaffairs.ru/number/n_11633 (accessed 17.06.2017). (In Russ.)

20. Ziyadullaev N., Ziyadullaev S. [Risks and Chances of the Eurasian Economic Integration in the Context of External Sanctions]. *Problemy teorii i praktiki upravlenija* = Theoretical and Practical Aspects of Management. 2017; 2:8—17. Available at: <http://www.ipr-ras.ru/articles/ziyadul17-02.pdf> (accessed 17.06.2017). (In Russ.)

About the author:

Olga V. Bakhlova, Doctor of Political Sciences, Professor at the Department of World History, Political Science and Regional Studies, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk, 430005, Russia) (e-mail: olga.bahlova@gmail.com). ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3849-8321>

For citation: Bakhlova O.V. Integration Policy of Russia in the Region of the Commonwealth of Independent States: Opportunities, Estimates, Prospects. *REGIONOLOGIYA* = REGIONOLOGY. 2017; 4(25):482—511.

The author have read and approved the final manuscript.

Поступила/Submitted 30.08.2017.

Е. Г. МАКЛАШОВА

**УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ АКЦЕНТЫ
РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОГРАММ
ПО РЕАЛИЗАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ
(НА ПРИМЕРЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА)**

Ключевые слова: регион; национальная политика; региональные программы по реализации национальной политики; региональная национальная политика; этнокультурное многообразие

Введение: целью статьи стало определение акцентов региональных моделей управления вопросами государственной национальной политики России на Дальнем Востоке посредством анализа специализированных региональных программ. Дано авторское видение национальной политики, где учитываются политический и управленческий аспекты, а также бинарный характер нациестроительства в современной России.

Материалы и методы: материалами для исследования послужили целевые программы дальневосточных регионов (за исключением Приморского края, в котором на 2017 г. не принята специализированная программа в сфере национальной политики), направленные на решение вопросов в сфере государственной национальной политики России. Для достижения цели, поставленной в статье, избран политико-правовой анализ с акцентом на содержательный контент-анализ нормативных документов.

Результаты исследования: в статье анализ специализированных программ регионов Дальнего Востока представлен более углубленно, где такие важные параметры, как определение уровня межнациональных отношений, цель, основные задачи, направления деятельности и индикаторы программы, дополнены оценкой плана мероприятий и особенностей его финансирования. Именно эти показатели позволяют определить уникальные управленческие акценты в сфере реализации национальной политики на уровне регионов. На основе компаративистики определено, что, несмотря на соответствие целей региональных программ целям и задачам, установленным Стратегией

МАКЛАШОВА Елена Гавриловна, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, кандидат политических наук (677007, Россия, г. Якутск, ул. Петровского, 1) (*e-mail*: maklashova@mail.ru). ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5080-6473>. Researcher ID: B-6264-2015

© Маклашова Е. Г., 2017

государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, каждый дальневосточный регион выстраивает управленческую линию сообразно региональным потребностям и возможностям (главным образом, финансовым).

Обсуждение и заключения: акценты и мероприятия по реализации национальной политики в регионах уникальны, что позволяет сделать вывод о наличии децентрализации в решении вопросов в сфере национальной политики и о существовании региональных национальных политик. Анализ акцентов целеполагания, мероприятий и их финансового обеспечения позволил говорить о реализации на Дальнем Востоке пяти программных моделей управления в сфере национальной политики. Однако с целью выявления их актуальности поднимается вопрос о проведении исследования о соотношении программных моделей и региональных этносоциальных процессов.

Введение. Национальная политика России — это система профессионального воздействия на отношения в полиэтническом обществе, которое осуществляется для достижения заданных результатов в интересах общества и государства и направлено на укрепление единства нации, стабильность межэтнических отношений и этнокультурное развитие. Эта трактовка позволяет отразить не только политическое содержание, но и управленческий характер национальной политики, а также учесть современные особенности национально-культурного развития российского общества (базирование на дуальном (бинарном) подходе к развитию общества через признание принципа единства, многообразия и дихотомии «нация — этнос»). При этом государственные органы власти выступают главным субъектом реализации национальной политики на территории страны.

Таким образом, система национальной политики включает как правовые, так и иные нормативные акты федерального и регионального уровней, позволяющие регламентировать и осуществлять управленческую деятельность органов государственной власти. Основной формой организации управленческой деятельности федеральных и региональных органов власти являются целевые программы.

Цель статьи — определение акцентов региональных моделей управления вопросами в сфере национальной политики России на Дальнем Востоке посредством анализа специализированных региональных программ. В исследовании предполагается, что не всегда органам государственной власти удается соблюсти при планировании деятельности

полный комплекс задач и направлений, установленных специализированными программами.

Обзор литературы. Формирование и реализация национальной политики в России представляет собой вполне разработанную тему, которая проводится обычно в политико-правовом контексте. Безусловно, что базисом для данного исследования стали отечественные научные работы В. Ю. Зорина¹, Р. Г. Абдулатипова², которые подчеркивают фундаментальный характер уникального многообразия этнокультур России, определяют особенности становления и развития российского государства.

Исследование учитывает предшествующие результаты работ, посвященных анализу политико-правовых основ национальной политики отдельных субъектов Российской Федерации и обращенных к вопросу совершенствования современной национальной политики России, в которых не делается акцент на важности нивелировать государственную национальную политику сообразно этническим, этнокультурным особенностям регионов, в частности таких авторов, как Г. Х. Киреев³, Р. Н. Абрамов⁴, Д. В. Цыренова⁵. Также есть обращение к проблеме отражения в СМИ информации по вопросам национальной политики. С. Г. Ушкин отмечает, что, несмотря на актуализацию проблем в сфере национальной политики, с принятием Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (Стратегия) в СМИ адекватной информации о ее реализации не последовало [1]. Важная часть национальной политики — вопрос регулирования межнациональных отношений в России, к которому обращен огромный массив публикаций. Авторы,

¹ См.: Зорин В.Ю. Государственная национальная политика в России: историко-политологический анализ: дис. ... д-ра полит. наук. М., 2003. 471 с.

² См.: Абдулатипов Р.Г. Национальный вопрос и государственное устройство России. М., 2000. 605 с.

³ См.: Киреев Г.Х. Государственная национальная политика Российской Федерации на Северном Кавказе в условиях развивающейся демократии: дис. ... д-ра полит. наук. М., 2010. 450 с.

⁴ См.: Абрамов Р.Н. Национальная политика Российской Федерации в условиях политической модернизации: дис. ... канд. полит. наук. Саратов, 2013. 183 с.

⁵ См.: Цыренова Д.В. Государственная национальная политика Российской Федерации и ее реализация в Республике Бурятия: дис. ... канд. полит. наук. М., 2005. 194 с.

представляющих разные регионы России и посвятивших свои исследования анализу этого сложного процесса, очень много, что отражает не только остроту проблемы, но и ее фундаментальность для российского государства. Среди них необходимо назвать ученых, имеющих непосредственное отношение в Дальнему Востоку, таких как В. Б. Игнатьева⁶, Т. С. Ермолаев⁷, О. В. Осипова⁸, И. Ф. Ярулин⁹, П. Л. Бляхер и И. И. Гоголева [2], А. Г. Долган с соавторами¹⁰, Л. Е. Козлов [3], О. В. Кузьмина [4]. Их труды позволили сформировать специализированное научное поле по проблемам анализа и управления межнациональными отношениями на локальных территориях Дальнего Востока.

Национальная политика имеет прямое отношение к нации, поэтому немалую часть заняли обзор и реферирование материалов по теории нации. В этом аспекте важную роль сыграли труды В. А. Тишкова, связанные с осмыслением формирования и укрепления российской нации [5—7].

⁶ См.: Игнатьева В.В. Мониторинг этнополитической ситуации: Республика Саха (Якутия) // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2013 году: ежегод. докл. Сети этнол. мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / ред. В.А. Тишков и В.В. Степанов. М.: ИЭАРАН, 2014. С. 571—578.

⁷ См.: Ермолаев Т.С. Социальное самочувствие этнических групп в условиях реиндустриализации Южной Якутии // Современные проблемы межнациональных и межконфессиональных отношений: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Якутск, 29 окт. 2015 г. Якутск: Издат.-информ.-технол. центр «Алаас», 2016. С. 69—77.

⁸ См.: Осипова О.В. Национальная политика РФ и современные этносоциальные процессы в Якутии // Малочисленные этносы в пространстве доминирующего общества: практика прикладных исследований и эффективные инструменты этнической политики: сб. науч. ст. по итогам Всерос. с междунар. участием конф. (г. Кемерово, 17—18 окт. 2014 г.) / отв. ред. В.В. Поддубиков; редкол.: В.Г. Дружинин и др.; сост. В.В. Поддубиков; КемГУ. Кемерово: Практика, 2014. С. 154—157.

⁹ См.: Ярулин И.Ф. и др. Межэтнические и межконфессиональные отношения в Дальневосточном федеральном округе (по материалам социологических исследований): препринт. Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2014. 96 с.

¹⁰ См.: Долган А.Г., Завалишин А.Ю., Ким А.С., Федорова В.Р. Профилатика межнациональных конфликтов, дисбаланса и непонимания между народами Хабаровского края // DIXI-2014: идеи, гипотезы, открытия в социально-гуманитарных исследованиях: сб. науч. тр. / Хабар. гос. акад. экономики и права. Хабаровск, 2014. С. 149—193.

Есть работы, посвященные сравнительному анализу основ формирования региональных национальных политик. В частности, Т. В. Заметина, анализируя региональные конституции и уставы, подчеркивает наличие разнообразных подходов к правовому регулированию в исследуемой сфере отношений и приходит к выводу, что единообразие конституционно-правовых начал национальной политики на уровне регионов весьма необходимо¹¹. Проводятся системные исследования в области институционализации национальной политики на региональном уровне. Так, Ю. В. Попков и В. Г. Костюк представили авторскую классификацию региональных концепций по их целевым ориентациям [8], М. А. Абрамова в ретроспективном ключе проанализировала политико-правовые основы формирования современной национальной политики в Якутии¹².

Мы изучили вопрос институционализации национальной политики в регионах России, на основе анализа целей и задач, направлений деятельности и индикаторов представили модели специализированных программ дальневосточных регионов: 1) консервативную модель, в которой цели и задачи направлены на гармонизацию межэтнических отношений и поддержку самобытности народов; 2) модернистскую модель, закрепляющая новый концепт, «образ» национальной политики, установленный Стратегией; 3) прогрессивную модель, где цель национальной политики — формирование российской нации [9].

Материалы и методы. Для достижения цели, поставленной в статье, избран политико-правовой анализ с акцентом на содержательный контент-анализ нормативных документов — целевых специализированных программ в сфере реализации национальной политики восьми регионов Дальнего Востока (таблица).

¹¹ См.: Заметина Т.В. Региональная национальная политика: проблемы правовой формализации // Вестн. Академии экон. безопасности МВД России. 2009. № 12. С 29—35.

¹² См.: Абрамова М.А. Формирование современной модели государственной национальной политики Республики Саха (Якутия) // М.А. Абрамова, В.Г. Костюк, С.А. Мадюкова, О.А. Персидская, Ю.В. Попков. Региональные модели государственной национальной политики современной России: в 2 ч. / под ред. Ю.В. Попкова; ИФПР СО РАН. Новосибирск: Манускрипт, 2016. Ч. I. С. 56—120.

Таблица

**Целевые специализированные программы
в сфере реализации национальной политики регионов Дальнего Востока¹³**

Регион Российской Федерации	Целевая специализированная программа	Утверждающий документ, дата принятия
Амурская область	Региональная программа «Укрепление гражданского единства, гармонизация межнациональных отношений и этнокультурное развитие народов России в Амурской области на 2015—2020 годы»	Постановление Правительства Амурской области от 12 февр. 2015 г. № 34
Еврейская автономная область	Государственная программа Еврейской автономной области «Содействие развитию институтов и инициатив гражданского общества в Еврейской автономной области» на 2016—2020 годы	Постановление Правительства Еврейской автономной области от 23 окт. 2015 г. № 478-пп
Сахалинская область	Государственная программа Сахалинской области «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России, проживающих на территории Сахалинской области, на 2015—2020 годы»	Постановление Правительства Сахалинской области от 29 дек. 2014 г. № 649
Хабаровский край	Государственная программа Хабаровского края «Содействие развитию институтов и инициатив гражданского общества в Хабаровском крае» на 2013—2020 гг.	Постановление Правительства Хабаровского края от 29 дек. 2012 г. № 482-пр
Камчатский край	Государственная программа Камчатского края «Реализация государственной национальной политики и укрепление гражданского единства в Камчатском крае на 2014—2018 годы»	Постановление Правительства Камчатского края от 29 нояб. 2013 г. № 546-П
Магаданская область	Государственная программа Магаданской области «Содействие развитию институтов гражданского общества, укреплению единства российской нации и гармонизации межнациональных отношений в Магаданской области» на 2015—2020 годы	Постановление Правительства Магаданской области от 6 нояб. 2014 г. № 947-пп
Республика Саха (Якутия)	Государственная программа Республики Саха (Якутия) «Гармонизация межэтнических отношений в Республике Саха (Якутия) на 2012—2016 годы»	Указ Президента Республики Саха (Якутия) от 12 окт. 2011 г. № 968
Чукотский автономный округ	Государственная программа «Развитие образования, культуры, спорта, туризма и молодежной политики Чукотского автономного округа на 2016—2020 годы»	Постановление Правительства Чукотского автономного округа от 29 дек. 2015 г. № 658

¹³ Таблица составлена на основе данных сайта консорциума «Кодекс» <http://docs.cntd.ru/> (дата обращения: 13.12.2016).

Дополнительный углубленный анализ позволил добавить в объект исследования новые специализированные программы Чукотского автономного округа и Хабаровского края, принятые к реализации в 2016 г., а также расширить параметры контент-анализа, включив, наряду с определением уровня межнациональных отношений, целей, основных задач, направлений деятельности и индикаторов программы, систему плановых мероприятий и распределения их финансирования.

Результаты исследования. Амурская область. Региональная программа направлена на укрепление гражданского единства и поддержку этнокультурного многообразия, что, с одной стороны, поддерживает новый концепт национальной политики, с другой — является неполным, так как не учитывает другие концептуальные направления Стратегии: соблюдение прав и свобод гражданина, интеграцию мигрантов, частично задачи по укреплению гражданского единства и формированию российской нации.

Программа носит комплексный характер решения вопросов в сфере национальной политики, что обусловлено особым механизмом ее работы. Все мероприятия в рамках специализированной программы в сфере национальной политики являются частью иных целевых программ региона: «Повышение эффективности деятельности органов государственной власти и управления Амурской области на 2014—2020 годы», «Развитие образования Амурской области на 2014—2020 годы» и др.¹⁴

Мероприятия, предусмотренные в программе, в целом направлены на активизацию гражданских инициатив, поддержку активности некоммерческих организаций (НКО), укрепление патриотизма и социальной ответственности молодежи. Предусмотрено и вовлечение органов местного самоуправления (МСУ) посредством финансирования повышения квалификации муниципальных служащих и участия в субсидировании деятельности по поддержке НКО.

¹⁴ См.: Постановление Правительства Амурской области «Об утверждении государственной программы Амурской области «Повышение эффективности деятельности органов государственной власти и управления Амурской области на 2014—2020 годы» от 25 сент. 2013 г. № 442 // Информ.-прав. обеспечение ГАРАНТ (дата обращения: 12.02.2017); Постановление Правительства Амурской области «Об утверждении государственной программы «Развитие образования Амурской области на 2014—2020 годы» от 25 сент. 2013 г. № 448 // Там же.

Вероятно, ввиду особенностей этноструктурного состава в регионе и наличия большинства населения, оценивающего ситуацию в сфере межнациональных отношений позитивно, в программе фактически не актуализируются вопросы по поддержке многообразия. Внимание в этом направлении обращено лишь на поддержку культуры коренных малочисленных народов Севера (КМНС).

Исходя из данных программы, на одного жителя Амурской области приходится примерно 170 руб. за 6 лет, при этом субсидии из федерального бюджета не предусмотрены. Финансирование между направлениями в сфере реализации национальной политики распределено следующим образом: на поддержку НКО — 4,5 %, на молодежную политику — 8,1 %, на культуру и искусство — 62,3 %, на развитие КМНС и казачества — 24,4 %, на переселение — 0,7 %.

Отметим, что в сферу культуры, как обладающую большей долей финансирования, заложен широкий спектр работ: поддержка профессионального искусства, одаренных детей и творческой молодежи; стимулирование народного творчества, самодеятельного творчества; развитие библиотек, музеев, а также культурно-просветительской деятельности; мероприятия областного значения.

Можно считать, что в Амурской области фактически отсутствует специализированная программа в сфере национальной политики, так как основные мероприятия реализуются и финансируются по другим программам. Подход власти Амурской области больше соответствует практике регионов, где мероприятия по укреплению гражданского единства и межнациональных отношений реализуются в рамках иных программ. Обозначенная в положениях специализированной региональной программы области модернистская модель не обеспечена соответствующими мероприятиями, учитывающими полный спектр «образа» национальной политики России.

Еврейская автономная область. Государственная программа автономной области состоит из четырех подпрограмм, направленных на следующие цели: 1-я — на поддержку и развитие СМИ, 2-я — на укрепление гражданского единства и гармонизацию межнациональных отношений, 3-я — на поддержку социально ориентированных НКО, 4-я — на молодежь. Цели программы — развитие гражданского общества

посредством роста информационной доступности и вовлечения населения в процессы органов МСУ и деятельность НКО, укрепление единства многонационального народа Российской Федерации (российской нации). С одной стороны, она учитывает посыл новой концепции национальной политики, с другой — отражает особенность региональной программы, имея указание на механизм укрепления гражданского единства — стимулирование участия в государственных и местных делах. Перспективен и вектор программы, направленный на укрепление имиджа региональной власти (именно это, по-нашему мнению, определяет ее особенность), повышение активности гражданского общества в решении социально значимых вопросов, а также на поддержку этнокультурного многообразия и молодежной политики.

Непосредственно целью специализированной подпрограммы 2 является укрепление единства многонационального народа Российской Федерации (российской нации), что характерно для большинства регионов Дальнего Востока (за исключением Амурской области и Республики Саха (Якутия)) и отражает соблюдение посыла нового концепта национальной политики России.

Однако анализ мероприятий показал, что сохранению этнокультурного многообразия и гармонизации межнациональных отношений в регионе решено уделить особое внимание как наиболее типичным направлениям работы. Мероприятия по подпрограмме 2 осуществляются на основе заключения государственных контрактов, сами мероприятия конкретизированы.

На одного жителя Еврейской автономной области по программе приходится примерно 574 руб. на 5 лет, субсидий из федерального бюджета нет. Финансирование между направлениями в сфере реализации программы распределено следующим образом: на поддержку СМИ — 55,6 % от общей суммы финансового обеспечения программы, на укрепление гражданского единства — 1,5 %, на поддержку НКО — 2,4 %, на молодежную политику — 40,5 %.

По специализированной подпрограмме 2 на одного жителя тратится всего 8,4 руб., по направлениям деятельности финансирование распределено следующим образом: на субсидии — 26,9 %, на профилактику экстремизма и этнической нетерпимости — 2,1 %, на мероприятия по гармонизации

межнациональных отношений — 4,0 %, на поддержку этнокультурного многообразия — 67,0 %.

Итак, модернистская модель, уставленная положениями специализированной программы, в контексте анализа плана реализации программы смещает акцент в сторону приоритетности деятельности по поддержке этнокультурного многообразия, что вполне «в духе» национального субъекта.

Сахалинская область. Целью программы, как и в Еврейской автономной области, является укрепление единства многонационального народа Российской Федерации (российской нации), которое достигается путем этнокультурного развития народов, упрочения гражданского единства и гармонизации межнациональных отношений, создания условий для формирования устойчивого развития КМНС.

Весьма перспективно выглядит определение в программе задачи, устанавливающей не только этнокультурное, но и социально-экономическое развитие народов региона. Таким образом подчеркивается важность в деятельности по гармонизации национальных отношений социального фактора наряду с культурным (но, судя по программным мероприятиям, декларация о необходимости учета социального и экономического развития касается только представителей КМНС).

Власти Сахалинской области основной упор в программе делают на развитие информационно-пропагандистских мероприятий по вопросам укрепления межнациональной солидарности, а также на поддержку родных языков, включая русский язык. Развитию патриотических объединений и в целом институтов гражданского общества в программе уделяется мало внимания. Предусмотрено субсидирование деятельности общественных объединений КМНС, где также задействованы органы МСУ.

На одного жителя Сахалинской области по программе приходится около 720 руб. на 6 лет, субсидия из федерального бюджета составляет 5,6 %. Финансирование между направлениями в сфере реализации национальной политики распределено следующим образом: на поддержку этнокультурного многообразия — 9,0 % от общей суммы финансового обеспечения программы, на развитие и поддержку языков — 5,0 %, на повышение квалификации учителей — 2,4 %, на развитие КМНС — 51,1 %, на профилактику экстремизма и ксенофобии — 0,1 %, на мероприятия по гармонизации

межнациональных отношений — 1,4 %, на информационно-пропагандистские мероприятия по сохранению толерантных отношений и гражданского единства — 31,0 %.

Консервативная модель специализированной программы во многом подтверждается установленными направлениями и планом деятельности, несмотря на то что основной целью программы является формирование российской нации.

Хабаровский край. Программа состоит из двух подпрограмм: одна ориентирована на укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов (подпрограмма 1), другая — на духовно-нравственное развитие жителей (подпрограмма 2).

В подпрограмме 1 отмечено, что Хабаровский край — это один из самых крупных многонациональных и поликонфессиональных субъектов Российской Федерации. Подчеркнуто, что полиэтничность региона никогда не была основанием для формирования напряженности в межэтнических отношениях. Однако власть обеспокоена влиянием миграционного фактора, особенно на социально-экономические отношения в крае. В подпрограмме 1 значится, что процессы этнической миграции из бывших советских республик значительно усилили этнокультурное и конфессиональное разнообразие населения в регионе.

Цель подпрограммы 1 — укрепление единства российской нации и содействие этнокультурному развитию жителей края посредством снижения уровня этнической ксенофобии и формирования культуры межнационального общения. Именно эти механизмы определяют ее региональную особенность. Подпрограмма 1 базируется на: внедрении системы конфликтологического мониторинга, мониторинга межнациональных отношений и раннего предупреждения конфликтов посредством создания Краевого научно-практического центра мониторинга этноконфессиональных отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций; мероприятиях, направленных на развитие межэтнического взаимопонимания, межнациональной толерантности; позитивном освещении межнациональных процессов в СМИ; привлечении органов МСУ к реализации мероприятий по гармонизации состояния межнациональных отношений, укреплению единства российской нации и поддержке этнокультурного многообразия региона.

На одного жителя Хабаровского края, согласно подпрограмме 1, приходится около 47 руб. на 4 года ее реализации, субсидия из федерального бюджета составляет 7,5 %. Финансирование предусматривает следующие мероприятия с распределением финансовых средств: на СМИ — 6,0 % от общей суммы финансового обеспечения программы, на проведение мониторинга — 22,0 %, на организацию и обеспечение деятельности Краевого научно-практического центра мониторинга этноконфессиональных отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций — 18,0 %, на мероприятия по гармонизации межнациональных отношений — 54,0 %.

Индикаторы реализации подпрограммы вполне стандартны: доля граждан, положительно оценивающих межнациональные отношения; уровень толерантного отношения к представителям других этносов; количество муниципальных образований края, реализующих мероприятия; число участников мероприятий, направленных на укрепление гражданского единства, межнациональной солидарности и этнокультурного многообразия.

В Хабаровском крае в плане мероприятий по реализации специализированной программы очень четко прослеживается консервативная модель. Как и в Сахалинской области, в этом регионе вводится и поддерживается понимание формирования российской нации прежде всего через деятельность по укреплению межнационального согласия.

Камчатский край. Органы государственной власти практически в равной степени установили комплекс мероприятий, направленных на поддержку этнических различий, межнационального (межэтнического) согласия и укрепление гражданского единства, что отражено в цели и задачах специализированной программы. Программу отличает внимание на поддержке русского языка и профилактике экстремизма, как в Сахалинской области, а также на реализации мероприятий по адаптации мигрантов.

Специализированная программа Камчатского края весьма объемна, включает большой и четкий спектр мероприятий. В рамках реализации государственной национальной политики в регионе предусмотрены четыре подпрограммы: 1-я ориентирована на укрепление гражданского единства и гармонизацию межнациональных отношений, 2-я связана

с патриотическим воспитанием, 3-я касается устойчивого развития КМНС, 4-я направлена на реализацию самой государственной программы.

Основная цель подпрограммы 1 — укрепление единства многонационального народа России (российской нации). Механизмы, установленные для достижения цели, направлены в основном на укрепление межнациональных отношений и единство гражданской нации, но прогрессивной эту программу делает формулирование специализированной задачи и мероприятий по укреплению русского языка как маркера государственно-гражданской идентичности, а также особое видение ожидаемых результатов реализации программы, которое заключается в увеличении доли жителей Камчатского края, идентифицирующих себя россиянами.

Отличает программу особое внимание к вопросу стимулирования активности работы органов МСУ в сфере реализации национальной политики.

На одного жителя Камчатского края по этой программе расходуется примерно 3 216 руб. за 5 лет (с учетом расходов на обеспечение реализации программы), при этом есть субсидия из федерального бюджета в размере 3,3 % от общей суммы финансового обеспечения программы. Финансирование по подпрограммам распределено следующим образом: подпрограмма 1 — 7,5 %, подпрограмма 2 — 1,5 %, подпрограмма 3 — 35,0 %. Основная доля финансов направлена на обеспечение реализации программы — 56,0 % от общей суммы финансового обеспечения.

По специализированной подпрограмме 1 на одного жителя края приходится 255 руб. на 6 лет, при этом на сохранение этнокультурной самобытности — 28,5 %, на поддержку языкового многообразия — 3,7 %, на адаптацию мигрантов — 18,4 %, на противодействие экстремизму — 1,8 %, на пропаганду межнациональной солидарности через СМИ — 5,4 %, на меры по гармонизации межнациональных отношений (по всей видимости, здесь заложено субсидирование деятельности органов МСУ) — 42,2 % от общей суммы финансирования по подпрограмме.

По сути, Камчатский край в контексте положений специализированной программы как планового документа реализации национальной политики в регионе показывает более полное восприятие и принятие нового «образа» нацио-

нальной политики России с попыткой умело распределить мероприятия так, чтобы решить все поставленные задачи, однако анализ распределения финансов свидетельствует о преобладании все-таки акцента на гармонизацию межнациональных отношений.

Магаданская область. Цели программы — развитие институтов гражданского общества, укрепление народного единства, улучшение системы патриотического воспитания. Основные задачи программы связаны со стимулированием гражданской активности и деятельности НКО, укреплением патриотизма, а также с гармонизацией межнациональных (межэтнических) отношений, где главный акцент сделан на работе по профилактике экстремизма. Предусматриваются три дифференцированные подпрограммы, направленные на поддержку социально ориентированных НКО, патриотическое воспитание, гармонизацию межнациональных отношений и этнокультурное развитие.

Непосредственно специализированной подпрограммой, направленной на гармонизацию межнациональных отношений и поддержку этнокультурного развития народов, установлены такие цели, как укрепление единства многонационального народа (российской нации) и гармонизация межнациональных отношений, что подчеркивает предпочтение власти в решении национальных вопросов базироваться на принципе единства. Он отражается и в выделении отдельной задачи по поддержке русского языка и развитию русского казачества с установлением соответствующих мероприятий. Кроме того, отличает программу акцент на антиэкстремистской деятельности.

На одного жителя Магаданской области в целом по программе расходуется примерно 734 руб. за 6 лет, при этом предусмотрена субсидия из федерального бюджета 0,15 % от общей суммы финансового обеспечения программы. Финансирование распределено следующим образом: по подпрограмме на поддержку НКО — 53,8 % от общей суммы финансового обеспечения программы, по подпрограмме по патриотическому воспитанию — 16,8 %, по программе по гармонизации межнациональных отношений и этнокультурному развитию — 29,4 %. Если взять в расчет финансирование по подпрограмме «Гармонизация межнациональных отношений, этнокультурное развитие народов и профилактика

экстремистских проявлений в Магаданской области на 2015—2020 годы», то на одного жителя приходится 215 руб. на 6 лет, при этом (от общего финансирования по подпрограмме) на мониторинг — 3,4 %, на субсидии для органов МСУ — 9,0 %, на субсидии для НКО — 21,0 %, на мероприятия по развитию этнокультурного многообразия — 9,4 %, на развитие русской культуры — 3,4 %, на поддержку российского казачества — 1,7 %, на противодействие ксенофобии и экстремизму — 26,0 %, на повышение квалификации — 1,1 %, на пропаганду этнокультурного многообразия и единства российской нации через СМИ — 25,0 %.

Иными словами, можно констатировать, что в модернистской модели (в то же время эту программу можно типологизировать в рамках прогрессивной модели) сделан акцент не столько на формировании российской нации, сколько на предупреждении конфликтов в сфере межнациональных отношений. Результатами и индикаторами реализации специализированной программы являются: недопущение вовлечения в террористическую деятельность; количество ликвидированных общественных или религиозных объединений, осуществлявших экстремистскую деятельность; количество экстремистских акций, повлекших нарушения общественного порядка.

Республика Саха (Якутия). В рамках государственной программы предусмотрены три подпрограммы: первая связана с укреплением межэтнических и межрелигиозных отношений, вторая — с поддержкой КМНС, третья — с поддержкой казачьих обществ.

Программу отличают ее цель (укрепление толерантной среды) и направленность (формирование почтительного отношения к этнокультурному многообразию в республике на фоне элиминирования вопроса укрепления гражданского единства и российской нации). Соответственно, к индикаторам реализации программы отнесены показатели, характеризующие особенности процесса межнационального взаимодействия, в частности количество созданных по национально-культурному признаку общественных объединений, что еще раз подчеркивает характер национальной политики в Якутии, направленной на укрепление этнокультурного многообразия.

На одного жителя Якутии по этой программе расходуются около 845 руб. за 8 лет, при этом предусмотрена субсидия

из федерального бюджета около 9,7 % (73,0 % этой субсидии направлены на программу по поддержке КМНС) от общей суммы финансового обеспечения программы. Финансирование по подпрограммам распределено следующим образом: подпрограмма 1 — 58,4 %, подпрограмма 2 — 15,0 %, подпрограмма 3 — 2,3 %, управление программой — 24,3 % от общей суммы финансового обеспечения.

Из расчета суммы финансирования подпрограммы 1 на одного жителя республики приходится 495 руб. По направлениям деятельности финансы распределены следующим образом: адаптация мигрантов — 0,12 %, поддержка государственных языков — 0,21 %, субсидии органов МСУ — 0,18 %, организация мониторинга — 0,29 %, СМИ и пропаганда — 1,30 %, социально ориентированные проекты национально-культурных объединений — 1,50 %, развитие казачества — 2,30 %, развитие КМНС — 15,00 %, управление программой — 24,00 %, гармонизация межнациональных отношений и культурное взаимодействие — 55,10 %.

Чукотский автономный округ. Программа региона состоит из 11 подпрограмм, предусматривает специально выделенную подпрограмму «Укрепление единого культурного пространства и развитие межнациональных отношений».

Цели подпрограммы связаны с развитием сферы культуры как: основного инструмента по укреплению гражданской идентичности; фактора творческой самореализации через развитие культурно-досуговой и профессиональной деятельности; условия для удовлетворения этнокультурных потребностей граждан посредством сохранения и развития многонационального культурного наследия региона.

Программа по объему включенных в нее подпрограмм весьма внушительна, но лаконична. На подпрограмму по укреплению единого культурного пространства и межнациональных отношений предусмотрено 0,3 % от общей стоимости всей программы, на одного человека заложено примерно 1 337 руб. на 5 лет ее реализации. По направлениям финансирование (от общей суммы финансирования подпрограммы) распределено следующим образом: на организацию и проведение концертных мероприятий по сохранению культурного наследия Чукотки — 48,5 %, на поддержку и популяризацию национальной культуры — 34,2 %, на поддержку кинематографии — 17,3 %.

Индикаторы, безусловно, взаимосвязаны с целями, поэтому включают количественные показатели по закупленным изделиям народных художественных промыслов, выставочным проектам, изданным произведениям художественной литературы и созданным документальным фильмам, а также число участников региональных мероприятий по культуре.

Обсуждение и заключения. В регионах Дальнего Востока имеется позитивный тренд в организации управления вопросами национальной политики России. Все больше регионов подключаются к процессу программно-целевого управления вопросами национальной политики.

Анализ показал, что цели и задачи, поставленные в специализированных программах (или подпрограммах) дальневосточных регионов, не выходят за рамки Стратегии и в зависимости от этноструктурного типа региона власти делают упор на доминировании принципа единства (в случае регионов с преобладающей долей представителей русского этноса) или принципа многообразия (в случае регионов с преобладающей долей коренного народа) в управленческой тактике реализации национальной политики. В то же время, несмотря на формирование специфических региональных моделей, отражающих стратегический взгляд на решение вопросов в сфере национальной политики, анализ непосредственно плановых мероприятий установил наличие акцентов управленческой деятельности в регионах, которые ложатся в основу практической деятельности.

Например, в Якутии как национальном регионе с доминирующей долей коренного народа — саха в структуре населения акцент в программе по национальной политике сделан на поддержке этнокультурного разнообразия как основе гармонизации межэтнических отношений. В регионах с доминирующей долей русского этноса, придерживающихся в своем большинстве модернистской модели, сочетающей меры по укреплению российской нации или гражданского единства с гармонизацией межнациональных отношений, способы реализации принципа единства от региона к региону разные, например акцент на пропаганде посредством СМИ или на мероприятиях по укреплению межнациональных отношений и профилактике экстремизма и ксенофобии или на поддержке сферы культуры.

Если целеполагание в программах проводится в тренде с новой концепцией национальной политики России, то механизмы и мероприятия реализации региональных программ зависят как от финансовых возможностей регионов, так и от особенностей этносоциальной ситуации. Однако последнее заключение требует дополнительного исследования на вопрос соответствия заявленных специализированными программами акцентов и мероприятий этносоциальной реальности в дальневосточных регионах.

Отдельное место в национальной политике как федерального центра, так и регионов отводится поддержке и развитию коренных малочисленных этносов. Все регионы, кроме Еврейской автономной области, уделяют особое внимание вопросам развития КМНС, включая это направление в мероприятия по этнокультурному развитию региона (Амурская и Магаданская область, Чукотский автономный округ) и (или) выделяя проблемы КМНС в отдельные подпрограммы специализированной программы (Сахалинская область, Камчатский край, Республика Саха (Якутия)).

Таким образом, каждый регион Дальнего Востока ведет управленческую линию сообразно своим региональным потребностям и этносоциальной ситуации. Акценты и мероприятия по реализации национальной политики в каждом регионе уникальны, что позволяет говорить о наличии децентрализации в решении вопросов в сфере национальной политики и о существовании региональных национальных политик. Установлен высокий уровень дифференциации в финансовом обеспечении специализированных программ, причем, безусловно, заметно влияние экономической обеспеченности региона на сумму вложений.

Анализ акцентов целеполагания, мероприятий и их финансового обеспечения свидетельствует о существовании следующих программных моделей управления в сфере национальной политики:

1) этнокультурные — исходящие из управленческой деятельности по вопросам национальной политики, построенной на поддержке этнокультурного разнообразия региона как основы межнационального согласия (Республика Саха (Якутия));

2) направленные на укрепление межнационального согласия — в основе управления лежат мероприятия, на-

целенные на гармонизацию межнациональных отношений, формирование толерантности и профилактику экстремизма (Еврейская автономная область, Хабаровский край);

3) культурно-просветительские — управленческое воздействие направлено на поддержку сферы культуры и искусства в целом (Чукотский автономный округ). К этому же типу можно отнести и программу Амурской области, однако на фоне финансового преобладания мероприятий по поддержке культуры и искусства существенный вклад делается и в развитие КМНС;

4) информационно-профилактические — управленческий акцент в сфере национальной политики делается на пропаганде через СМИ, профилактике экстремизма и ксенофобии (Магаданская и Сахалинская области);

5) сочетающие как поддержку этнокультурного многообразия, так и укрепление межнационального согласия (Камчатский край).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ушкин С.Г. Тональность дискурсов национальной (этнокультурной) политики в средствах массовой информации Приволжского федерального округа // РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY. 2014. № 2. С. 159—169. URL: <http://regionsar.ru/ru/node/1275> (дата обращения: 13.02.2017).

2. Бляхер П.Л., Гоголева И.И. Особенности культуры межнационального общения в среде учащихся системы СПО Хабаровского края // Среднее профессиональное образование. 2014. № 6. С. 54—56. URL: http://www.portalspo.ru/journal/images/Journals/2014/SPO_6_2014.pdf (дата обращения: 13.02.2017).

3. Козлов Л.Е. Диаспоры в региональных политических процессах Дальнего Востока России // Россия и АТР. 2010. № 1. С. 128—136. URL: <http://www.riatr.ru/2010/1/p128-136.pdf> (дата обращения: 13.02.2017).

4. Кузьмина О.В. Реализация государственной этнонациональной политики в Приморском крае // Россия и АТР. 2010. № 2. С. 181—188. URL: <http://www.riatr.ru/2010/2/181-188.pdf> (дата обращения: 13.02.2017).

5. Тишков В.А. Стратегия национальной политики в Российской Федерации // Вестник Российской академии наук. 1993. Т. 63, № 8. С. 675—686. URL: http://www.ras.ru/publishing/ras Herald/ras Herald_articleinfo.aspx?articleid=9f250d12-ebc2-43a3-90b8-2131702eb960 (дата обращения: 16.02.2017).

6. Tishkov V.A. What is Russia? Prospects of nation building // Russian Politics and Law. 1996. Vol. 34, issue 2. Pp. 5—27.

7. Tishkov V.A. Languages of a nation // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2016. Vol. 86, issue 2. Pp. 64—76. DOI: <https://doi.org/10.1134/s1019331616020106>

8. Попков Ю.В., Костюк В.Г. Концептуальные основы моделей национальной политики // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2014. Т. 12, № 3. С. 84—91. URL: <http://www.nsu.ru/rs/mw/link/Media:/28542/12.pdf> (дата обращения: 13.02.2017).

9. Маклашова Е.Г. Региональные особенности реализации государственной национальной политики на Дальнем Востоке: правовой аспект // Теории и проблемы политических исследований. 2016. № 3. С. 212—225. URL: <http://www.publishing-vak.ru/file/archive-politology-2016-3/18-maklashova.pdf> (дата обращения: 13.02.2017).

Для цитирования: Маклашова Е.Г. Управленческие акценты региональных программ по реализации национальной политики (на примере Дальнего Востока) // РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY. 2017. Т. 25, № 4. С. 512—533.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

E. G. Maklashova. Administrative Emphases of Regional Programs on Implementation of the Ethnic Policy (the Case Study of the Far East)

Key words: region; ethnic policy; regional programs on implementation of ethnic policy; regional ethnic policy; ethnic and cultural diversity

Introduction: the objective of this article is to identify the emphases of regional models of administering issues of the state ethnic policy of Russia in the Far East through the analysis of specialized regional programs. The author's vision of ethnic policy is given, which takes into account the political and administrative aspects, as well as the binary nature of nation-building in contemporary Russia.

Materials and Methods: the targeted programs of the Far Eastern regions (with the exception of Maritime Territory, where a specialized program in the field of ethnic policy is not adopted, as of 2017) became the materials for the study. They address the issues in the sphere of the state ethnic policy of Russia. To achieve the objective set out in the article, political and legal analysis was chosen with a focus on meaningful content-analysis of regulatory documents.

Results: the article presents an in-depth analysis of the specialized programs in the Far Eastern regions, where important parameters such as identification of the level of interethnic relations, the purpose, main tasks, activities and indicators of the program are supplemented by the assess-

ment of the action plan and the features of its funding. These parameters allow to identify unique administrative emphases in the implementation of the ethnic policy at the regional level. On the basis of comparative studies, it was identified that, despite the fact that the objectives of the regional programs correspond with the goals and objectives established by the Strategy of state ethnic policy of the Russian Federation for the period until 2025, each Far Eastern region builds its administrative system according to regional needs and capabilities (mostly the financial ones).

Discussion and Conclusions: the emphases and implementation of the ethnic policy in the regions are unique which allows to make a conclusion about the presence of decentralization in addressing issues of ethnic policy and the existence of regional ethnic policies. Analysis of the emphases of goal setting, activities, and their financial support revealed that five program models of administration in the sphere of ethnic policy were implemented in the Far East. However, in order to identify their relevance, the issue of conducting a study on the ratio between the program models and regional ethno-social processes was raised.

REFERENCES

1. Ushkin S.G. [Tone of the Discourse of National (Ethno-Cultural) Policy in Mass Media of the Volga Federal District]. *REGIONOLOGIYA = REGIONOLOGY*. 2014; 2:159—169. Available at: <http://regionsar.ru/ru/node/1275> (accessed 13.02.2017). (In Russ.)
2. Blyakher P.L., Gogoleva I.I. [Peculiarities of the Culture of Interethnic Relations Among Vocational Education Students of the Khabarovsk Territory]. *Srednee professional'noe obrazovanie = Secondary Vocational Education*. 2014; 6:54—56. Available at: http://www.portalspo.ru/journal/images/Journals/2014/SPO_6_2014.pdf (accessed 13.02.2017). (In Russ.)
3. Kozlov L.E. [Diasporas in the Regional Political Processes of the Russian Far East]. *Rossija i ATR = Russia and the Pacific*. 2010; 1:128—136. Available at: <http://www.riatr.ru/2010/1/p128-136.pdf> (accessed 13.02.2017). (In Russ.)
4. Kuzmina O.V. [Realization of the State National Policy in Primorye Region: Problems and Perspective]. *Rossija i ATR = Russia and the Pacific*. 2010; 2:181—188. Available at: <http://www.riatr.ru/2010/2/181-188.pdf> (accessed 13.02.2017). (In Russ.)
5. Tishkov V.A. [Strategy of the Ethnic Policy in the Russian Federation]. *Vestnik Rossijskoj akademii nauk = Herald of the Russian Academy of Sciences*. 1993; 8(63):675—686. Available at: http://www.ras.ru/publishing/ras Herald/ras Herald_articleinfo.aspx?articleid=9f250d12-ebc2-43a3-90b8-2131702eb960 (accessed 16.02.2017). (In Russ.)
6. Tishkov V.A. What is Russia? Prospects of Nation Building. *Russian Politics and Law*. 1996; 2(34):5—27.
7. Tishkov V.A. Languages of a Nation. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2016; 2(86):64—76. DOI: <https://doi.org/10.1134/s1019331616020106>

8. Popkov Yu.V., Kostyuk V.G. [The Conceptual Foundations of the Nationalities Policy Models]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filosofija = Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Philosophy*. 2014; 3(12):84—91. Available at: <http://www.nsu.ru/rs/mw/link/Media:/28542/12.pdf> (accessed 13.02.2017). (In Russ.)

9. Maklashova E.G. [Regional Peculiarities of Realization of State National Policy in the Far East: Legal Aspect]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovanij = Theories and Problems of Political Studies*. 2016; 3:212—225. Available at: <http://www.publishing-vak.ru/file/archive-politology-2016-3/18-maklashova.pdf> (accessed 13.02.2017). (In Russ.)

About the author:

Elena G. Maklashova, Candidate of Political Sciences, Senior Researcher at the Institute of Humanitarian Studies and Issues of Minority Peoples of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (1 Petrovskogo St., Yakutsk, 677007, Russia) (e-mail: maklashova@mail.ru). ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5080-6473>. Researcher ID: B-6264-2015

For citation: Maklashova E.G. Administrative Emphases of Regional Programs on Implementation of the Ethnic Policy (the Case Study of the Far East). *REGIONOLOGIYA = REGIONOLOGY*. 2017; 4(25):512—533.

The author have read and approved the final manuscript.

Поступила/Submitted 10.07.2017.

ЭКОНОМИКА РЕГИОНА / ECONOMY OF A REGION

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407, eISSN 2587-8549

УДК 005.591.6

Е. Г. МОСКАЛЕВА

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КАК ФАКТОР ОПЕРЕЖАЮЩЕГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Ключевые слова: регион; инновации; инновационный потенциал; инновационная деятельность; инновационный путь развития; структура инновационного потенциала

Введение: стремительные изменения макроэкономической ситуации в Российской Федерации создают новые угрозы для развития ее регионов. В частности, Республика Мордовия является непосредственным участником хозяйственных отношений, получает поддержку из федерального центра на реализацию программ социально-экономического развития, что открывает перед регионом большие возможности и перспективы. Однако межрегиональная конкуренция за размещение новых производств, поддержку федеральным центром финансирования инновационных бизнес-проектов, а также за интеллектуальный капитал и высококвалифицированные рабочие кадры не позволяет останавливаться на достигнутом и заставляет непрерывно развивать и укреплять инновационный потенциал и инновационную активность. Цель написания статьи — определение инновационного потенциала Республики Мордовия, угроз и возможностей устойчивого инновационного развития.

Материалы и методы: материалами для написания статьи послужили данные территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Мордовия, информационно-аналитических агентств. Исследование проведено с учетом принципов системного и комплексного подходов, также применены общенаучные методы и приемы (аналитический обзор, абстрагирование, синтез, динамический, коэффициентный и логический анализ).

Результаты исследования: различные информационно-аналитические агентства проводят постоянный анализ инновационного потенциала страны

МОСКАЛЕВА Елена Геннадьевна, доцент кафедры бухгалтерского учета, анализа и аудита Национального исследовательского Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68) (*e-mail:* Moskaleva_EG@list.ru). ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7364-4187>

© Москалева Е. Г., 2017

и входящих в ее состав регионов для целей мониторинга и управления. По мнению экспертов, предпосылкой высокого рейтинга Республики Мордовия стала полученная ей субсидия из федерального бюджета на развитие инновационной инфраструктуры, из-за чего некоторые показатели имели высокие значения, и в будущем возможно снижение рейтинга. Следовательно, республика должна закрепить и усилить занимаемые сейчас позиции в списке инновационных регионов России, а для этого необходимо приложить еще больше усилий для повышения инновационной активности и инновационного потенциала. Изучение результатов рейтингования позволило сделать вывод, что по сравнению со среднероссийскими показателями республика имеет ряд сильных сторон, использование которых в будущем позволит не только закрепить достигнутый результат, но и добиться ускорения темпов инновационного развития.

Обсуждение и заключения: главный ресурс Республики Мордовия — люди, интеллект, наука. Поддержка научного сообщества, развитие наукоемких производств и внедрение сверхновых технологий, формирование эффективных подходов в развитии инновационной деятельности в республике, создание условий для развития системы венчурного финансирования инноваций, совершенствование системы поддержки наукоемкого малого и среднего бизнеса с учетом динамично изменяющихся реалий обеспечат устойчивое инновационное развитие республики и позволят ей занять достойные позиции в экономической системе страны.

Введение. Слабая инновационная активность, отставание в области разработки и внедрения новых и перспективных технологий — одни из 25 вызовов и угроз современной России, обозначенных в Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года¹. Низкая эффективность инновационной деятельности, отсутствие интереса со стороны государства и бизнеса к результатам инновационных разработок и, как следствие, снижение инновационной активности способны при определенных условиях привести к возникновению угрозы экономической безопасности страны и нанести ущерб интересам Российской Федерации в мировом пространстве.

В 2016 г. на необходимость повышения инновационной активности указал Президент России В. В. Путин в ежегодном Послании Федеральному Собранию: «Для выхода на новый уровень развития экономики, социальных отраслей нам нужны собственные передовые разработки и научные решения. Необходимо сосредоточиться на направлениях,

¹ См.: Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» от 13 мая 2017 г. № 208 // Информ.-прав. обеспечение ГАРАНТ (дата обращения: 29.06.2017).

где накапливается мощный технологический потенциал будущего, а это цифровые, другие, так называемые сквозные технологии, которые сегодня определяют облик всех сфер жизни. Страны, которые смогут их генерировать, будут иметь долгосрочное преимущество, возможность получать громадную технологическую ренту. Те, кто этого не сделает, окажутся в зависимом, уязвимом положении»². Повышение инновационной активности, наращивание инновационного потенциала позволят России выйти на более высокие темпы экономического развития.

Активизация инновационной деятельности невозможна без развития инновационного потенциала. Его формирование и эффективное использование в современных реалиях — один из ключевых факторов устойчивого развития страны, ее экономики, роста благополучия населения. Инновационный потенциал страны складывается из инновационного потенциала входящих в ее состав регионов. Республика Мордовия — регион с огромным инновационным потенциалом. В настоящее время доля инновационной продукции в общем объеме промышленного производства в республике уже составляет 27,0 %³. Это лучший показатель в Приволжском федеральном округе, он почти вдвое выше, чем в среднем по стране⁴. Однако 14-е место Мордовии в рейтинге инновационных регионов России, составленном Ассоциацией инновационных регионов России (АИРР) за 2016 г.⁵, 18-е место в национальном рейтинге состояния инвестиционного климата в субъектах Российской Федерации, представленном Агентством стратегических инициатив в 2017 г.⁶, «незначительный потенциал — умеренный риск (ЗВ2)» в рейтинге

² Послание Президента России Федеральному Собранию от 1 декабря 2016 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53379> (дата обращения: 04.06.2017).

³ См.: Инфраструктура инноваций Республики Мордовия. URL: <http://i-mordovia.ru/entrepreneurs/innovation-infrastructure-of-the-rm/> (дата обращения: 04.06.2017).

⁴ См.: Глава Мордовии рассказал о «точках роста» экономики региона на заседании Совета при Полпреде Президента РФ в ПФО. URL: <http://www.vestnik-rm.ru/news-2-17848.htm> (дата обращения: 04.06.2017).

⁵ См.: Республика Мордовия. URL: <http://i-regions.org/regions/the-republic-of-mordovia> (дата обращения: 04.06.2017).

⁶ См.: Сайт Агентства стратегических инициатив. URL: <http://asi.ru/investclimate/rating/> (дата обращения: 04.06.2017).

инвестиционной привлекательности регионов в 2016 г. по версии «Эксперт РА»⁷ указывают на необходимость активизации и укрепления инновационного потенциала республики для сохранения конкурентных позиций. Именно инновации должны стать основой интенсивного развития экономики Республики Мордовия.

Обзор литературы. Как указывает консалтинговая компания Arthur D. Little, все регионы в мире ищут «святой Грааль» экономического развития — обеспечение роста экономического процветания на фоне глобализации экономики. Творчество (генерация новых идей) и инновации (перевод идей в коммерчески привлекательные продукты, услуги и процессы) были идентифицированы ею как два двигателя, с помощью которых региональные экономики могут двигаться вперед⁸.

Проблемам оценки и управления инновационным потенциалом региона посвящены работы многих зарубежных (И. Шумпетер, Э. Мэнсфилд, М. Портер и др.) и отечественных (В. Д. Андрианов, Н. В. Бекетов, А. В. Васильев, С. Ю. Глазьев, М. В. Гневко и др.) ученых-экономистов [1, с. 37—38]. Однако единого определения инновационного потенциала региона до настоящего времени нет.

Обзор статей, посвященных оценке инновационного потенциала региона последних лет, показал, что ученые оценивают его по-разному. Например, Е. П. Маскайкин и Т. В. Арцер понимают под ним «возможность и способность региона формировать и использовать инновационные ресурсы, необходимые для инновационного развития, что позволяет региону создавать, распространять и использовать различного вида новшества (новые виды товаров и услуг)» [2, с. 47]. И. В. Шляхто считает, что инновационный потенциал есть «возможность создания новшеств, осуществления инноваций, готовности воспринять нововведения для последующего эффективного использования на уровне, соответствующем ми-

⁷ См.: Сайт рейтингового агентства «Эксперт РА». URL: http://raexpert.ru/rankingtable/region_climat/2016/tab01/ (дата обращения: 04.06.2017).

⁸ См.: Inspiration for the Districts of Creativity and Innovative Potential of Regions. Clever Practices to Boost the Creative. URL: http://www.adlittle.be/uploads/tx_extthoughtleadership/ADL_Inspiration_for_the_Districts_of_Creativity.pdf (дата обращения: 04.06.2017).

ровому» [3, с. 109]. Г. С. Гамидов с соавторами⁹ считает, что инновационный потенциал — это способность и готовность региона (отрасли) осуществлять эффективную инновационную деятельность. С точки зрения Ю. О. Баклановой, инновационный потенциал региона — это не что иное, как «источники, возможности, средства создания условий для оптимизации вклада науки и техники в экономическое развитие за счет внедрения рыночных принципов в эту сферу и ее реструктуризацию» [4]. По мнению А. А. Давыдова, инновационный потенциал страны или региона есть «возможности для создания, разработки, внедрения и распространения полезных новшеств (новых знаний, идей, технологий, товаров, услуг, методов управления, процессов, социокультурных образцов и т. д.)»¹⁰. М. В. Сутугина и Е. Е. Склярова рассматривают инновационный потенциал региона как «совокупность человеческих, интеллектуальных, финансовых, информационных и других ресурсов, которые могут быть вовлечены в процесс создания, производства, внедрения и коммерциализации инноваций с целью обеспечения социально-экономического развития данного региона» [5, с. 66]. Современные зарубежные исследователи оценивают инновационный потенциал региона с позиции успешности развития региональных инновационных систем [6, с. 114—115].

Анализ работ указанных и других авторов, занимающихся проблемами оценки и управления инновационным потенциалом региона [7—12], показал, что данный потенциал связывают с наличием у региона реальных ресурсов, обеспечивающих осуществление инновационной деятельности уже сейчас, и скрытых (потенциальных) ресурсов, которые могут быть задействованы в случае такой необходимости. Также инновационный потенциал рассматривают как возможность и готовность региона осуществлять инновационную деятельность, создавать инновационный продукт, отвечающий мировым требованиям качества и потребностям рынка. Следствие таких различных трактовок понятия «инновационный потенциал» — отсутствие единого подхода к его оценке.

⁹ См.: Гамидов Г.С., Колосов В.Г., Османов Н.О. Основы инноватики и инновационной деятельности / под ред. Г.С. Гамидова. СПб.: Политехника, 2000. 321 с.

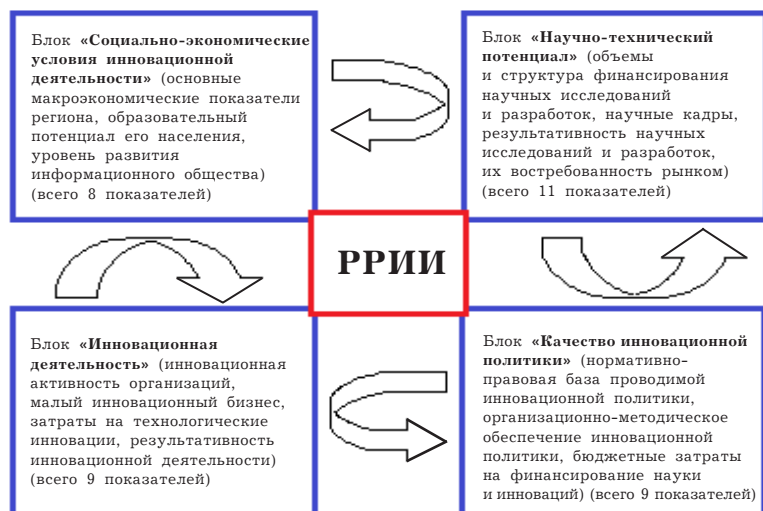
¹⁰ См.: Давыдов А.А. Инновационный потенциал России: настоящее и будущее. URL: http://www.isras.ru/blog_modern_3.html (дата обращения: 15.06.2017).

Материалы и методы. Исследование основано на диалектическом методе познания. Применены принципы системного и комплексного подходов. Использовались общенаучные и специальные методы и приемы: аналитический обзор, абстрагирование, синтез, динамический, коэффициентный и логический анализ. В работе приведены данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Мордовия (Мордовиястат), информационно-аналитических агентств.

Результаты исследования. На наш взгляд, *инновационный потенциал региона — это совокупность потенциалов (интеллектуального, научного, технического), ресурсов (материальных, финансовых, трудовых, информационных) и условий (развитая инфраструктура, активное сотрудничество бизнеса и науки, государственная поддержка и др.) для осуществления инновационной деятельности в целях его устойчивого развития.* Инновационная активность базируется на многочисленных инновационных процессах. Инновационный процесс — это процесс реализации идей в новые (или усовершенствованные) услуги, продукцию, технологии, признанные (пользующие спросом) не только в своей стране, но и за рубежом.

Представленное определение базируется на используемых различными информационными агентствами и ассоциациями методических подходах к оценке инновационного потенциала и построения рейтинга регионов. Например, с 2012 г. Институт статистических исследований и экономики знаний Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (ИСИЭЗ НИУ ВШЭ) издает «Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации». При построении рейтинга используется система показателей (количественных и качественных) инновационного развития регионов страны, основанная на результатах многолетних исследований ИСИЭЗ НИУ ВШЭ и соответствующая, по мнению авторов, современным отечественным и зарубежным статистическим стандартам. Система расчета российского регионального инновационного индекса (РРИИ) включает 37 показателей, сгруппированных в четыре тематических блока (рис. 1).

Рис. 1. Показатели, входящие в РРИИ¹¹

РРИИ Республики Мордовия в 2014 г. равен 4, регион входит во вторую группу (табл. 1).

Таблица 1

Место Республики Мордовия в рейтинге субъектов Российской Федерации по значению РРИИ¹²

Субъект Российской Федерации	2014 г.							Изменение рейтинга	2013 г.	
	Группа по РРИИ	Ранг по РРИИ	РРИИ	Ранг по:					Группа по РРИИ	Ранг по РРИИ
				ИСЭУ	ИНТП	ИИД	ИКИП			
Республика Татарстан	I	1	0,5626	3	17	1	1	+1	I	2
Москва	I	2	0,5530	1	4	11	11	-1	I	1
Санкт-Петербург	I	3	0,5413	2	2	23	23	+4	I	4
Республика Мордовия	II	4	0,4930	32	59	3	3	+18	II	18

¹¹ Рис. 1 составлен по: Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Вып. 4 / под ред. Л.М. Гохберга; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2016. С. 11—14. URL: <https://issek.hse.ru/data/2016/06/28/1115847925/RIR%202016.pdf> (дата обращения: 15.06.2017).

¹² Табл. 1 составлена на основе результатов исследования ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, представленного в вышеуказанном издании.

Как видим, Республика Мордовия существенно улучшила свои позиции в рейтинге 2014 г., поднявшись с 18-го места в 2013 г. на 4-е.

Однако высокие значения по блокам «Инновационная деятельность» и «Качество инновационной политики» сочетаются с низкими значениями по блокам «Социально-экономические условия инновационной деятельности» (отставание на 28 пунктов от позиции в РРИИ) и «Научно-технический потенциал» (отставание на 55 пунктов от позиции в РРИИ). В результате итоговый индекс стал очень усредненной оценкой, скрывающей проблемы и недостатки в организации инновационной деятельности в республике.

Качество инновационной политики и собственно инновационная деятельность, грамотные, скоординированные действия со стороны органов государственной власти, бизнеса, научных организаций и Национального исследовательского Мордовского государственного университета стали катализатором интенсивного роста республики, а резервом дальнейшего развития инноваций, повышения инновационной активности выступает научно-технический потенциал. Анализ показывает прогрессивность темпов роста науки в республике (табл. 2).

Количество предприятий и организаций, выполнявших научные исследования и разработки (НИР), увеличилось с 2010 по 2015 г. в 2 раза. Инвестиции в науку возросли более чем в 20 раз по сравнению с данными 2011 г., достигнув суммы 56 млн руб. Но объемы инвестирования в 2010 г. были более внушительными, поэтому суммы 2015 г. составляют лишь 35,0 % от объема инвестиций 2010 г. Доля инвестиций в науку в общем объеме инвестиций в республике составила 0,1 % в 2015 г., увеличившись в 10 раз по сравнению с данными 2011 г., однако уровня 2010 г. (0,4 % от общего объема инвестиций) они не достигли. Объем НИР увеличился на 68,6 % за анализируемый период при условии, что затраты на НИР увеличились на 63,0 % за тот же период, виден опережающий рост результативного показателя. Наиболее эффективным был 2014 г., когда объемы НИР составляли 1 756,2 млн руб.

Таблица 2

**Основные показатели развития науки и инноватики
в Республике Мордовия и их изменение с 2010 по 2015 г.¹³**

Показатель	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Количество предприятий и организаций, выполнявших НИР	13	16	15	16	17	26
Темп роста, %:						
— цепной	100,00	123,08	93,75	106,67	106,25	152,94
— базисный	100,00	123,08	115,38	123,08	130,77	200,00
Численность работников, выполнявших НИР, чел.	901	926	902	946	885	990
Темп роста, %:						
— цепной	100,00	102,77	97,41	104,88	93,55	111,86
— базисный	100,00	102,77	100,11	104,99	98,22	109,88
Объем НИР, млн руб.	624,6	868	866,8	993,8	1 756,2	1 052,9
Темп роста, %:						
— цепной	100,00	138,97	99,86	114,65	176,72	59,95
— базисный	100,00	138,97	138,78	159,11	281,17	168,57
Затраты на НИР, млн руб.	545,3	628,6	741,5	919,8	996,5	888,9
Темп роста, %:						
— цепной	100,00	115,28	117,96	124,05	108,34	89,20
— базисный	100,00	115,28	135,98	168,68	182,74	163,01
Инвестиции в науку и научное обслуживание в фактически действовавших ценах, тыс. руб.	161 075	2 705	5 004	18 166	5 366	56 216
Темп роста, %:						
— цепной	100,00	1,68	184,99	363,03	29,54	1 047,63
— базисный	100,00	1,68	3,11	11,28	3,33	34,90
Доля инвестиций в науку в общем объеме инвестиций, %	0,42	0,01	0,01	0,05	0,01	0,10
Темп роста, %:						
— цепной	100,00	2,38	100,00	500,00	20,00	1 000,00
— базисный	100,00	2,38	2,38	11,90	2,38	23,81

Если сравнить показатели объема НИР 2014—2015 гг., то видно, что сумма НИР в 2015 г. составляет всего 60,0 % к их сумме 2014 г., но величина вложенных затрат примерно та же (она меньше всего на 10,0 %). Это указывает на необходимость более жесткого контроля за эффективностью использования вложенных средств, так как рост отдачи вложений должен опережать темп увеличения затрат. Соотношение объема НИР с затратами на их реализацию

¹³ Табл. 2 составлена на основе данных Мордовиястата. URL: <http://mrd.gks.ru/> (дата обращения: 19.06.2017).

позволяет более детально оценить эффективность их проведения (табл. 3).

Таблица 3

**Показатели эффективности проведения НИР
в Республике Мордовия и их изменение с 2010 по 2015 г.¹⁴**

Показатель	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Уровень затрат на НИР в общем их объеме, %	87,30	72,42	85,54	92,55	56,74	84,42
Окупаемость затрат на НИР, разы	1,15	1,38	1,17	1,08	1,76	1,18
Доход от проведения НИР, млн руб.	79,3	239,4	125,3	74,0	759,7	164,0
Уровень дохода в объеме НИР, %	12,70	27,58	14,46	7,45	43,26	15,58
Доход к затратам на НИР, %	14,54	38,08	16,90	8,05	76,24	18,45

Высокий уровень затрат на НИР в общем их объеме наблюдается в основном в годы активного инвестирования в науку и научное обслуживание. Это 2010, 2013 и 2015 гг. Хорошая окупаемость затрат отмечена только в 2014 г., когда доход составил 76,2 % к сумме затрат на НИР. Показатели 2015 г. являются, по сути, усредненными за исследуемый период, что позволяет сделать прогноз на позитивное изменение показателей и их положительную динамику в ближайшие годы.

Как отмечают эксперты ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, предпосылкой быстрого подъема стала полученная Республикой Мордовия субсидия из федерального бюджета на развитие инновационной инфраструктуры в российских регионах свыше 380 млн руб. В связи с небольшим объемом валового регионального продукта (ВРП) республики значение показателя «Отношение объема привлеченных субсидий из федерального бюджета на развитие инновационной инфраструктуры для субъектов малого и среднего предпринимательства к ВРП» стало максимальным по сравнению с другими регионами России. Однако эксперты ИСИЭЗ НИУ ВШЭ считают, что эта мера государственной поддержки не позволит занимать лидирующие позиции¹⁵.

¹⁴ Показатели эффективности проведения НИР предложены нами, расчеты в табл. 3. сделаны на основе данных Мордовиястата.

¹⁵ См.: Рейтинги инновационного развития субъектов Российской Федерации ... С. 44.

Республика Мордовия выделяется инициативностью организаций в инноватике и собственной разработке нововведений. Это подтверждает значительная доля предприятий республики, самостоятельно разрабатывающих технологические инновации (табл. 4).

Таблица 4

Уровень инновационной активности организаций Республики Мордовия с 2013 по 2015 г., %¹⁶

Год	Удельный вес организаций Республики Мордовия в общем числе организаций, осуществлявших:			
	инновационную деятельность	технологические инновации	маркетинговые инновации	организационные инновации
2013	16,9	16,0	3,8	3,2
2014	18,3	16,9	3,8	5,5
2015	16,6	14,9	4,0	5,6

В 2014 г. доля инновационной продукции в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг составляла 27,4 %, что подтверждает высокую результативность инновационной деятельности (в соответствии с Государственной программой научно-инновационного развития Республики Мордовия на 2013—2019 годы, удельный вес инновационных товаров, работ и услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг должен составить 33,0 % к 2020 г.)¹⁷. Сейчас в республике создается уникальная кластерная структура инновационного развития. Эксперты отмечают высокую результативность инновационной деятельности в кластерах «Энергоэффективная светотехника и интеллектуальные системы управления освещением», «Волоконная оптика и оптоэлектроника». В регионе распространены и нетехнологические инновации, которые основаны на организационно-управленческих и маркетинговых нововведениях. В структуре инновационного кластера ведущую роль играют: АУ «Технопарк-Мордовия», Национальный исследовательский Мордовский государственный университет, ООО «Центр нанотехнологий и наноматериалов Республики Мордовия», Бизнес-инкубатор Республики Мордовия¹⁸.

¹⁶ Табл. 4 составлена с использованием данных Мордовиястата.

¹⁷ См.: Постановление Правительства Республики Мордовия «Об утверждении Государственной программы научно-инновационного развития Республики Мордовия на 2013—2019 годы» от 20 мая 2013 г. № 183 // Справ.-прав. система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.06.2017).

¹⁸ См.: Постановление Правительства Республики Мордовия «Об утверждении Инвестиционной стратегии Республики Мордовия до 2020 года» от 16 июня 2014 г. № 275 // Там же.

Вместе с тем у региона нет достаточно развитых социально-экономических условий для ведения инновационной деятельности, что требует поиска новых путей ускорения инновационного развития. Например, если сравнить объемы НИР с величиной ВРП республики (табл. 5), то видно, что объемы НИР не превышают 1,0 % от суммы ВРП, а в 2015 г. имеют самое низкое значение (0,6 %) в анализируемом периоде.

Таблица 5

Доля НИР в ВРП Республики Мордовия с 2010 по 2015 г.¹⁹

Показатель	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Объем НИР, млн руб.	624,6	868	866,8	993,8	1 756,2	1 052,9
ВРП (валовая добавленная стоимость в основных ценах), млн руб.	105 343,8	119 952,2	134 315,6	148 705,7	173 872,7	187 397,3
Доля НИР в ВРП, %	0,6	0,7	0,7	0,7	1,0	0,6

Также большой научный интерес и практическую значимость представляет рейтинг инновационных регионов для целей мониторинга и управления, разработанный АИРР в 2012 г. совместно с Министерством экономического развития Российской Федерации, при участии представителей региональных властей и ученых. В основу его методики положен подход, используемый Европейской комиссией для проведения сравнительной оценки инновационного развития регионов Евросоюза с целью разработки и внедрения мер инновационной политики на региональном уровне. Целевая аудитория рейтинга — федеральные органы исполнительной власти и органы исполнительной власти субъектов страны. В рейтинг включено 29 индикаторов, сгруппированных в четыре тематических блока: «Научные исследования и разработки» (9 показателей), «Инновационная деятельность» (9 показателей), «Социально-экономические условия инновационной деятельности» (5 показателей), «Инновационная активность региона» (6 показателей)²⁰.

Республика Мордовия (у нее 14-е место из 85 регионов страны) входит в группу средне-сильных инноваторов (ее

¹⁹ Табл. 5 составлена с использованием данных Мордовиястата.

²⁰ См.: Рейтинг инновационных регионов России: версия 2016. URL: http://i-regions.org/images/files/presentations/AIRR_26.12.pdf (дата обращения: 03.06.2017).

образуют 16 субъектов страны) (табл. 6)²¹. В подрейтинге «Научные исследования и разработки» регион занимает 21-е место из 85 регионов (113,6 % от среднего уровня по регионам России), в подрейтинге «Инновационная деятельность» — 6-е место (164,4 % от среднего уровня), в подрейтинге «Социально-экономические условия инновационной деятельности» — 62-е место (84,2 % от среднего уровня) и в подрейтинге «Инновационная активность региона» — 12-е место (183,0 % от среднего уровня).

Таблица 6

Место Республики Мордовия в рейтинге инновационных регионов Российской Федерации в 2016 г.²²

Ранг	Регион	$I = \Sigma I / 29$	% от среднего уровня по регионам России	Группа	Изменение позиции в рейтинге
1	Москва	0,73	190,3	Сильные инноваторы	1
2	Санкт-Петербург	0,70	181,9		-1
3	Республика Татарстан	0,68	177,5		0
...	...	...	...	...	...
12	Тульская область	0,53	138,0	Средне-сильные инноваторы	6
13	Свердловская область	0,53	137,6		-4
14	Республика Мордовия	0,52	136,4		6
15	Пермский край	0,52	136,1		-3
...	...	...	...	...	...
85	Ненецкий автономный округ	0,18	46,3	Слабые инноваторы	-2

На рис. 2 дана общая характеристика инновационного потенциала Мордовии по сравнению со среднероссийскими показателями. Анализируя этот рисунок, можно сделать вывод, что в Республике Мордовия высокий удельный вес органи-

²¹ На наш взгляд, нельзя не оставить без внимания тот факт, что методика построения рейтинга, в частности система наполняющих его показателей, нуждается в совершенствовании. Безусловно, количество статей, опубликованных в журналах, индексируемых в Web of Science, в расчете на 100 исследователей, позволяет оценить научный и интеллектуальный потенциал ученых региона, но следует исключить из расчета платно публикуемые статьи, так как их качество, научная новизна и практико-ориентированность часто оставляют желать лучшего. К тому же ситуация, когда российская наука финансирует зарубежные журналы, абсурдна по сути.

²² Табл. 6 составлена по: Рейтинг инновационных регионов России: версия 2016.

заций, осуществлявших технологические и нетехнологические инновации, в общем числе организаций, в результате чего достаточно высок удельный вес инновационных товаров, работ, услуг, а также вновь внедренных или подвергавшихся значительным технологическим изменениям инновационных товаров, работ, услуг, новых для рынка, в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, оказанных услуг.

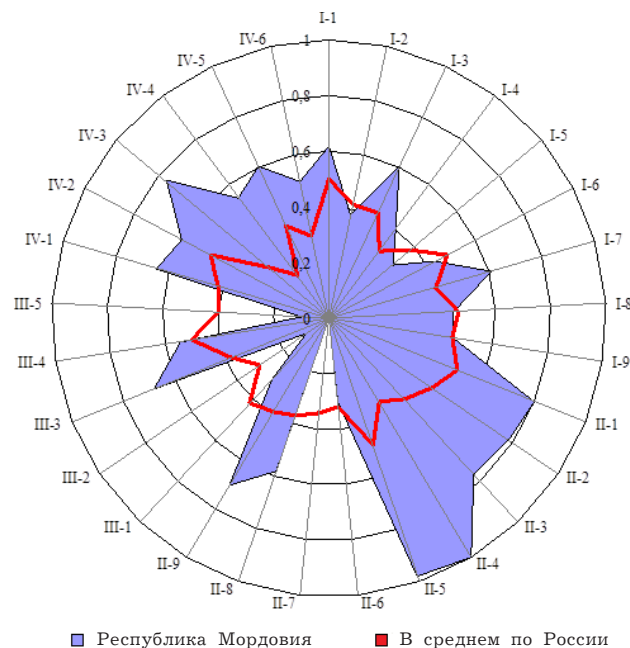

Рис. 2. Сравнение среднероссийских относительных значений и относительных значений показателей Республики Мордовия в рейтинге инновационных регионов Российской Федерации в 2016 г.²³

В Республике Мордовия выше среднероссийского уровня удельный вес малых предприятий, осуществлявших технологические инновации, в общем числе малых предприятий.

²³ Рис. 2 составлен на основе результатов рейтинга Республики Мордовия среди инновационных регионов Российской Федерации в 2016 г. URL: http://i-regions.org/images/files/presentations/AIRR_26.12.pdf (дата обращения: 15.06.2017).

Республика активно и успешно участвует в конкурсах, которые проводятся федеральными органами исполнительной власти и федеральными институтами развития.

Вместе с тем есть слабые стороны: низкий ВРП в расчете на одного работника, занятого в экономике региона (без учета добывающих производств), медленный темп обновления основных средств предприятий республики, отсутствие поступлений от экспорта технологий в расчете на 1 тыс. руб. ВРП, хотя, например, в 2015 г., по данным Мордовиястата, создано 10 передовых производственных технологий, из них 6 технологий, обладающих патентной чистотой. Следовательно, часть из них могла бы заинтересовать зарубежных инвесторов.

Как положительный момент следует отметить, что экспорт инновационной продукции, произведенной на предприятиях республики, в 2015 г. составляет 4,4 % от общего объема отгруженной продукции, в том числе 1,6 % в страны дальнего зарубежья (табл. 7).

Таблица 7

Динамика объемов отгруженной инновационной продукции предприятиями Республики Мордовия²⁴

Год	Объем отгруженной инновационной продукции						
	всего, млн руб.		в том числе:				
			на экспорт		из него:		
			в страны СНГ		в другие зарубежные страны		
сумма, млн руб.	доля от общего объема отгру- женной иннова- ционной продук- ции, %	сумма, млн руб.	доля от общего объема отгру- женной иннова- ционной продук- ции, %	сумма, млн руб.	доля от общего объема отгру- женной иннова- ционной продук- ции, %		
2013	28 381,9	533,6	1,88	507,2	1,79	26,4	0,09
2014	29 329,5	2 317,1	7,90	1 552,8	5,29	764,3	2,61
2015	33 365,1	1 480,6	4,43	955,6	2,86	525,0	1,57

Полагаем, что инновационная продукция, произведенная в Республике Мордовия, известна за рубежом. Необходимо активно развивать это направление экспорта.

²⁴ Табл. 7 составлена с использованием данных Мордовиястата.

Обсуждение и заключения. «Создание стойкой инфраструктуры, содействие всеохватной и устойчивой индустриализации и инновациям» определены как девятая среди целей устойчивого развития в «Преобразовании нашего мира: повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.» (принято в сентябре 2015 г. под эгидой Организации Объединенных Наций и вступило в силу 1 января 2016 г.)²⁵.

Действительно, наука, инновации, высокие технологии обуславливают сегодня не только вектор развития общества, но и состояние техносферы, окружающей природной среды, экологической обстановки, направление развития человечества в целом. Республика Мордовия не обладает полезными ископаемыми, поэтому люди, интеллект, наука — весьма важный ее ресурс.

Неслучайно некоторые зарубежные ученые определяют инновационный потенциал как *knowledge capital* [6, с. 7; 13, с. 1013]. Развитие наукоемких производств и внедрение передовых прогрессивных высоких технологий, формирование эффективных для Мордовии подходов к управлению инновационной деятельностью, создание условий для развития системы венчурного финансирования, улучшение системы поддержки наукоемкого малого и среднего бизнеса, поддержка инновационно активных предприятий обеспечат устойчивое инновационное развитие республики и позволят занять достойные позиции в экономической системе страны.

Для усиления конкурентных преимуществ региона, ликвидации слабых мест следует проводить постоянный мониторинг показателей, используемых в том числе экспертами при составлении рейтингов инновационного развития субъектов Российской Федерации. Эти показатели, по сути, являются основными факторами успеха и указывают вектор активных действий с целью повышения эффективности инновационной деятельности, создания благоприятного инвестиционного климата и инвестиционной привлекательности в регионе. Их можно рассматривать как основу для создания дорожной карты укрепления и повышения инновационного потенциала.

²⁵ См.: Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/291/92/PDF/N1529192.pdf?OpenElement> (дата обращения: 11.06.2017).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Нуреев Р.М., Симаковский С.А. Инновационный потенциал России в условиях экономических санкций: резервы роста // Вопросы регулирования экономики. 2016. Т. 7, № 4. С. 32—47. DOI: <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2016.7.4.032-047>
2. Маскайкин Е.П., Арцер Т.В. Инновационный потенциал региона: сущность, структура, методика оценки и направления развития // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. 2009. № 21. С. 47—53. URL: <http://archive.vestnik.susu.ru/pdf/29089/10.pdf> (дата обращения: 04.06.2017).
3. Шляхто И.В. Оценка инновационного потенциала промышленного предприятия // Вестник Брянского государственного технического университета. 2006. № 1. С. 109—115. URL: www.tu-bryansk.ru/doc/vestnik/1_2006/shlyahito.doc (дата обращения: 04.06.2017).
4. Бакланова Ю.О. Инновационный потенциал региона и его открытость по отношению к внешней среде // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2010. № 21. URL: <http://uecs.ru/uecs-21-212010/item/149-2011-03-22-12-47-55> (дата обращения: 04.06.2017).
5. Сутугина М.В., Склярова Е.Е. Инновационный потенциал регионов России как фактор экономического роста // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 12. С. 66—71. URL: <http://e-koncept.ru/2016/46214.htm> (дата обращения: 04.06.2017).
6. Carayannis E.G., Samara E.T., Bakouros Y.L. Innovation and Entrepreneurship: Theory, Policy and Practice. Springer, 2015. 236 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-319-11242-8>
7. Бондарева Е.В., Грошев А.Р., Грошева Т.А., Овчаренко А.М. Инновационный потенциал региона // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 4. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=6828> (дата обращения: 04.06.2017).
8. Голова И.М. Инновационный потенциал региона // Экономика региона. 2015. № 3. С. 294—311. URL: <http://www.uiec.ru/content/files2/24iGolova.pdf> (дата обращения: 04.06.2017).
9. Голова И.М. Проблемы формирования инновационно-технологического имиджа российских регионов // Экономика региона. 2012. № 2. С. 105—111. URL: http://economyofregion.ru/Data/Issues/ER2012/June_2012/ERJune2012_105_115.pdf (дата обращения: 04.06.2017).
10. Локтев А.В. Реализация инновационного потенциала как необходимое условие устойчивого развития экономики региона // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 10. С. 109—114. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-innovatsionnogo-potentsiala-kak-neobhodimoe-usloviye-ustoychivogo-razvitiya-ekonomiki-regiona> (дата обращения: 04.06.2017).
11. Прокофьев К.Ю. Инновационный потенциал региона: сущность, структура // Региональная экономика: теория и практика. 2013. № 30. С. 12—19. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnyu-potentsial-regiona-suschnost-struktura> (дата обращения: 04.06.2017).

12. Романова О.А. Инновационная парадигма новой индустриализации в условиях формирования интегрального мирохозяйственного уклада // Экономика региона. 2017. Т. 13, № 1. С. 276—289. DOI: <https://doi.org/10.17059/2017-1-25>

13. Carayannis E.G. (ed.) Encyclopedia of Creativity, Invention, Innovation and Entrepreneurship. Springer, 2013. 1941 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-1-4614-3858-8>

Для цитирования: Москалева Е.Г. Инновационный потенциал как фактор опережающего развития региона // РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY. 2017. Т. 25, № 4. С. 534—553.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

**E. G. Moskaleva. Innovative Potential
as a Factor for Advanced Development of a Region**

Key words: region; innovation; innovative potential; innovative activity; innovative way of development; structure of innovative potential

Introduction: rapid changes in the macroeconomic situation in the Russian Federation have created new threats for the development of its regions. In particular, the Republic of Mordovia is a direct participant of economic relations, it receives support from the federal government for the implementation of programs of socio-economic development of the region, which offers great opportunities and prospects. However, interregional competition for the location of new production facilities, for the federal government's financial support of innovative business projects, for intellectual capital and highly qualified workers does not allow to stop and makes the regions continuously develop and strengthen their innovative potential and innovative activities. The objective of the article is to identify the innovative potential of the Republic of Mordovia, the opportunities and threats of sustainable innovative development.

Materials and Methods: the materials used for writing this paper were the data from the territorial body of the Federal State Statistics Service in the Republic of Mordovia, the information and analytical agencies. The study was conducted using the principles of systemic and integrated approaches, the following general scientific methods and techniques were also used: analytical review, abstraction, synthesis, dynamic, coefficient and logical analysis.

Results: various information and analytical agencies conducted a continuous analysis of the innovation potential of the country and its constituent regions, for the purposes of monitoring and administration. According to experts, a subsidy from the federal budget for development of innovative infrastructure became a prerequisite for a high rating of the Republic of Mordovia, because of it a number of indicators had high values, and in the

future the rating may go down. Consequently, the Republic of Mordovia needs to consolidate and strengthen its present position in the list of innovative regions of Russia, and to achieve this, even greater efforts should be made to intensify the innovative activity and increase the innovative potential. Examination of the results of rating have led to the conclusion that in comparison with the indicators average for Russia, the Republic of Mordovia has a number of strengths, the use of which in the future will allow not only to consolidate the achieved results, but also to accelerate the pace of innovative development.

Discussion and Conclusions: the main resource of the Republic of Mordovia is its people, intelligence and science. Support of the scientific community, development of science intensive industries and introduction of newest technologies, formation of effective approaches in the development of innovative activities in the Republic of Mordovia, creating conditions for the development of the system of venture innovation funding, improving the system of support of science intensive small and medium business, taking into account the dynamically changing reality will provide sustainable innovative development of the Republic and will allow to take a worthy position in the economic system of the country.

REFERENCES

1. Nureev R.M., Simakovsky S.A. [Russian Innovative Potential in the Conditions of Economic Sanctions: Reserves of Growth]. *Voprosy regulirovaniya jekonomiki* = Journal of Economic Regulation. 2016; 4(7):32—47. DOI: <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2016.7.4.032-047>
2. Maskaikin E.P., Artser T.V. [Innovative Potential of the Region: Essence, Structure, Method of Estimation and Directions of Development]. *Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Jekonomika i menedzhment* = Bulletin of South Ural State University, Series "Economics and Management". 2009; 21:47—53. Available at: <http://archive.vestnik.susu.ru/pdf/29089/10.pdf> (accessed 04.06.2017). (In Russ.)
3. Shlyakhto I.V. [Estimation of Innovative Potential of an Industrial Enterprise]. *Vestnik Brjanskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta* = The Bryansk State University Herald. 2006; 1:109—115. Available at: www.tu-bryansk.ru/doc/vestnik/1_2006/shlyakhto.doc (accessed 04.06.2017). (In Russ.)
4. Baklanova Yu.O. [The Innovative Potential of the Region and Its Openness to the External Environment]. *Upravlenie jekonomicheskimi sistemami: jelektronnyj nauchnyj zhurnal* = Management of Economic Systems: Scientific Electronic Journal. 2010; 21. Available at: <http://uecs.ru/uecs-21-212010/item/149-2011-03-22-12-47-55> (accessed 04.06.2017). (In Russ.)
5. Sutugina M.V., Sklyarova E.E. [Innovative Potential of Russia's Regions as a Factor of Economic Growth]. *Nauchno-metodicheskij jelektronnyj zhurnal «Koncept»* = Scientific and Methodical Electronic Journal of "Concept". 2016; 12:66—71. Available at: <http://e-koncept.ru/2016/46214.htm> (accessed 04.06.2017). (In Russ.)
6. Carayannis E.G., Samara E.T., Bakouros Y.L. *Innovation and Entrepreneurship: Theory, Policy and Practice*. Springer; 2015. 236 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-319-11242-8>
7. Bondareva E.V., Groshev A.R., Grosheva T.A., Ovcharenko A.M. [Innovative Region Potential]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovanija* = Modern Problems of Science and Education. 2012; 4. Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=6828> (accessed 04.06.2017). (In Russ.)
8. Golova I.M. [Innovation Competitiveness of the Russian Regions]. *Jekonomika regiona* = Economy of Region. 2015; 3:294—311. Available at: <http://www.uiec.ru/content/files2/24iGolova.pdf> (accessed 04.06.2017). (In Russ.)
9. Golova I.M. [Problems Forming Innovative-Technological Image of Russian Regions]. *Jekonomika regiona* = Economy of Region. 2012; 2:105—111. Available at: http://economyofregion.ru/Data/Issues/ER2012/June_2012/ERJune2012_105_115.pdf (accessed 04.06.2017). (In Russ.)
10. Loktev A.V. [Realization of Innovative Potential as Necessary Condition of the Sustainable Development of the Region Economy]. *Social'no-jekonomicheskie javlenija i processy* = Social and Economic Phenomena and Processes. 2012; 10:109—114. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-innovatsionnogo-potentsiala-kak-neobhodimoe-uslovie-ustoychivogo-razvitiya-ekonomiki-regiona> (accessed 04.06.2017). (In Russ.)
11. Prokofiev K.Yu. [Innovative Capacity of the Region: Essence, Structure]. *Regional'naja jekonomika: teorija i praktika* = Regional Economics: Theory and Practice. 2013; 30:12—19. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnyy-potentsial-regiona-suschnost-struktura> (accessed 04.06.2017). (In Russ.)
12. Romanova O.A. [The Innovation Paradigm of New Industrialization in the Conditions of the Integrated World Economic Way]. *Jekonomika regiona* = Economy of Region. 2017; 1(13):276—289. DOI: <https://doi.org/10.17059/2017-1-25>
13. Carayannis E.G. (ed.) *Encyclopedia of Creativity, Invention, Innovation and Entrepreneurship*. Springer; 2013. 1941 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-1-4614-3858-8>

About the author:

Elena G. Moskaleva, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of Accounting, Analysis and Audit, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk, 430005, Russia) (e-mail: Moskaleva_EG@list.ru). ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7364-4187>

For citation: Moskaleva E.G. Innovative Potential as a Factor for Advanced Development of a Region. *REGIONOLOGIYA* = REGIONOLOGY. 2017; 4(25):534—553.

The author have read and approved the final manuscript.

Поступила/Submitted 10.08.2017.

Д. В. СЕРДОБИНЦЕВ

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИННОВАЦИОННО-ИНВЕСТИЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ ПОВОЛЖЬЯ

Ключевые слова: регион; современное состояние; направления развития; инновации; инвестиции; Поволжье

Введение: вопросы инновационно-инвестиционного развития отечественной экономики приобретают все большую значимость, что определяется современной политикой импортозамещения. В рамках ВТО отечественным предприятиям и товарам приходится открыто конкурировать с производителями развитых стран, конкурентоспособность и эффективность работы которых выше не только из-за тесной интеграции науки и производства, но и по причине доступности инвестиционных ресурсов. При этом можно утверждать, что, несмотря на высокую частоту освещения данного вопроса в научной литературе, перспективы инновационно-инвестиционного развития экономики страны полностью не определены.

Материалы и методы: при подготовке статьи использовались материалы Федеральной службы государственной статистики, научные труды по исследуемой теме. Применялись следующие методы научного исследования: статистико-экономический, монографический, абстрактно-логический, расчетно-конструктивный и др.

Результаты исследования: проанализировано современное состояние инновационной сферы регионов Поволжья. Рассмотрена видовая структура поступивших патентных заявок и выданных охранных документов интеллектуальной собственности, а также объемы разработки и использования передовых производственных технологий. Определены доли организаций, осуществляющих различные виды инновации и производящие инновационные товары, работы, услуги в общем объеме поставленной продукции.

СЕРДОБИНЦЕВ Дмитрий Валерьевич, заведующий сектором развития интеграции и кооперации Поволжского научно-исследовательского института экономики и организации агропромышленного комплекса, кандидат экономических наук (410010, Россия, г. Саратов, ул. Шехурдина, 12) (e-mail: dvss@bk.ru). ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4023-3143>. Researcher ID: E-4289-2014

© Сердобинцев Д. В., 2017

Показана динамика внутренних затрат и численности персонала, занятого в сфере научных исследований и разработок. Проанализированы инвестиции в основной капитал в целом по стране и регионам Поволжья. Определен рост большинства показателей инновационного развития регионов Поволжья, что может свидетельствовать об успехе предпринимаемых мер по обеспечению импортозамещения в сфере высоких технологий.

Обсуждение и заключения: проведенные исследования практического опыта деятельности инновационных организаций Поволжья позволили выявить перспективы развития и основные проблемы изобретательской деятельности. Разработан организационно-экономический механизм инновационно-инвестиционного развития, внедрение которого позволит повысить инвестиционную привлекательность сферы разработок и объемы выпуска инновационной продукции.

Введение. В последние десятилетия наблюдается ускорение темпов роста мировой и многих национальных экономик, которое в значительной степени стало следствием развития инновационной деятельности, что привело к многократному увеличению доли высокотехнологичной продукции и к структурным изменениям экономических систем. Опыт развитых стран отчетливо демонстрирует прямую взаимосвязь между размером инвестиций в инновации, в том числе средств, расходуемых покупателями на производственные и потребительские инновационные продукты, и темпами роста ВВП. При этом системный подход, основанный на построении единых механизмов инновационно-инвестиционного развития, широко распространен в странах с высоким уровнем развития как естественный этап в эволюции методов и способов интенсивного использования материальных и интеллектуальных ресурсов. В развитых странах наиболее активная роль в инновационно-инвестиционном развитии принадлежит внутрифирменной науке, успешно интегрирующейся в реальный сектор экономики, а в развивающихся странах наибольших успехов в последние десятилетия добиваются инновационно ориентированные предприятия. При этом целью экономической политики является не простое развитие высокотехнологичных отраслей, а достижение сбалансированности, т. е. оптимизации роли и величины инновационного компонента и, соответственно, затрат на разработки и исследования¹. Таким образом, актуальность

¹ См.: Краснова Н.А. Инновационное развитие сельского хозяйства в зарубежных странах. URL: <http://novainfo.ru/article/2777> (дата обращения: 15.02.2017).

темы работы предопределили современное положение и основные тенденции в мировой и отечественной экономике, а также проведение политики импортозамещения, базисом которой является развитие инвестиционной и инновационной активности. При этом в сложившихся экономических условиях, связанных с санкционными ограничениями и ответом на них, в том числе в отношении иностранных инноваций и инвестиций, а также девальвацией национальной валюты, повышению самообеспеченности различными технологиями и продукцией придается приоритетное значение. Все это нацеливает экономику страны на ускоренное развитие и модернизацию, что подтверждается в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации². Поэтому разработка и внедрение эффективного механизма инновационно-инвестиционного развития позволят вывести российскую экономику на качественно новый технологический уровень и существенно повысить экономическую эффективность предприятий регионов Поволжья.

Обзор литературы. Сегодня теория и методология проблемы развития как отдельно инновационных [1—3] и инвестиционных процессов [4—6], так и в целом инновационно-инвестиционного [7—9] развития разработаны в трудах многих ученых-экономистов. Следует отметить, что и зарубежные [10], и отечественные³ ученые среди наиболее прогрессивных направлений и форм инновационно-инвестиционного развития выделяют малые инновационные предприятия, венчурные компании и промышленные кластеры.

Для широкоформатной экономики России именно в рамках кластеров возможно наиболее полно организовать и обеспечить разработку и эффективное внедрение инноваций, их инвестиционное, научно-технологическое и техническое обеспечение, а также взаимодействие между различными инновационными и инвестиционными предприятиями. Также среди перспективных направлений инновационно-инвестици-

² См.: Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» от 31 дек. 2015 г. № 683 // Справ.-прав. система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.04.2017).

³ См.: Александрова Л.А. Инновационный потенциал кластеризации аграрной экономики // Актуальные проблемы и перспективы развития АПК в связи с вступлением в ВТО: российский и международный опыт: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. И.П. Глебова. Саратов: ФГБОУ ВПО СГАУ им. Н.И. Вавилова, 2013. С. 6—9.

онного развития следует отметить конвергенцию и диффузию инноваций, развитие венчурного финансирования, бизнес-инкубаторов и информационно-технологических систем коммуникации среди участников инновационно-инвестиционных процессов. Наряду с тем, недостаточное внимание уделяется разработке вопросов организации отдельных процессов инновационно развития и функционирования их в системе единого механизма на региональном уровне. Остаются открытыми вопросы, связанные с внедрением и освоением эффективных практик инновационно развития с учетом особенностей регионов и прав на объекты интеллектуальной собственности. Требуется оптимизация взаимодействия предприятий с научно-исследовательскими и финансово-кредитными институтами, а также принципы распределения доходов от использования инноваций. Много проблем лежит в плоскости создания благоприятной внешней среды функционирования инновационных предприятий (информационно-аналитическая поддержка, упрощение и ускорение процедур регистрации и внедрения изобретений, избыточные административные барьеры, недостаток квалифицированных кадров и др.), а также в плоскости изыскания и окупаемости инвестиций в научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки.

Материалы и методы. При подготовке статьи использовались данные Федеральной службы государственной статистики, научные труды отечественных и зарубежных ученых по исследуемой теме, материалы научно-исследовательских, инновационных и инвестиционных организаций. При изучении теоретических и методологических аспектов по различным организационно-экономическим аспектам инновационных и инвестиционных процессов использован монографический метод. Теоретические изыскания подкрепляются изучением современного состояния инновационно-инвестиционного развития регионов Поволжья на основе статистико-экономического метода исследования, а также сравнением результатов работы методом сопоставительного анализа. Для изучения практического опыта работы инновационных и инвестиционных предприятий применены методы социологического исследования: опроса и интервьюирования. Определение направлений развития и формирование механизма инновационно-инвестиционного развития проводилось

с использованием абстрактно-логического и расчетно-конструктивного методов.

Результаты исследования. Одним из характерных примеров современного состояния инновационной отрасли являются исследовательские предприятия Поволжья, которые играют заметную роль в научной сфере страны, при этом обладают широким видовым разнообразием используемых организационно-правовых форм, а также значительной дифференциацией производства различных видов инновационной продукции. Например, изобретателями Поволжья в 2015 г. подано от 8,0 до 13,0 % различных видов патентных заявок всей страны (табл. 1).

Таблица 1

Поступление патентных заявок и выдача охранных документов в России, Приволжском федеральном округе и регионах Поволжья в 2015 г., ед.⁴

Территория	Подано патентных заявок			Выдано патентов		
	на изобретения	на полезные модели	на промышленные образцы	на изобретения	на полезные модели	на промышленные образцы
Российская Федерация	29 269	11 403	2 015	22 560	8 390	2 031
Приволжский федеральный округ	3 947	2 243	295	4 014	1 666	442
Республика Калмыкия	45	3	—	22	1	—
Республика Татарстан	808	477	62	882	382	33
Астраханская область	86	41	—	83	35	1
Волгоградская область	288	201	3	261	166	4
Пензенская область	146	57	18	173	38	24
Самарская область	551	381	100	488	291	194
Саратовская область	229	165	16	217	113	26
Ульяновская область	251	172	16	243	127	39
Поволжье	2 404	1 497	215	2 369	1 153	321
Доля Поволжья в Российской Федерации, %	8,21	13,13	10,67	10,50	13,74	15,81

⁴ Информация, представленная во всех таблицах статьи, рассчитана по данным Федеральной службы государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 21.06.2017).

По количеству разработанных передовых технологий регионы Поволжья занимают 8,1 % от всех технологий России, а лидируют по данному показателю Республика Татарстан и Самарская область, которые обгоняют ближайших «преследователей» в 2—5 раз соответственно. Следует отметить, что как в Поволжье, так и в России в целом за пятилетний период (2011—2015 гг.) этот показатель значительно вырос на пятую и третью части. Также за пятилетний период увеличилось и количество используемых передовых производственных технологий в России и Поволжье на 14,0—15,0 %, а в тройку лидеров среди поволжских регионов также входят Самарская область, Республика Татарстан и Саратовская область (табл. 2).

Таблица 2

Разработка и использование передовых производственных технологий в России, Приволжском федеральном округе и регионах Поволжья в 2011—2015 гг., ед.

Территория	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2015 г. в % к	
	2011 г.	2014 г.					
<i>Разработанные передовые производственные технологии</i>							
Российская Федерация	1 138	1 323	1 429	1 409	1 398	122,85	99,22
Приволжский федеральный округ	174	256	249	284	238	136,78	83,80
Республика Калмыкия	—	—	—	—	—	—	—
Республика Татарстан	16	46	24	37	58	362,50	156,76
Астраханская область	6	9	7	8	6	100,00	75,00
Волгоградская область	—	—	2	1	—	—	—
Пензенская область	4	24	36	34	11	275,00	32,35
Самарская область	26	19	21	33	25	96,15	75,76
Саратовская область	16	21	22	20	12	75,00	60,00
Ульяновская область	16	25	32	27	1	6,25	3,70
Поволжье	84	144	144	160	113	134,52	70,63
<i>Используемые передовые производственные технологии</i>							
Российская Федерация	191 650	191 372	193 830	204 546	218 018	113,76	106,59
Приволжский федеральный округ	55 822	54 976	57 076	59 643	64 064	114,76	107,41
Республика Калмыкия	16	15	14	34	49	306,25	144,12
Республика Татарстан	4 847	5 151	5 280	6 025	6 675	137,71	110,79
Астраханская область	591	554	391	438	524	88,66	119,63
Волгоградская область	1 989	2 055	2 223	2 404	2 400	120,66	99,83
Пензенская область	1 134	1 206	1 393	1 452	1 694	149,38	116,67
Самарская область	6 870	6 688	7 291	7 769	8 630	125,62	111,08
Саратовская область	4 359	4 630	4 664	5 087	5 437	117,91	108,06
Ульяновская область	1 685	1 798	1 717	1 679	1 821	113,76	106,59
Поволжье	71 269	70 645	73 668	77 765	84 036	114,76	107,41

Среди используемых объектов интеллектуальной собственности и технологий наибольшей популярностью в целом по

России пользуются изобретения (14 181), программы для ЭВМ (6 459), полезные модели (5 556). При этом остальные виды инновационных продуктов, такие как промышленные образцы (1 659), базы данных (1 153), топологии интегральных микросхем (135), значительно отстают от первой тройки. Возможно, что, с одной стороны, данные направления инновационных продуктов наименее востребованы. С другой стороны, наоборот, именно на данных направлениях следует сосредоточить внимание. Вторым вариантом более вероятен, так как в сфере внедрения в производство (промышленные образцы) и в информационно-технологической сфере (базы данных и технологии интегральных микросхем) отечественной инновационной отрасли наблюдаются наибольшие затруднения и отставание от развитых стран.

По инновационной активности, которую отражает удельный вес организаций, осуществляющих различные виды инноваций, в Поволжье лидируют организации Республики Татарстан, но все регионы демонстрируют разнонаправленную динамику, среди которых резкий скачок данного показателя наблюдался в Ульяновской области. При этом если в целом по стране и Приволжскому федеральному округу за пять лет значение данного показателя снизилось, то в Поволжье данный показатель увеличился (табл. 3).

Таблица 3

Удельный вес организаций, осуществлявших технологические, организационные, маркетинговые инновации в России, Приволжском федеральном округе и регионах Поволжья в 2011—2015 гг., %

Территория	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Российская Федерация	10,4	10,3	10,1	9,9	9,3
Приволжский федеральный округ	12,7	11,9	11,7	11,4	10,6
Республика Калмыкия	1,1	1,2	4,8	2,4	2,4
Республика Татарстан	18,1	19,1	21	20,5	20,5
Астраханская область	5,2	5,8	9,0	12,4	12,1
Волгоградская область	7,9	7,1	8,1	6,3	6,3
Пензенская область	11,0	11,4	15,6	17,1	14,7
Самарская область	9,8	6,3	5,4	5,8	5,0
Саратовская область	5,5	7,0	6,4	6,8	6,3
Ульяновская область	8,0	6,3	7,1	5,1	5,2
Поволжье	8,2	7,9	9,1	9,3	8,8

Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг за пять лет в целом по России вырос на треть — с 6,3 до 8,4 %, что может свидетельствовать об успехе предпринимаемых мер по обеспечению импортозамещения в сфере высоких технологий, при этом среди регионов Поволжья лидеры те же — Республика Татарстан и Самарская область (табл. 4).

что может свидетельствовать об успехе предпринимаемых мер по обеспечению импортозамещения в сфере высоких технологий, при этом среди регионов Поволжья лидеры те же — Республика Татарстан и Самарская область (табл. 4).

Таблица 4

Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг в России, Приволжском федеральном округе и регионах Поволжья в 2011—2015 гг., %

Территория	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Российская Федерация	9,2	8,5	9,2	8,8	9,4
Приволжский федеральный округ	19,8	8,5	15,1	12	13,2
Республика Калмыкия	2,7	3,4	3,9	2,5	5,7
Республика Татарстан	21,5	24,5	22,9	21,1	19,1
Астраханская область	7,0	11,5	7,5	7,0	8,5
Волгоградская область	5,2	0,9	1,1	2,1	2,5
Пензенская область	2,8	0,7	1,8	4,9	5,4
Самарская область	14,9	18,4	21,1	20,5	20,4
Саратовская область	0,0	0,4	0,0	0,1	0,6
Ульяновская область	11,3	12,7	14,2	13,8	13,0
Поволжье	6,3	8,0	9,2	8,7	8,4

При этом численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, в стране за пять лет почти не изменилась, а по Поволжью, наоборот, сократилась на 10,0 %. При этом среди регионов Поволжья только Саратовская область увеличила объемы финансирования научно-исследовательских работ, но лидерами по этому показателю остаются Республика Татарстан и Самарская область (табл. 5).

Таблица 5

Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками в России, Приволжском федеральном округе и регионах Поволжья в 2011—2015 гг., чел.

Территория	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2015 г. в % к 2011 г.	2014 г.
Российская Федерация	735 273	726 318	727 029	732 274	738 857	100,49	100,90
Приволжский федеральный округ	111 579	114 204	114 013	107 656	107 679	96,50	100,02
Республика Калмыкия	190	181	183	213	175	92,11	82,16
Республика Татарстан	13 258	13 730	13 079	11 982	12 708	95,85	106,06
Астраханская область	966	1 014	1 083	904	933	96,58	103,21
Волгоградская область	3 988	3 639	3 568	3 732	3 958	99,25	106,06
Пензенская область	6 413	5 927	5 583	5 684	5 790	90,29	101,86
Самарская область	15 666	17 306	16 721	12 894	12 700	81,07	98,50
Саратовская область	4 828	4 653	4 947	4 697	5 245	108,64	111,67
Ульяновская область	6 881	6 983	7 093	7 047	5 237	76,11	74,32
Поволжье	52 000	53 252	52 074	46 940	46 571	89,56	99,21

Внутренние затраты на научные исследования и разработки в стране и Приволжском федеральном округе за пять лет увеличились в полтора раза, а в регионах Поволжья прибавили пятую часть⁵. Лидеры инновационной сферы Поволжья — Самарская область и Татарстан в соответствии с объемом разработок они также сохраняют свои позиции по объемам финансирования научно-исследовательских работ, при этом Татарстан также демонстрирует и наибольший прирост за пятилетний период (табл. 6).

Таблица 6

Внутренние затраты на научные исследования и разработки в России, Приволжском федеральном округе и регионах Поволжья в 2011—2015 гг., млн руб.

Территория	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2015 г.	
						в % к 2011 г.	к 2014 г.
Российская Федерация	610 426,7	699 869,8	749 797,6	847 527,0	914 669,1	149,8	107,9
Приволжский федеральный округ	91 012,1	109 155,0	114 194,6	126 552,5	138 049,2	151,7	109,1
Республика Калмыкия	80,8	76,8	68,2	75,8	75,3	93,2	99,3
Республика Татарстан	8 622,0	10 447,5	11 125,8	12 180,8	12 202,2	141,5	100,2
Астраханская область	612,0	572,9	568,8	549,9	563,1	92,0	102,4
Волгоградская область	3 229,7	3 669,5	5 294,1	8 123,8	3 417,7	105,8	42,1
Пензенская область	3 730,7	3 987,0	4 539,5	3 518,5	3 645,2	97,7	103,6
Самарская область	14 406,9	17 601,1	18 953,8	14 596,4	17 353,3	120,5	118,9
Саратовская область	2 693,2	3 020,7	2 843,2	3 298,3	3 577,7	132,8	108,5
Ульяновская область	7 830,2	8 551,6	8 706,4	8 785,9	8 891,0	113,5	101,2
Поволжье	41 124,7	47 850,3	52 031,6	51 053,6	49 650,2	120,7	97,3

Продолжая анализ финансовой стороны инноваций, следует перейти к анализу инвестиционной деятельности, где можно отметить, что за пять лет объем инвестиций в России вырос на четверть, а в Поволжье — более чем в полтора раза. При этом, как и по объему инновационной деятельности, в сфере инвестиций лидерами среди регионов Поволжья являются также Республика Татарстан и Самарская область (табл. 7). С 2013 г. статистика инвестиций в объекты интеллектуальной собственности (произведения литературы и искусства, программное обеспечение и базы данных

⁵ См.: Наука и инновации. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science/# (дата обращения: 14.08.2017).

для ЭВМ, изобретения, полезные модели, промышленные образцы, селекционные достижения, затраты на НИОКР и т. д.) включена в инвестиции в основной капитал, но и в 2011—2012 гг. затраты на них составляли всего 1,6—1,8 % от всех инвестиций в основной капитал соответственно⁶.

Таблица 7

Инвестиции в основной капитал в России, Приволжском федеральном округе и регионах Поволжья в 2011—2015 гг. (в фактически действовавших ценах), млрд руб.

Территория	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2015 г.	
						в % к 2011 г.	к 2014 г.
Российская Федерация	11 036	12 586	13 450	13 903	13 897	125,92	99,96
Приволжский федеральный округ	1 703	2 013	2 301	2 384	2 463	144,63	103,31
Республика Калмыкия	10	14	15	23	17	170,00	73,91
Республика Татарстан	394	471	526	543	617	156,60	113,63
Астраханская область	69	82	123	117	113	163,77	96,58
Волгоградская область	104	136	141	183	200	192,31	109,29
Пензенская область	57	72	82	82	89	156,14	108,54
Самарская область	183	213	270	322	303	165,57	94,10
Саратовская область	101	118	126	137	140	138,61	102,19
Ульяновская область	59	73	77	77	79	133,90	102,60
Поволжье	967	1 165	1 345	1 461	1 541	159,36	105,48

При рассмотрении современного опыта развития инноваций в первую очередь следует отметить свойственный им перечень особенностей, которые сформировались за период экономических преобразований из-за ряда объективных причин:

— достаточно развитая низкзатратная сфера разработки (10,0—15,0 % всех затрат), но их внедрение сдерживается следующими двумя факторами;

— высокая стоимость первичных (доводочных) испытаний (25,0—30,0 % бюджета);

— дороговизна сертификационных и регистрационных испытаний, общая сумма которых, включая маркетинговые мероприятия, может составлять до 50,0—60,0 % затрат на разработку;

⁶ См.: Инвестиции в нефинансовые активы. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/investment/nonfinancial/ (дата обращения: 14.08.2017).

— наличие большого количества устаревших мощностей для производства широкого ассортимента инновационных продуктов или опытных современных производств с возможностью производства единичных экземпляров.

В результате большинство отечественных разработок выполняется на базе государственных научно-исследовательских институтов или университетов за счет средств, полученных в рамках государственных заданий или грантов отечественных и зарубежных фондов, а затем все права на них передаются тем же иностранным компаниям, которые проводят их испытания и вывод на рынок.

По указанным причинам основное внимание государства необходимо сосредоточить на финансировании испытательных и внедренческих фаз инновационных процессов.

Проведенные исследования практического опыта деятельности инновационных компаний, университетов и научно-исследовательских организаций Поволжья позволили выявить основные проблемы изобретательской деятельности:

— дефицит собственных средств и недостаток финансовой поддержки со стороны государства. Изобретателям приходится использовать собственные накопления или кредитные ресурсы (для финансирования испытаний и сертификации), получение которых также затруднено в связи с отсутствием залоговой базы и сложности оценки возможных результатов;

— «пиратство» — промышленные предприятия, налаживая массовый выпуск нового изделия или внедряя технологию, отказываются от участия разработчика в дальнейшем производстве и выплате авторских отчислений;

— отсутствие интереса у крупных промышленных предприятий к апробации новых отечественных разработок или проведению собственных исследований. Предпочтение отдается приобретению готовых технологий и оборудования, которые уже апробированы за рубежом.

Для эффективного внедрения инноваций необходим системный государственный подход в решении следующих основных задач:

— финансирование самых затратных стадий (изготовление опытных образцов и испытаний посредством субсидирования и кредитования);

— защита авторских прав, оптимизация и контроль системы авторских отчислений;

— ужесточение требований к сертификации и адаптации для российских условий иностранных разработок.

Реализация перечисленных мер за счет совершенствования механизма инновационно-инвестиционного развития, на наш взгляд, позволит увеличить объемы производства и внедрения инновационной продукции, расширить негосударственный изобретательский сектор, повысить объемы кредитования инновационных процессов, улучшить сбыт инновационной продукции. В обобщенном виде основные направления развития инновационно-инвестиционных процессов регионов Поволжья представлены на рис. 1⁷.

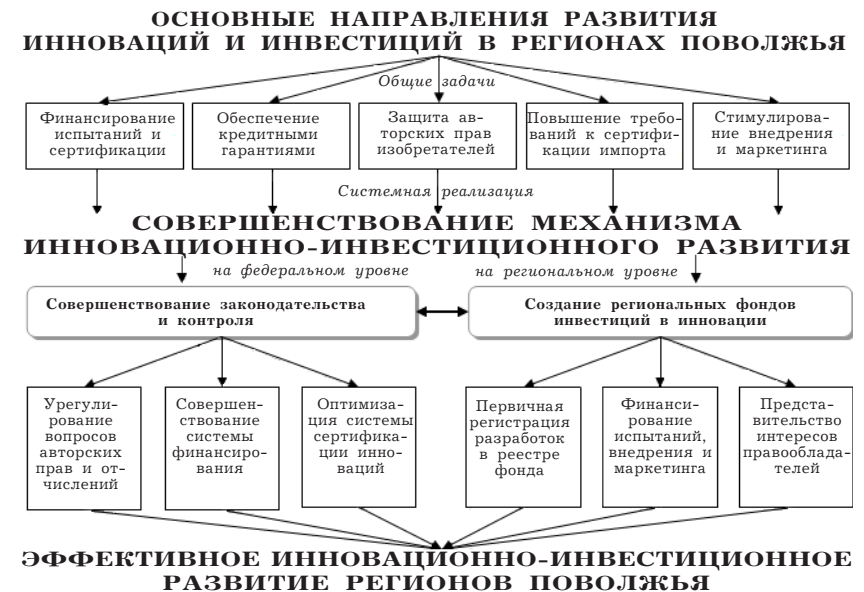

Рис. 1. Основные направления инновационно-инвестиционного развития регионов Поволжья

Следует отметить, что в работе данные направления рассмотрены в основном с технической и практической стороны инновационно-инвестиционных процессов в экономике регионов Поволжья.

⁷ Все рисунки в статье составлены нами.

Для полноты завершения комплексной модернизации и трансформации механизма следует провести более глубокие исследования концептуальных и содержательных аспектов проблематики и сущностной специфики инновационно-инвестиционной деятельности экономических субъектов. Уточнения и оптимизации требуют вопросы обеспечения стоимостного прироста финансовых ресурсов предприятий в условиях инновационного развития регионов, а также особенности процессов формирования научного знания в современном мироустройстве [11]. Эти проблемы будут определять направления будущих исследований, что позволит в перспективе значительно усовершенствовать процессы инвестиционно-инновационного развития, сделать их адаптируемыми под постоянно меняющиеся организационно-экономические условия хозяйствования.

На основе проведенных исследований нами сформирован механизм инновационно-инвестиционного развития регионов Поволжья, ключевым элементом которого должен стать создаваемый Фонд инновационного развития (рис. 2).

Основными задачами фонда должны стать:

- поддержка изобретателей посредством начальной регистрации новой разработки в целях защиты;
- премия по результатам первичных испытаний;
- субсидирование сертификационных испытаний и вывод продукции на рынок (маркетинг);
- урегулирование правовых вопросов и представительство интересов изобретателей (правообладателей) в судах.

Фонд должен стать связующим звеном между разработчиками, инвесторами, производителями и пользователями инновационной продукции, а финансирование своей деятельности осуществлять за счет авторских отчислений (посредством соавторства) и государственного финансирования.

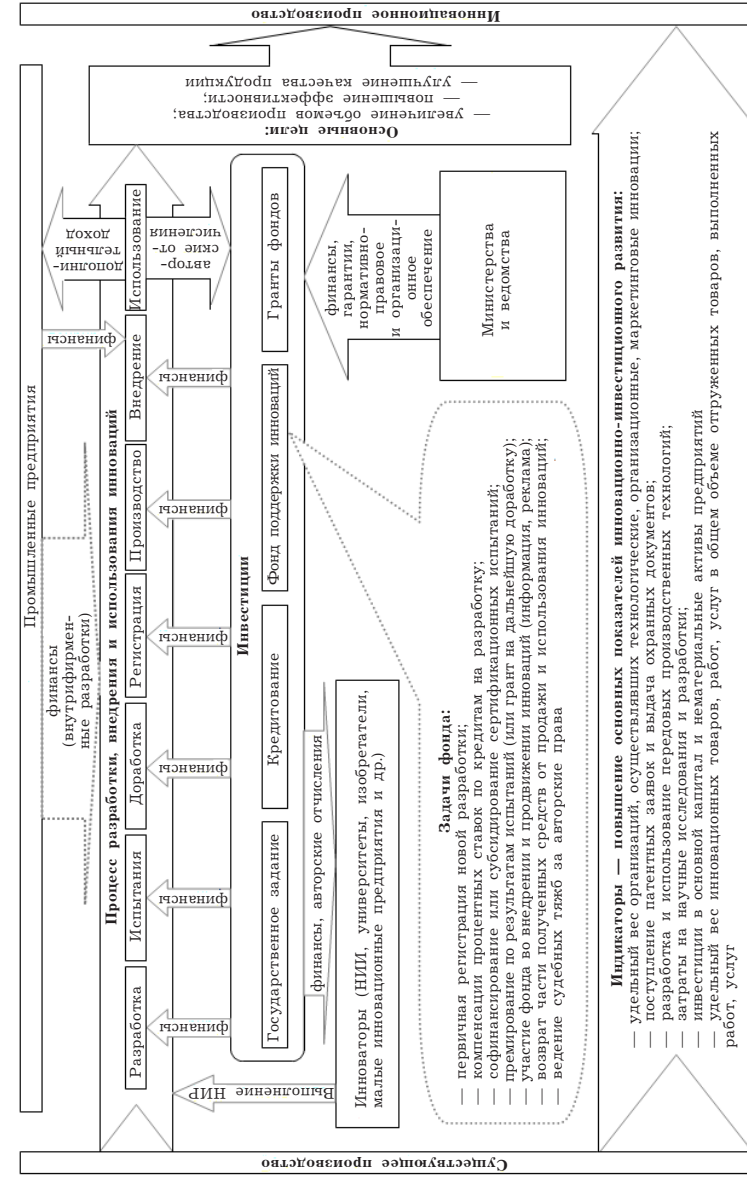

Рис. 2. Перспективный механизм инновационно-инвестиционного развития регионов Поволжья

Обсуждение и заключения. Таким образом, можно отметить, что основные показатели инновационного развития регионов Поволжья за последние годы значительно увеличились, а единственным исключением является инновационная активность организаций, осуществлявших технологические, организационные, маркетинговые инновации, которая в целом по стране немного снизилась. При этом численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками в регионах Поволжья, за последнюю пятилетку потеряла десятую часть, что может свидетельствовать о повышении результативности труда изобретателей. Также значительно увеличились затраты на научные исследования и разработки, инвестиции в основной капитал и нематериальные активы. При этом в инновационной сфере имеется ряд особенностей, сдерживающих изобретательскую деятельность, решение которых возможно только на основе системного подхода посредством совершенствования механизма инновационно-инвестиционного развития. Наряду с тем, вероятно, сегодня требуется реформирование существующей раздельной системы исследований (институтов) и производства (заводов), которая была создана при административно-командной системе, например трансформация системы прикладных научно-исследовательских институтов в структуру отраслевых корпораций с государственным участием подобно существующим в развитых странах крупным технологическим компаниям, успешно совмещающим все фазы — от разработки до реализации готовой технологии. Решение системных проблем отечественной инновационной отрасли позволит увеличить объемы инвестиций в сферу разработок и общий выход инновационных продуктов. Увеличение инновационной составляющей в экономике страны позволит повысить эффективность и конкурентоспособность предприятий и их продукции, что особенно необходимо для выполнения поставленных задач по обеспечению импортозамещения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Кильдюшкина И.Г. Инновационные подходы к развитию экономики на региональном уровне // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2011. № 1. С. 116—124. URL: http://izvuz_on.pnzgu.ru/on15111 (дата обращения: 14.08.2017).

2. Гареева Н.А. Инновационное развитие промышленного предприятия: оценка и перспективы // Креативная экономика. 2016. Т. 10, № 6. С. 651—674. DOI: <https://doi.org/10.18334/ce.10.6.35357>
3. Левчаев П.А. К вопросу построения инновационной модели развития регионов // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2014. № 2. С. 56—63. URL: <http://eee-region.ru/article/3808/?pfstyle=wp> (дата обращения: 15.08.2017).
4. Юркова М.С., Сердобинцев Д.В., Лиховцова Е.А., Котар О.К. Перспективы инвестиционного развития аграрного сектора Поволжья // Аграрный научный журнал. 2017. № 2. С. 94—100. URL: <http://www.sgau.ru/files/pages/846/14960564231.pdf> (дата обращения: 15.08.2017).
5. Метелева М.А. Оценка качества управления инвестиционными процессами в регионе на основе эконометрического моделирования // Вестник БГУ. Экономика и менеджмент. 2017. Вып. 3. С. 26—33. DOI: <https://doi.org/10.18101/2304-4446-2017-3-26-33>
6. Куманеева М.К. Инвестиционные процессы в промышленном регионе: текущее состояние и перспективы активизации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология. 2014. № 6. С. 43—52. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu3.2014.6.5>
7. Лавровский Б.Л., Лузин Р.С. О построении инновационно-инвестиционного рейтинга российских регионов // Пространственная экономика. 2013. № 2. С. 87—102. DOI: <https://doi.org/10.14530/se.2013.2.087-102>
8. Никитюк Л.Г., Нечаев А.С. Создание модели инвестиционно-инновационного механизма управления сферы жилищно-коммунального хозяйства // Налоги и налогообложение. 2013. № 10. С. 774—781. DOI: <https://doi.org/10.7256/1812-8688.2013.10.10120>
9. Санду И., Трошин А. Развитие аграрного сектора экономики Белгородской области на инвестиционно-инновационной основе // Экономика сельского хозяйства России. 2014. № 6. С. 56—61. URL: <http://www.esxr.ru/articles.php?idarticle=462> (дата обращения: 15.08.2017).
10. Porter M.E. On Competition. Boston; Toronto; L.: A Harvard Business Review Book, 1998. 485 с.
11. Левчаев П.А. Особенности мышления и научного познания в современном мироустройстве // Интеграция образования. 2005. № 1/2. С. 84—89. URL: <http://edumag.mrsu.ru/content/pdf/05-1.pdf> (дата обращения: 15.08.2017).

Для цитирования: Сердобинцев Д.В. Основные направления инновационно-инвестиционного развития регионов Поволжья // РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY. 2017. Т. 25, № 4. С. 554—572.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

D. V. Serdobintsev. Main Directions of Innovative and Investment Development of the Volga Regions

Key words: region; current state; directions of development; innovations; investments; Volga Region

Introduction: issues of innovative and investment development of Russia's economy gain greater significance, as determined by the modern policy of import substitution. In the WTO, domestic enterprises and goods have to openly compete with producers from the developed countries, whose competitiveness and efficiency are higher not only because of the close integration of science and production, but also because of the availability of investment resources. At the same time, it can be argued that despite the high frequency of coverage of this issue in the scientific literature, the prospects of innovative and investment development of the country's economy are not fully defined.

Materials and Methods: when preparing the article, the author used materials from the Russian Federal State Statistics Service, scientific works by Russian scientists on the considered topic. The following research methods were used: statistical and economic, monographic, abstract and logical, calculation and structural ones.

Results: the study analyzes the current state of the innovative sphere of the Volga regions. The structure of incoming patent applications and that of the issued titles of protection of intellectual property were considered, as well as the amounts of development and use of the advanced production technologies. The share of organizations carrying out different types of innovation and innovative goods, works, services in the total volume of goods delivered was identified. The dynamics of internal costs and the number of personnel employed in the field of scientific research and development was shown. Investments in fixed capital in the whole country and in the Volga regions were analyzed. The growth of most indicators of innovative development of the Volga regions was identified, which may indicate the success of the measures to achieve import substitution in the sphere of high technology.

Discussion and Conclusions: the conducted study of the practical experience of innovative organizations in the Volga regions made it possible to identify the prospects of development and main problems of the inventive activity. The organizational and economic mechanism of innovative and investment development was elaborated, the implementation of which will allow to increase the investment attractiveness of the sphere of development and volume of production of innovative products.

REFERENCES

1. Kildyushkina I.G. [Innovative Approaches to Economic Development at the Regional Level]. *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Obshhestvennye nauki* = University Proceedings. Volga Region. Social Sciences. 2011; 1:116—124. Available at: http://izvuz_on.pnzgu.ru/on15111 (accessed 14.08.2017). (In Russ.)
2. Gareeva N.A. [Innovative Development of an Industrial Company: Evaluation and Prospects]. *Kreativnaja jekonomika* = Creative Economy. 2016. 6(10):651—674. DOI: <https://doi.org/10.18334/ce.10.6.35357>
3. Levchaev P.A. [The Aspects of Construction Innovations Model Economy in the Regions]. *Regional'naja jekonomika i upravlenie: jelektronnyj nauchnyj zhurnal* = Regional Economy and Management: Electronic Scientific Journal. 2014; 2:56—63. Available at: <http://eee-region.ru/article/3808/?pfstyle=wp> (accessed 15.08.2017). (In Russ.)
4. Yurkova M.S., Serdobintsev D.V., Likhovtsova E.A., Kotar O.K. [Prospects of Innovative Development in Agriculture in the Volga Region]. *Agrarnyj nauchnyj zhurnal* = The Agrarian Scientific Journal. 2017; 2:94—100. Available at: <http://www.sgau.ru/files/pages/846/14960564231.pdf> (accessed 15.08.2017). (In Russ.)
5. Meteleva M.A. [Quality Evaluation of Investment Process Management in the Region Based on Econometric Modeling]. *Vestnik BGU. Jekonomika i menedzhment* = Bulletin of the Buryat State University. Economics and management. 2017; 3:26—33. DOI: <https://doi.org/10.18101/2304-4446-2017-3-26-33>
6. Kumaneeva M.K. [Investment Processes in the Industrial Region: Current Status and Prospects of Enhancing]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 3: Jekonomika. Jekologija* = Science Journal of Volgograd State University. Global Economic System. 2014; 6:43—52. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu3.2014.6.5>
7. Lavrovsky B.L., Luzin R.S. [About the Creating of the Innovative-Investment Rating of Russian Regions]. *Prostranstvennaya Jekonomika* = Spatial Economics. 2013; 2:87—102. DOI: <https://doi.org/10.14530/se.2013.2.087-102>
8. Nikityk L.G., Nechaev A.S. [Creation of Model of the Investment and Innovative Mechanism of Management of the Sphere of Housing and Communal Services]. *Nalogi i nalogooblozhenie* = Taxes and Taxation. 2013; 10:774—781. DOI: <https://doi.org/10.7256/1812-8688.2013.10.10120>
9. Sandu I., Troshin A. [Investment and Innovation Based Development of the Agrarian Sector of Economy in the Belgorod Region]. *Jekonomika sel'skogo hozjajstva Rossii* = Economics of Russian Agriculture. 2014; 6:56—61. Available at: <http://www.esxr.ru/articles.php?idarticle=462> (accessed 15.08.2017). (In Russ.)
10. Porter M.E. On Competition. Boston; Toronto; London: A Harvard Business Review Book, 1998. 485 c.
11. Levchaev P.A. [Peculiarities of thinking and scientific cognition in the world today]. *Integratsiya obrazovaniya* = Integration of Education. 2005;

1/2:84—89. Available at: <http://edumag.mrsu.ru/content/pdf/05-1.pdf> (accessed 15.08.2017). (In Russ.)

About the author:

Dmitry V. Serdobintsev, Candidate of Economic Sciences, Head of the Sector for Development of Integration and Cooperation, Volga Scientific Research Institute of Economics and Organization of Agroindustrial Complex (12 Shekhurdina St., Saratov, 410010, Russia) (*e-mail*: dvss@bk.ru). ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4023-3143>. Researcher ID E-4289-2014

For citation: Serdobintsev D.V. Main Directions of Innovative and Investment Development of the Volga Regions. *REGIONOLOGIYA* = REGIONOLOGY. 2017; 4(25):554—572.

The author have read and approved the final manuscript.

Поступила/Submitted 06.09.2017.

СОЦИОЛОГИЯ РЕГИОНА / SOCIOLOGY OF A REGION

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407, eISSN 2587-8549

УДК 379.8-053.2

С. В. САРАЙКИНА, СОЦИАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ
Н. А. ЕМЕЛЬЯНОВА, ДЕТСКОГО ТУРИЗМА
Н. Е. НЕХАЕВА В РЕГИОНЕ

Ключевые слова: регион; детский туризм; социальное значение детского туризма; формы детского туризма; детские оздоровительные лагеря; безопасность детского туризма

Введение: детский туризм является одним из важных видов туризма в российских регионах, в частности в Республике Мордовия, так как представляет собой эффективную технологию, способствующую формированию здорового образа жизни ребенка, развитию его духовно-нравственных качеств и интеллектуальных способностей, активной жизненной позиции, что подчеркивает социальное значение детского туризма. Несмотря на важность детского туризма как туризма социального, достаточно проработанной научной основы для него нет, хотя ученые предпринимали попытки сформулировать это понятие, выявить его сущность и функции, отразить социальное значение.

Материалы и методы: исследование проводилось на основе архивных материалов, отчетов профсоюзов разных лет, библиографических источников, статистических данных и интернет-ресурсов, относящихся к Республике Мордовия. Методами исследования послужили: анализ, синтез, обобщение, исторический и статистический методы, контент-анализ, наблюдение.

САРАЙКИНА Светлана Васильевна, доцент кафедры туризма Национального исследовательского Мордовского государственного университета, кандидат географических наук (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68) (*e-mail*: ssarajjkina@rambler.ru). ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8050-8992>

ЕМЕЛЬЯНОВА Наталья Александровна, доцент кафедры туризма Национального исследовательского Мордовского государственного университета, кандидат географических наук (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68) (*e-mail*: emelyanova-nata@yandex.ru). ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4598-1028>

НЕХАЕВА Наталья Евгеньевна, доцент кафедры туризма Национального исследовательского Мордовского государственного университета, кандидат географических наук (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68) (*e-mail*: nne@bk.ru). ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1487-8837>

© Сарайкина С. В., Емельянова Н. А., Нехаева Н. Е., 2017

Результаты исследования: в статье изучена проблема недостатка научной разработки детского туризма как социальной категории. Охарактеризованы основные формы детского туризма (спортивная самодеятельная, образовательная, оздоровительная, экскурсионно-познавательная), выявлено его социальное значение. Рассмотрены исторические аспекты развития некоторых форм детского туризма в Республике Мордовия.

Обсуждение и заключения: в целом в Республике Мордовия в настоящее время сложились благоприятные условия для развития детского туризма. Его социальное значение подтверждается государственной поддержкой и активной социальной политикой в сфере обеспечения безопасности и полноценного отдыха детей.

Введение. Детский туризм — это особый вид туризма в России. Он получил развитие еще в ранний период становления Советского Союза и во многом обязан деятельности профсоюзных организаций, которые были призваны выполнять социальные функции.

Детский туризм способствует разностороннему воспитанию и развитию личности ребенка. Различные экскурсионные программы, поездки и походы способствуют расширению кругозора детей, развивают их наблюдательность, самодисциплину и коммуникабельность, восприятие красоты окружающего мира. Кроме того, детский туризм способствует формированию здорового образа жизни детей, что подчеркивает социальное значение детского туризма.

Социальное значение детского туризма состоит и в том, что он охватывает такие виды общественной деятельности, как образование, воспитание, спорт и оздоровление. Все эти важные социальные категории развития поддерживаются различными федеральными целевыми программами, особенно в отношении детей¹.

Детский туризм — наиболее массовый вид современного туризма социальной направленности, основанный на взаимосвязи образовательной, воспитательной и оздоровительной функций и нравственного и физического развития детей.

¹ См., напр.: Постановление Правительства Российской Федерации «О федеральной целевой программе развития образования на 2016—2020 годы» от 23 мая 2015 г. № 497 // Информ.-прав. обеспечение ГАРАНТ (дата обращения: 03.04.2017); Постановление Правительства Российской Федерации «О федеральной целевой программе “Развитие физической культуры и спорта в Российской Федерации на 2016—2020 годы”» от 21 янв. 2015 г. № 30 // Там же.

Обзор литературы. Детский туризм как социально значимое направление внутреннего туризма регулируется в России федеральными и региональными правовыми документами. С учетом социального значения детского туризма в Российской Федерации принимаются различные государственные стандарты и требования по организации детского отдыха².

Главным документом, обращающим внимание на детский отдых в России, является Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ. Он определяет принципы государственной политики, направленной на установление правовых основ единого туристского рынка в Российской Федерации, и регулирует отношения, возникающие при реализации права граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства на отдых, свободу передвижения и иных прав при совершении путешествий, а также устанавливает порядок рационального использования туристских ресурсов страны³.

Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования государственного регулирования организации отдыха и оздоровления детей» от 28 декабря 2016 г. № 465-ФЗ закрепляет права детей на отдых и оздоровление, а также обращает внимание на охрану их жизни и здоровья⁴.

В соответствии с Федеральным законом «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ вопросы организации отдыха и оздоровления детей лежат в сфере государственной ответ-

² См.: Национальный стандарт Российской Федерации ГОСТ Р 54605-2011 «Туристские услуги. Услуги детского и юношеского туризма. Общие требования» (утв. приказом Федер. агентства по тех. регулированию и метрологии от 8 дек. 2011 г. № 739-ст) // Информ.-прав. обеспечение ГАРАНТ (дата обращения: 08.04.2017); Национальный стандарт Российской Федерации ГОСТ Р 52887-2007 «Услуги детям в учреждениях отдыха и оздоровления» (утв. и введен в действие приказом Федер. агентства по тех. регулированию и метрологии от 27 дек. 2007 г. № 565-ст) // Там же.

³ См.: Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» от 24 нояб. 1996 г. № 132-ФЗ // Там же.

⁴ См.: Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования государственного регулирования организации отдыха и оздоровления детей» от 28 дек. 2016 г. № 465-ФЗ // Там же.

ственности⁵. В Федеральном законе «Об общих принципах организации законодательных и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» от 6 октября 1999 г. № 184 определены полномочия субъектов Российской Федерации в этих вопросах⁶. В соответствии со ст. 15 Федерального закона «Об общих принципах местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 г. № 131 с 2006 г. организация отдыха и оздоровления детей в период их каникул отнесена к компетенции местного самоуправления⁷.

Таким образом, согласно российскому законодательству, в настоящее время организация отдыха и оздоровления детей осуществляется на трех уровнях: федеральном, региональном и муниципальном.

Несмотря на важность детского туризма как туризма социального, достаточно проработанной основы для него нет. Отдельные авторы (А. Каноса и А. Грэхем [1], А. М. Ветитнев и Е. В. Оргина⁸, Л. А. Любимова [2], О. М. Голикова [3—4], Ю. В. Золотарева [5], М. Г. Аюпян с соавторами [6] и др.) предпринимают попытки сформулировать понятие детского туризма, выявить его сущность и функции, отразить его социальное значение для общества. А. Д. Чудновский и его соавторы дали классификацию видов детского туризма и показали особенности его организации⁹.

Характеризуя социальную значимость детского туризма, следует обратить внимание на мнение О. М. Голиковой, которая считает, что для развития детского туризма в России уместно разработать целевую федеральную и региональные

⁵ См.: Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ // Информ.-прав. обеспечение ГАРАНТ (дата обращения: 08.04.2017).

⁶ См.: Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» от 6 окт. 1999 г. № 184 // Там же.

⁷ См.: Федеральный закон «Об общих принципах местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 окт. 2003 г. № 131 // Там же.

⁸ См.: Ветитнев А.М., Оргина Е.В. Управление рынком детского оздоровительного туризма. М.: ИНФРА-М, 2012. 138 с.

⁹ См.: Чудновский А.Д., Жукова М.А., Кормишова А.В. Теория и методология социально-экономических исследований в туристской индустрии: учеб. пособие. М.: КНОРУС, 2016. С. 424—445.

программы развития детско-юношеского и молодежного туризма, соотносящиеся с программой развития туризма в стране, а также включить вопросы развития туристско-краеведческой, экскурсионной деятельности, организации летнего отдыха детей в федеральные и региональные программы развития образования [4].

Что касается самого понятия «детский туризм», то в настоящее время в научных работах существуют различные подходы к его определению. По мнению А. Н. Косых, под детским туризмом понимается разновидность социального туризма, который основан на пребывании детей в лагерях во время отдыха¹⁰. Е. А. Маслакова характеризует детский туризм как вид туризма, в котором потребителями основных услуг являются дети. Они отправляются в поездки с различными социальными целями (отдых, оздоровление и т. д.), но обязательно в сопровождении взрослых (руководителей групп, инструкторов или проводников)¹¹.

Ведутся исследования проблем и перспектив развития детского туризма в отдельных регионах¹². Характеризуя особенности детского туризма Республики Мордовия, нужно сказать о том, что исследований в этой сфере никогда не проводилось (за исключением детских оздоровительных лагерей республики), но эти работы относятся к 50-м гг. XX в.¹³ Добавим, что в первой половине XX в. на территории Мордовии появились первые пионерские лагеря. В это время накапливался опыт в сфере туризма и проведения

¹⁰ См.: Косых А.Н. Развитие системы детского социального туризма (на примере Омской области): дис. ... канд. экон. наук. М., 2006. 128 с.

¹¹ См.: Маслакова Е.А. Управление развитием детского туризма в новых экономических условиях хозяйствования: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2009. 25 с.

¹² См., напр.: Гриб О.А., Плисова С.Ю., Шевченко В.Н. Детский и юношеский туризм в Белгородской области // Туризм в современном мире: направления и тенденции развития: материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 10-летию кафедры «Социально-культурный сервис и туризм», 28—29 марта 2013 г. / под ред. В.А. Чернова. Хабаровск: ДВГУПС, 2013. С. 52—57; Середа Н.Д., Лабутина Ю.В. Детский туризм в Вологодской области: проблемы и перспективы // География и туризм: сб. науч. тр. / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2011. С. 138—161.

¹³ См.: Паксютов А.Г. Пионеры Мордовии: к истории развития пионерской организации. Саранск, 1956. 72 с.; Киселев А.Л. Социалистическая культура Мордовии. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1959. 320 с.

экскурсий, поиска организационных форм работы туристских сообществ и методов управления детско-юношеским туризмом в регионе.

Материалы и методы. Исследование проводилось на основе архивных материалов, отчетов профсоюзных организаций разных лет, библиографических источников, данных статистики и интернет-источников, которые относятся к Республике Мордовия. С помощью анализа и обобщения различных источников информации не только выявлены основные формы проявления и развития детского туризма на территории этого региона, но и показана его социальная значимость. Методами исследования послужили: анализ, синтез, обобщение, исторический и статистический методы, контент-анализ, наблюдение.

Результаты исследования. Детский туризм в Республике Мордовия реализуется в следующих формах: спортивной, самодетельной, образовательной, оздоровительной, экскурсионно-познавательной.

Спортивная самодетельная форма детского туризма получила развитие в регионе в конце 50-х гг. XX в. В 1958 г. в г. Саранске была создана Мордовская детская экскурсионно-туристская станция, при которой была сформирована летняя экскурсионно-туристская база на 40 мест. На базе размещались дети, приехавшие на экскурсию в г. Саранск. За долгие годы на станции было проведено множество различных мероприятий: туристские слеты, слеты юных краеведов и этнографов, учебно-тренировочные сборы для учащихся и учителей, конкурсы и соревнования по спортивному детскому туризму. В 2009 г. станция юных туристов была реорганизована, а основные функции по организации детского спортивного туризма были переданы Республиканскому центру дополнительного образования детей. В настоящее время организация и проведение различных мероприятий туристско-краеведческой направленности для детей входит в одну из его задач¹⁴.

Спортивный самодетельный детский туризм развивается и на базе туристских кружков, которые действуют в общеобразовательных школах в муниципальных районах

¹⁴ См.: История создания Мордовской детской экскурсионно-туристской станции. URL: <http://cdod.edurm.ru/index.php/ocentre/istoriya> (дата обращения: 17.04.2017).

республики и г. Саранске. Благодаря кружкам дети могут ходить в походы, бывать на экскурсиях, участвовать в соревнованиях.

Характеризуя соревновательную часть работы Республиканского центра дополнительного образования детей и туристских кружков, можно отметить, что с каждым годом спортивные дистанции усложняются и внедряются новые разновидности туристско-оздоровительных и приключенческих технологий. Увеличивается и число участников соревнований: если в 2009 г. в республиканских соревнованиях участвовало 8 команд, то в 2016 г. зарегистрирована 21 команда из 16 муниципальных районов республики¹⁵.

В настоящее время форма спортивного самодетельного детского туризма реализуется только как туристско-краеведческое направление. Более активно развивается спортивный детский туризм, тогда как самодетельный не получает должного развития. Это связано с тем, что утрачен опыт подготовки профессиональных инструкторов туристских походов и отсутствует полноценное финансирование детских туристских организаций.

Работу по развитию детского самодетельного туризма ведет Дворец детского творчества г. Саранска. В 2016 г. в организованных им туристско-краеведческих лагерях «Школа приключений» отдохнули 150 подростков. Программа школы включает многодневный поход, размещение в стационарном полевом лагере, обучение основам туристской техники¹⁶.

Особое место в организации детского спортивного туризма занимают школы. В этом плане следует отметить среднюю школу № 8 г. Саранска, где с 2002 г. работает клуб «Юный патриот». Школьники совершают туристские походы, а также участвуют в соревнованиях по спортивному ориентированию и выживанию в природной среде¹⁷.

¹⁵ См.: Мониторинги участия образовательных учреждений в республиканских мероприятиях ГБДОПМ «Республиканский центр дополнительного образования детей» с 2012 по 2017 учебные годы. URL: <http://cdod.edurm.ru/index.php/monitoring> (дата обращения: 18.04.2017).

¹⁶ См.: Емельянова Н.А., Жулина М.А., Карасев А.С. и др. Территориальная организация туризма в Республике Мордовия: моногр. / под общ. ред. М.А. Жулиной. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2017. С. 119.

¹⁷ См.: Официальный сайт МОУ «Средняя школа № 8». URL: <http://sc8sar.schoolrm.ru/> (дата обращения: 18.04.2017).

Образовательная форма детского туризма в Мордовии реализуется на основе военно-спортивного лагеря «Движение юных патриотов», летних палаточных лагерей «Школа выживания» для трудных подростков¹⁸.

Республика Мордовия относится к финно-угорским регионам. В связи с этим актуальна работа с подрастающим поколением, которая проводится в рамках организации детских этнокультурных образовательных лагерей. Это позволяет развивать творческий потенциал детей, содействовать формированию культуры межнационального общения и толерантного сознания, вызывать интерес к традициям и культуре не только своего народа, но и других народов России [7, с. 38].

Министерство образования Республики Мордовия ежегодно с 2009 г. для победителей и призеров межрегиональных и республиканских олимпиад по мордовским и татарскому языкам и литературе проводит межрегиональные образовательно-оздоровительные этнокультурные лагерные смены «Живи, родной язык!» на базе детских оздоровительных лагерей «Орленок» Ичалковского района, «Сивинь» Краснослободского района, санатория «Алатырь» Ичалковского района Мордовии [7, с. 39]. В этнокультурных лагерных сменах отдыхают учащиеся из Мордовии, Удмуртии, Карелии, Марий Эл, Башкортостана и др. Программа лагеря включает процесс обучения, культурно-досуговую деятельность. Главная цель мероприятий — сохранение языка и культуры народов Республики Мордовия и других регионов России.

Экологическое направление детского образовательного туризма реализуется в летних экологических сборах «Сура» на базе биостанции Национального исследовательского Мордовского государственного университета, в экологических лагерях-экспедициях «Алатырские дали» на территории Государственного национального парка «Смольный». В экспедиции принимают участие учащиеся и педагоги школ, члены детского экологического общества «Зеленый мир» г. Саранска. В задачи экспедиций входит знакомство с ос-

¹⁸ См.: В Мордовии для подростков организована «Школа выживания». URL: http://www.fsin.su/news/index.php?ELEMENT_ID=202574 (дата обращения: 18.04.2017); В военно-спортивных играх закаляется характер молодых патриотов. URL: <http://pfo.gov.ru/press/events/79956/> (дата обращения: 18.04.2017).

новными типами сообществ живых организмов парка, обмен идеями, опытом работы, методиками учебно-исследовательской и проектной деятельности.

Научно-техническое направление детского образовательного туризма реализуется в лагерных сменах «Юный Кулибин», где школьники занимаются научно-техническим творчеством, программированием и робототехникой, разрабатывают личные и групповые проекты. Такие смены проводятся ежегодно на базе детских лагерей Республики Мордовия.

Широкую реализацию в республике находит *оздоровительная форма детского туризма*, в которой ярко прослеживается его социальная значимость. Такая форма детского туризма одна из самых популярных в регионе.

До 1925 г. дети (пионеры) Мордовии уже могли бывать в сезонных лагерях, которые открывались Российским коммунистическим союзом молодежи. В Саровском совхозе для пионеров Саранского уезда действовал постоянный лагерь санаторного типа, где отдыхало 150 детей. В 1934 г. недалеко от ст. Хованщина Рузаевского района был открыт Детский оздоровительный лагерь им. В. Дубинина, действующий поныне. Это был первый детский лагерь, организованный профсоюзной организацией Куйбышевской железной дороги, где летом отдыхали дети работников железнодорожного транспорта из Мордовии, Самарской, Пензенской областей и других регионов¹⁹.

Пик популярности детского оздоровительного туризма в Мордовии пришелся на вторую половину XX в. К этому моменту на территории региона осуществляло свою деятельность более 30 детских оздоровительных лагерей. Этот вид туризма относился к социальному и полностью финансировался государством или предприятиями и учреждениями, на базе которых они состояли. В начале 1990-х гг. из-за перестройки экономической системы хозяйствования государственная поддержка детского летнего отдыха почти прекратилась, что привело к сокращению количества детских оздоровительных лагерей и отдыхающих в них детей²⁰.

По данным Территориального органа государственной статистики по Республике Мордовия, в регионе в 2016 г.

¹⁹ См.: Паксютов А.Г. Пионеры Мордовии ...

²⁰ См.: Емельянова Н.А., Жулина М.А., Карасев А.С. и др. Территориальная организация туризма в Республике Мордовия. С. 45—50.

работало 17 стационарных летних оздоровительных лагерей, из них 10 муниципальных и государственных, 7 частных (коммерческих)²¹.

Программа отдыха детей разнообразна и включает мероприятия по спортивной, творческой и научной тематике, а также экскурсионные программы в музеи, на промышленные и сельскохозяйственные предприятия республики. Детский отдых в лагерях Мордовии в целом носит сезонный характер. Наибольшее количество детских оздоровительных лагерей расположено в Кочкуровском и Краснослободском районах региона, которые имеют необходимую инфраструктуру. Каждый лагерь находится в живописном месте с хорошей транспортной доступностью, непосредственно в лесных массивах или близко от них.

Кроме детских оздоровительных лагерей, для детей работают санатории «Мокша», «Алатырь», «Саранский» и «Лесная сказка», в которых детям летом можно отдохнуть и поправить здоровье²².

Экскурсионно-познавательная форма детского туризма имеет давнюю традицию. Еще с 1960-х гг. стали пользоваться популярностью экскурсии на предприятия промышленности и сельского хозяйства. В последние годы активность проявляют промышленные предприятия Мордовии, предлагающие тематические экскурсионные программы для детей²³.

Детские лагеря имеют возможность использовать туристский потенциал городов и поселков муниципальных районов республики, на территории которых они расположены, для реализации экскурсионных программ. Например, можно посетить города Мордовии (Ковылкино, Темников и др.) и осмотреть их достопримечательности.

В республике большое количество религиозных объектов, некоторые из них открыты для проведения школьных

²¹ См.: Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Мордовия. URL: <http://mrd.gks.ru/> (дата обращения: 13.04.2017).

²² См.: Емельянова Н.А., Жулина М.А., Карасев А.С. и др. Территориальная организация туризма в Республике Мордовия. С. 119.

²³ См.: Жулина М.А., Нехаева Н.Е., Емельянова Н.А. и др. Перспективные направления развития туризма в Республике Мордовия // Природно-социально-производственные системы регионов компактного проживания финно-угорских народов: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. В.Н. Масляева. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2012. С. 51—59.

экскурсий. Туристско-информационный центр Республики Мордовия реализует экскурсионные программы «Святыни Мордовского края» и «Край колокольного звона», в ходе которых школьники могут познакомиться с духовной культурой Мордовии и уникальными религиозными объектами²⁴.

Организация детского туризма является сложной задачей и требует высокой степени ответственности. В первую очередь предъявляются строгие требования к транспорту, основанные на правилах перевозки организованных групп детей. Эти правила утверждены Постановлением Правительства Российской Федерации «Об утверждении Правил организованной перевозки группы детей автобусами» от 17 декабря 2013 г. № 1177²⁵.

Важно, что при организации детского туризма учитываются психологические особенности детей разного возраста, так как от этого зависят качество их отдыха, активная и эффективная организация детского туризма как в регионе, так и в стране в целом.

В настоящее время в России реализуется Национальная программа детского туризма. Одним из ее направлений является экскурсионная деятельность. Наибольшей популярностью пользуются различные экскурсионные программы. В рамках этого направления школьники Республики Мордовии посещают уникальные города и достопримечательности России. О социальной ориентации этого проекта говорит тот факт, что все экскурсионные программы финансируются за счет государства²⁶.

Обсуждение и заключения. В целом в Республике Мордовия для развития детского туризма сложились благоприятные условия. В регионе действуют различные объекты культурно-познавательного туризма, работают детские оздоровительные лагеря и санатории, имеются хорошая транспортная доступность до мест отдыха и относительно благоприятная

²⁴ См.: Официальный сайт Туристско-информационного центра Республики Мордовия. URL: <http://turizmrm.ru> (дата обращения: 17.04.2017).

²⁵ См.: Постановление Правительства Российской Федерации «Об утверждении Правил организованной перевозки группы детей автобусами» от 17 дек. 2013 г. № 1177 // Информ.-прав. обеспечение ГАРАНТ (дата обращения: 08.04.2017).

²⁶ См.: Национальная программа развития детского туризма. URL: https://kanikuli.ru/articles/gosudarstvennaya_programma_po_razvitiu_detskogo_turizma (дата обращения: 17.04.2017).

экологическая среда. Есть профессиональные и опытные кадры вожатых и тренеров, педагогов, региональные власти заинтересованы в социальном значении детского туризма. Перспективы его активного развития во многом зависят от стабильной социально-экономической ситуации как в регионе, так и стране в целом. Все, кто задействован в организации и реализации детского туризма региона, должен решать проблему поиска эффективных методов организации, продвижения и управления детским туризмом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Canosa A., Graham A. Ethical tourism Research Involving Children // *Annals of Tourism Research*. 2016. Vol. 61. Pp. 219—221. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.annals.2016.07.006>
2. Любимова Л.А. Специфика организации детского туризма // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Естественные и технические науки*. 2014. № 1. С. 256—257. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-organizatsii-detskogo-turizma> (дата обращения: 13.02.2017).
3. Голикова О.М. Особенности сервисного пространства в детском туризме // *Сервис в России и за рубежом*. 2014. № 3. С. 35—43. URL: http://electronic-journal.rguts.ru/index.php?do=cat&category=2014_3 (дата обращения: 13.02.2017).
4. Голикова О.М. Детский туризм в России: рекомендации для развития // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2016. № 5-4. С. 681. URL: <https://applied-research.ru/pdf/2016/5-4/9496.pdf> (дата обращения: 13.02.2017).
5. Золотарева Ю.В. Организация детского туризма в странах Западной Европы // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2016. № 10-3. С. 463—467. URL: <http://www.applied-research.ru/pdf/2016/10-3/10370.pdf> (дата обращения: 13.02.2017).
6. Акопян М.Г., Олехнович С.А., Федотова В.Н. Анализ состояния и перспективы развития отрасли детского туризма в Российской Федерации // *Вестник Омского университета. Серия: Экономика*. 2016. № 2. С. 120—127. URL: http://journal.omco.ru/ru/archive/doc/2016_02.pdf (дата обращения: 13.02.2017).
7. Нехаева Н.Е. Опыт проведения летних детских финно-угорских лагерей России // *РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY*. 2014. № 3. С. 37—42. URL: <http://regionsar.ru/ru/node/1287> (дата обращения: 18.02.2017).

Заявленный вклад авторов:

САРАЙКИНА Светлана Васильевна — научное руководство, инициация исследования, анализ исследовательских материалов, подготовка первоначального варианта текста статьи.

ЕМЕЛЬЯНОВА Наталья Александровна — анализ нормативно-правовой базы, доработка текста статьи.

НЕХАЕВА Наталья Евгеньевна — описание методологии исследования, формулирование выводов.

Для цитирования: Сарайкина С.В., Емельянова Н.А., Нехаева Н.Е. Социальное значение детского туризма в регионе // *РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY*. 2017. Т. 25, № 4. С. 573—587.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

S. V. Saraykina, N. A. Emelyanova, N. E. Nekhaeva. Social Importance of Children's Tourism in a Region

Key words: region; children's tourism; social importance of children's tourism; forms of children's tourism; children's health camps; safety of children's tourism

Introduction: children's tourism is an important type of tourism in the Russian regions, in particular in the Republic of Mordovia, as it is an effective technology, contributing to healthy lifestyle of a child, to development of their spiritual and moral qualities and intellectual abilities, active stand in life, which emphasizes the social importance of children's tourism. Despite the importance of children's tourism as a kind of social tourism, there is no thoroughly examined scientific basis for it, although scientists have attempted to formulate the concept of children's tourism, to identify its nature and functions and to show its social importance.

Materials and Methods: the study was conducted on the basis of archival materials, reports of trade unions in different years, bibliographic sources, statistical data and Internet resources related to the Republic of Mordovia. The methods of the study were: analysis, synthesis, generalization, historical and statistical methods, content analysis and observation.

Results: the article considers the issue of the lack of scientific development of children's tourism as a social category. The main forms of children's tourism were characterized (amateur sports, educational, health-improving, excursion and cognition ones), its social importance was revealed. The historical aspects of the development of some forms of child tourism in the Republic of Mordovia were considered.

Discussion and Conclusions: currently, the conditions for the development of children's tourism in the Republic of Mordovia are favorable. Its social significance is confirmed by the state support and active social policy in the sphere of security and full-fledged children's recreation.

REFERENCES

1. Canosa A., Graham A. Ethical Tourism Research Involving Children. *Annals of Tourism Research*. 2016; 61:219—221. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.annals.2016.07.006>
2. Lyubimova L.A. [Specifics of Children's Tourism Organization]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Serija: Estestvennye i tehniczeskie nauki* = Tambov University Reports. Series Natural and Technical Sciences. 2014; 1:256—257. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-organizatsii-detsko-go-turizma> (accessed 13.02.2017). (In Russ.)
3. Golikova O.M. [Peculiarities of Tourism-for-Children Service Environment]. *Servis v Rossii i za rubezhom* = Services in Russia and Abroad. 2014; 3:35—43. Available at: http://electronic-journal.rguts.ru/index.php?do=cat&category=2014_3 (accessed 13.02.2017). (In Russ.)
4. Golikova O.M. [Children's tourism in Russia: recommendations for development]. *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamentalnykh issledovaniy* = International Journal of Applied and Fundamental Research. 2016; 5-4:681. Available at: <https://applied-research.ru/pdf/2016/5-4/9496.pdf> (accessed 13.02.2017). (In Russ.)
5. Zolotareva Yu.V. [The Organization of Children's Tourism in Countries of Western Europe]. *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamentalnykh issledovaniy* = International Journal of Applied and Fundamental Research. 2016; 10-3:463—467. Available at: <http://www.applied-research.ru/pdf/2016/10-3/10370.pdf> (accessed 13.02.2017). (In Russ.)
6. Akopyan M.G., Olekhovich S.A., Fedotova V.N. [Analysis and Perspectives of the Development of Industry of Children's Tourism in the Russian Federation]. *Vestnik Omskogo universiteta. Serija: Jekonomika* = Herald of Omsk University. Series "Economics". 2016; 2:120—127. Available at: http://journal.omeco.ru/ru/archive/doc/2016_02.pdf (accessed 13.02.2017). (In Russ.)
7. Nekhaeva N.E. [Experience of Arrangement of Summer Children's Finno-Ugric Camps in Russia]. *REGIONOLOGIYA* = REGIONOLOGY. 2014; 3:37—42. Available at: <http://regionsar.ru/ru/node/1287> (accessed 18.02.2017). (In Russ.)

Contribution of the authors:

Svetlana V. Saraykina — academic advising, initiation of research, analysis of research materials, writing the initial version of the article.

Natalia A. Emelyanova — analysis of the legal framework, revision of the text of the article.

Natalia E. Nekhaeva — description of the research methodology, drawing conclusions.

About the authors:

Svetlana V. Saraykina, Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor at the Department of Tourism, National Research Mordovia

State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk, 430005, Russia) (*e-mail*: ssarajjkina@rambler.ru). ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8050-8992>

Natalia A. Emelyanova, Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor at the Department of Tourism, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk, 430005, Russia) (*e-mail*: emelyanova-nata@yandex.ru). ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4598-1028>

Natalia E. Nekhaeva, Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor at the Department of Tourism, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk, 430005, Russia) (*e-mail*: nne@bk.ru). ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1487-8837>

For citation: Saraykina S.V., Emelyanova N.A., Nekhaeva N.E. Social Importance of Children's Tourism in a Region. *REGIONOLOGIYA* = REGIONOLOGY. 2017; 4(25):573—587.

All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила/Submitted 10.07.2017.

**М. А. ГОЛОВЧИН, СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ
Т. С. СОЛОВЬЕВА УЧИТЕЛЕЙ В ПЕРИОД РЕФОРМ
В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ
(НА ПРИМЕРЕ г. ВОЛОГДЫ)**

Ключевые слова: регион; учителя; социальное самочувствие; материальное благополучие; реформы; самоидентификация

Введение: учителя в России традиционно являются одной из наиболее уязвимых социально-профессиональных групп населения. В связи с этим исследования социального самочувствия педагогов — одно из актуальных научных направлений, так как социальное положение и психологическое самочувствие учителей во многом определяет качество образования.

Материалы и методы: в статье на примере г. Вологды представлены результаты третьей волны мониторинга (2017 г.) экономического положения и социального самочувствия педагогов Вологодской области, проводимого Федеральным государственным учреждением науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» (до августа 2017 г. — Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук) с 2011 г. при непосредственном участии авторов. Для интерпретации полученных данных использовались методы анализа, синтеза и сравнения.

Результаты исследования: анализ социального самочувствия педагогов школ г. Вологды в период реформ в образовании (2010—2017 гг.) позволил выявить тенденции ухудшения социального настроения учителей и показателей самоидентификации, снижение покупательной способности, заработной платы и доверия к проводимой образовательной политике. В то же время сократилась доля педагогов, желающих оставить работу в школе ради работы в другой сфере. Учителя стали более уверенно говорить, что их труд приносит пользу обществу. В статье обозначены основные направления, способствующие улучшению показателей социального самочувствия педагогов.

ГОЛОВЧИН Максим Александрович, старший научный сотрудник Федерального государственного учреждения науки «Вологодский научный центр Российской академии наук», кандидат экономических наук (160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а) (*e-mail*: mag82@mail.ru). ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7813-5170>. Researcher ID: N-1706-2015.

СОЛОВЬЕВА Татьяна Сергеевна, младший научный сотрудник Федерального государственного учреждения науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» (160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а) (*e-mail*: solo_86@list.ru). ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1770-7566>. Researcher ID: I-8418-2016.

Обсуждение и заключения: исследование показало, что при определенных положительных моментах сохраняются негативные тенденции в социальном самочувствии учителей. Этот вывод подтверждается другими региональными и общероссийскими исследованиями, что говорит о необходимости корректировки современной образовательной политики в направлении повышения социального статуса и престижа учительской профессии, а также уровня жизни педагогов.

Введение. Система образования в России находится в состоянии постоянного реформирования. В 2000-х гг. произошли значительные перемены в системе общего образования, связанные с переходом на единую итоговую аттестацию выпускников, введением профильного обучения, внедрением федеральных государственных образовательных стандартов и профессиональных стандартов педагога, переходом на новую систему оплаты труда и эффективные контракты и т. д. Все изменения в той или иной степени затрагивают непосредственных участников образовательного процесса, в том числе учителей, от работы которых напрямую зависит качество образования.

Неслучайно в последние годы этот вопрос все чаще обсуждается на самом высоком уровне. Президент России В. В. Путин на заседании Госсовета по вопросам совершенствования системы общего образования в 2015 г. отметил, что «во все времена в основе качественного школьного образования лежала работа учителя. Сегодня требования к этой профессии многократно возрастают. Создание достойной мотивации учителей, условий для их постоянного самосовершенствования и повышения квалификации сегодня становится ключевым фактором развития всей системы общего образования»¹.

Успешность реформ в общем образовании во многом определяется готовностью педагогов принять данные нововведения. От того, каким образом они оценивают свою роль в этих процессах, зависит положение учительства в обществе [1]. Таким образом, изучение современного статуса педагогов, а также их социального самочувствия и отношения к происходящим изменениям весьма актуально, что определило цель настоящего исследования.

¹ См.: Заседание Госсовета по вопросам совершенствования системы общего образования от 23 дек. 2015 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/51001> (дата обращения: 10.05.2017).

Обзор литературы. Вопросы изучения социального самочувствия как индикатора социальных, экономических и политических трансформаций, происходящих в обществе, выступают одним из важнейших направлений в общественных науках.

Методологическим проблемам изучения социального самочувствия посвящены работы Е. И. Головахи и его соавторов [2], Л. Е. Душацкого [3], Я. Н. Крупец [4], Д. Розина [5], А. В. Голованова [6] и др. Крупные мониторинговые исследования социального самочувствия проводятся ведущими российскими социологическими центрами: Институтом социологии Российской академии наук², Институтом социально-политических исследований Российской академии наук³, Всероссийским центром изучения общественного мнения⁴ и др.

В зарубежных исследованиях (Э. Динер [7], Э. Ангер [8], П. Долан и Р. Миткалф [9] и др.) используется термин «субъективное благополучие» как аналог, который можно соотносить с понятием «социальное самочувствие». При этом во многих работах делается акцент на показателях личностного счастья (А. Кэмпбелл [10], Б. Стивенсон и Дж. Вулферс [11]).

Важным направлением является изучение социального самочувствия отдельных социальных групп: молодежи (Л. Е. Петрова [12], Е. Ю. Киреев с соавторами⁵ и др.), пожилых людей (Л. А. Попова и Е. Н. Зорина⁶, З. А. Бутуева [13] и др.), рабочих (Г. П. Бессокирная [14], Д. Л. Константиновский с соавторами [15] и др.) и т. д.

² См.: Горшков М.К., Гриценко Г.Д., Лепилкина О.И. и др. Социальное самочувствие населения в условиях реформ: региональный аспект. СПб., 2011. 176 с.

³ См.: Современная социальная реальность России и государственное управление. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2012 году / под ред. Г.В. Осипова и С.Г. Кареповой: в 2 т. М.: ИСПИ РАН, 2014. Т. 2. 172 с.

⁴ См.: Россия удивляет 2015: настроения, суждения, ценности. М.: ЭКСМО, 2016. 208 с.

⁵ См.: Киреев Е.Ю., Красниковский В.Я., Сазонов А.А., Сазонова А.Л. Молодежь Москвы: ценностные приоритеты, стратегии поведения и перспективы развития / под ред. А.А. Сазонова. М.: Издат. дом «Наука», 2013. 286 с.

⁶ См.: Попова Л.А., Зорина Е.Н. Экономические и социальные аспекты старения населения в северных регионах. Сыктывкар: ООО «Коми республиканская типография», 2014. 122 с.

Социальное самочувствие педагогов как социально-профессиональной группы нашло отражение в трудах В. С. Собкина и его соавторов⁷, В. П. Засыпкина и его соавторов [16] и др. Отдельные аспекты положения учительства освещены в международных исследованиях TALIS (Teaching and Learning International Survey), NESLI (National Excellence in School Leadership Initiative), SABER (Systems Approach for Better Education Results) и др.⁸ Важным аспектом, влияющим на социальное самочувствие педагогов, является их отношение к реформам в сфере образования. Как показывают исследования, большинство учителей негативно воспринимает проводимые преобразования [17, с. 104—105; 18, с. 58]. При этом увеличивается представительство педагогов, считающих, что оплата учительского труда несправедлива по отношению к трудовому вкладу⁹. Исследования по рассматриваемой проблематике позволяют говорить о том, что учительство в современном российском обществе находится в состоянии социального аутсайдера, что усугубляется аналогичными самооценками педагогов [19, с. 59; 20, с. 90—91].

Материалы и методы. Федеральное государственное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» (ранее Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук) осуществляет мониторинг экономического положения и социального самочувствия учителей общеобразовательных школ Вологодской области. В настоящий момент проведены три волны мониторинга (2011 г., 2015 г. и 2017 г.). Объектом исследования стало мнение учителей о своем социальном самочувствии, отношении к государственной политике в сфере образования и перспективы самореализации в профессии. При этом использовалась авторская методика анкетирования, позволяющая оценить такие показатели экономического

⁷ См.: Собкин В.С., Писарский П.С., Коломиец Ю.О. Учительство как социально-профессиональная группа. М.: ЦСО РАО, 1996. 53 с.

⁸ См.: TALIS — The OECD Teaching and Learning International Survey. URL: <http://www.oecd.org/edu/school/talis.htm> (дата обращения: 27.05.2017); NESLI. URL: <http://www.nesli.org/> (дата обращения: 27.05.2017); SABER. URL: <http://saber.worldbank.org/index.cfm> (дата обращения: 27.05.2017).

⁹ См.: Тюменское учительство: работа и качество жизни / под ред. Г.Ф. Шафранова-Куцева. Тюмень: Тюмен. обл. дума, ТюмГУ, 2015. 264 с.; Хагуров Т.А., Остапенко А.А. Реформа образования глазами профессионального сообщества: опыт социологического исследования. М.: Ин-т социологии РАН, 2014. 230 с.

положения и социального самочувствия педагогов, как социальное настроение, запас терпения, самооценка материального положения и денежных доходов, оценка влияния экономических изменений в стране и регионе на положение школы и семей педагогов, оценка влияния оплаты труда на характер профессиональной деятельности, социальный статус и уровень жизни, удовлетворенность характером, условиями труда и профессиональным ростом, отношение к проводимым образовательным реформам и т. д. Ряд используемых в исследовании индексов рассчитан по методике ВЦИОМ как разница доли положительных и отрицательных ответов, к которым прибавляется 100 в целях исключения отрицательных величин. Индекс выше 100 демонстрирует превышение положительных оценок над отрицательными, меньше 100 — превышение отрицательных оценок над положительными, равный 100 — равновесие положительных и отрицательных оценок.

В ходе опросов максимально сохранялась представленность школ, участвующих в исследовании, которое проводится в форме раздаточного анонимного анкетирования по месту работы респондентов. Авторы статьи принимали непосредственное участие в проведении мониторинга. Результаты, полученные в процессе анализа данных опросов 2011 и 2015 гг., представлены в ряде наших публикаций [см., напр.: 21—23].

В настоящей работе представлены результаты мониторинга 2017 г. по г. Вологде. В ходе исследования были опрошены 152 педагога. Объем выборки социологического исследования определялся уровнем доверительного интервала ошибки (5,0 %). Репрезентативность выборки обеспечивалась соблюдением пропорций между преподавателями школ с разным стажем работы. Выборка целенаправленная, квотная, многоступенчатая. На первом этапе производился отбор школ («гнезд»). В исследовании 2017 г. максимально соблюден принцип отбора школ по аналогии с 2011 и 2015 гг., что дало возможность ретроспективного анализа полученных результатов. На втором этапе осуществлялось квотирование выборки по стажу работы респондентов. Обработка результатов проводилась с помощью пакета программ IBM SPSS Statistics 21. В процессе исследования использовались общенаучные методы: сравнение, обобщение, анализ и др.

Результаты исследования. Социальное самочувствие как показатель удовлетворенности жизнью и уверенности в будущем является индикатором «общего комплексного внутреннего состояния индивида, группы, социума» [24, с. 61], трактуется как «результат осознания и переживания личностью объективных условий и смыслового наполнения жизни» [25, с. 256] (субъективного благополучия) и выражается в уровне социальных настроений и запаса терпения. Проведенное исследование позволяет констатировать, что в оценках учителей г. Вологды по-прежнему превалирует позитивный настрой (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов педагогов школ г. Вологды на вопрос «Что Вы могли бы сказать о своем настроении в последнее время?», % от числа опрошенных*

Вариант ответа	2011 г.	2015 г.	2017 г.	2017 г. к 2011 г., +/-	2017 г. к 2015 г., +/-
Прекрасное настроение	17,3	6,1	5,3	-12,0	-0,8
Нормальное, ровное состояние	52,9	51,1	47,4	-5,5	-3,7
Испытываю напряжение, раздражение	24,0	34,4	38,8	14,8	4,4
Испытываю страх, тоску	2,9	3,1	1,3	-1,6	-1,8
Затрудняюсь ответить	2,9	5,3	7,2	4,3	1,9
Индекс социального настроения	143,3	119,7	112,6	-30,7	-7,1

* Здесь и далее даны результаты мониторинга экономического положения и социального самочувствия учителей Вологодской области 2011—2017 гг. (срез по г. Вологде).

Более половины опрошенных (53,0 %) оценивают свое внутреннее состояние как «прекрасное», «нормальное, ровное». Однако динамика показателей социального настроения преподавателей имеет негативную тенденцию: доля учителей, считающих свое психологическое состояние прекрасным, нормальным и ровным, сократилась в 1,3 раза (с 70,0 до 53,0 %). Все больше педагогов испытывают отрицательные эмоции (напряжение, раздражение, страх, тоску): в 2011 г. — 26,9 %, в 2017 г. — 40,1 %.

Как и шестью годами ранее, большая часть (75,0 %) оценок педагогов школ демонстрирует терпимое отношение к сложившейся в жизни ситуации (табл. 2). Однако со временем запас терпения в учительской среде снижается.

В 2011—2017 гг. группа тех, кто считает, что «все не так плохо и жить можно» и «жить трудно, но можно терпеть», уменьшилась на 12 п.п. (с 44,2 до 32,2 %). В то же время удельный вес учителей, ответивших, что «терпеть сложившееся положение уже невозможно», за тот же период увеличился с 13,5 до 17,8 %.

Таблица 2

Распределение ответов педагогов школ г. Вологды на вопрос «Как Вы считаете, какое из приведенных ниже высказываний наиболее соответствует сложившейся ситуации?», % от числа опрошенных

Вариант ответа	2011 г.	2015 г.	2017 г.	2017 г. к 2011 г., +/-	2017 г. к 2015 г., +/-
Все не так плохо и жить можно	44,2	50,4	32,2	-12	-18,2
Жить трудно, но можно терпеть	35,6	38,9	42,8	7,2	3,9
Терпеть наше бедственное положение уже невозможно	13,5	6,1	17,8	4,3	11,7
Затрудняюсь ответить	6,7	4,6	7,2	0,5	2,6
Индекс запаса терпения	166,3	183,2	157,2	-9,1	-26,0

Согласно результатам исследования, в 2011—2015 гг. оценка учителями финансового положения их домохозяйства в начале образовательных реформ демонстрировала улучшение показателей (табл. 3). Доля отмечающих, что их семьи живут «очень хорошо и хорошо» или «средне», увеличилась с 64,4 до 74,8 %. В 2017 г. значение данного индикатора вновь вернулось на уровень замеров 2011 г. — в пределах 60,0 %.

Таблица 3

Распределение ответов педагогов школ г. Вологды на вопрос «Как Вы оценили бы экономическое положение своей семьи?», % от числа опрошенных

Вариант ответа	2011 г.	2015 г.	2017 г.	2017 г. к 2011 г., +/-	2017 г. к 2015 г., +/-
Хорошее и очень хорошее	4,8	8,4	4,6	-0,2	-3,8
Среднее	59,6	66,4	54,6	-5,0	-11,8
Плохое и очень плохое	34,6	23,6	36,8	2,2	13,2
Затрудняюсь ответить	1,0	1,6	4,0	3,0	2,4
Индекс экономического положения семьи	70,2	84,8	67,8	-2,4	-17,0

Сохранилась тенденция неудовлетворенности педагогов г. Вологды оплатой своего труда (табл. 4). Несмотря на то что в 2011—2015 гг. положительные оценки существенно выросли (с 4,8 до 23,7 %), в последующий период (2015—2017 гг.) произошло их резкое снижение до 8,5 %. При этом в 2017 г. только 7,0 % учителей посчитали свою заработную плату соответствующей трудовому вкладу (в 2015 г. — 15,0 %); 15,0 % полагают, что существующий размер зарплаток не позволяет им эффективно работать (в 2015 г. — 30,0 %).

Таблица 4

Удельный вес педагогов школ г. Вологды, удовлетворенных размером своей заработной платы, % от числа опрошенных

Вариант ответа	2011 г.	2015 г.	2017 г.	2017 г. к 2011 г., +/-	2017 г. к 2015 г., +/-
Полностью удовлетворен(а)	0,0	0,0	1,3	1,3	1,3
Скорее удовлетворен(а)	4,8	23,7	7,2	2,4	-16,5
Скорее неудовлетворен(а)	31,7	40,5	42,1	10,4	1,6
Полностью неудовлетворен(а)	61,5	29,8	43,4	-18,1	13,6
Затрудняюсь ответить	1,9	6,1	5,9	4,0	-0,2

В экономике России и ее регионов год от года проявляется вызванный инфляцией рост цен на товары и услуги. В 2016 г. потребительские цены в среднем по России увеличились на 5,4 % к уровню предыдущего года (по Вологодской области — на 1,6 %) ¹⁰. Инфляционные процессы усугубляют восприятие педагогами оплаты их труда. Размеры начисляемой в школе заработной платы кардинально не меняются, но и не индексируются в соответствии с ростом цен. Поэтому с учетом инфляции педагоги дают все более негативные оценки покупательным способностям собственных доходов. Только 60,6 % опрошенных учителей отмечают, что в настоящее время имеют возможность приобретать необходимые для жизни блага и услуги (табл. 5).

На фоне сохранения размеров оплаты труда при общем росте цен не в лучшую сторону меняется самоидентификация респондентов. В 2017 г. вновь стало больше учителей (51,9 % против 32,8 % в 2015 г.), которые относят себя к бедным и нищим (табл. 6). Таким образом, произошел возврат этого показателя к позициям 2011 г.

¹⁰ По данным Евростата (<http://ec.europa.eu/eurostat>), в 2016 г. в среднем по США рост потребительских цен составлял 2,1 % по сравнению с 2015 г., по Канаде — 1,5 %, по «Большой двадцатке» (G20) — 2,3 %.

Подобные изменения в сознании учителей не могли не повлиять на оценку респондентами своего места в обществе. За 2011—2017 гг. доля тех, кто был удовлетворен своим социальным положением, сократилась практически вдвое (с 75,0 до 40,0 %), а удельный вес тех, кто остался не удовлетворен этим аспектом, увеличился втрое (с 14,0 до 47,0 %).

Таблица 5

Самооценка педагогами школ г. Вологды покупательных способностей собственных доходов, % от числа опрошенных

Вариант ответа	2011 г.	2015 г.	2017 г.	2017 г. к 2011 г., +/-	2017 г. к 2015 г., +/-
Покупка большинства товаров длительного пользования не вызывает трудностей; денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды, однако более крупные покупки приходится откладывать на потом	70,2	75,6	60,6	-9,6	-15
Денег хватает только на приобретение продуктов питания; денег не хватает даже на приобретение продуктов питания, приходится влезать в долги	29,8	24,4	39,4	9,6	15,0

Таблица 6

Распределение ответов педагогов школ г. Вологды на вопрос «К какой категории Вы себя относите?», % от числа опрошенных

Вариант ответа	2011 г.	2015 г.	2017 г.	2017 г. к 2011 г., +/-	2017 г. к 2015 г., +/-
Богатые	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Люди среднего достатка	48,1	54,2	30,9	-17,2	-23,3
Бедные и нищие	51,9	32,8	51,9	0,0	19,1
Затрудняюсь ответить	0,0	13,0	17,2	17,2	4,2

Педагогическое сообщество критически относится и к действиям властей в сфере образования. Ранее в ходе мониторинга было выявлено, что учителя дают оценку проводимым мероприятиям, основываясь на профессиональном опыте, а не на субъективных обстоятельствах [21, с. 130]. В 2017 г. снизилась и без того минимальная поддержка образовательной политики государства: в 2015 г. 6,1 % педагогов

характеризовали современный период развития образования как «расцвет и подъем», а в 2017 г. доля этих оценок стала меньше 1,0 % (табл. 7). В 1,5 раза увеличилась доля тех, кто считает, что в данной сфере отсутствует прогресс («застой»). Как и в 2015 г., большая часть (63,2 %) склоняется к тому, что система образования переживает кризис.

Таблица 7

Распределение ответов педагогов школ г. Вологды на вопрос «Какой период отечественное образование переживает в настоящее время?», % от числа опрошенных*

Вариант ответа	2015 г.	2017 г.	2017 г. к 2011 г., +/-
Расцвет и подъем	6,1	0,7	-5,4
Застой	9,9	14,5	4,6
Кризис	59,5	63,2	3,7
Затрудняюсь ответить	24,5	21,0	-2,7

* В ходе опроса 2011 г. этот вопрос не задавался.

Образование является одной из сфер, находящихся в состоянии непрерывного реформирования. Учителю же представляет собой одну из социально-профессиональных групп, от мнения которой во многом зависит будущее реформ. В то же время, как показывают данные опроса, поддержка модернизации образования педагогами снижается (табл. 8). Если в 2011 г. безусловную поддержку в лице учителей не нашла ни одна из проводимых реформ, то в 2015 г. список одобряемых педагогами мероприятий пополнился за счет внедрения компетентного подхода в образовательный процесс (56,5 %) и эффективного контракта с преподавательскими кадрами (42,0 %). В последующий период (2015—2017 гг.) позиции всех реформаторских преобразований в рейтинге доверия учителей вновь снизились, приблизившись к уровню 2011 г. Самым поддерживаемым мероприятием остается внедрение компетентного подхода (его одобряют 45,4 %). Самая низкая поддержка у оптимизации сети общеобразовательных школ (11,8 %).

Стоит также отметить заметное ухудшение отношения учителей к реформе оплаты труда, проводимой в школах с 2008 г. (с 22,1 до 15,1 %), и ЕГЭ (с 47,1 до 34,9 %). Видимо, из-за ряда спорных моментов (непродуманность новой системы оплаты труда с точки зрения поддержки молодых специалистов, бюрократизация педагогической профессии

и т. д.) учителя перестают рассматривать эти реформы в качестве драйверов развития системы образования и собственного финансового благополучия.

Таблица 8

Отношение учителей школ г. Вологды к проводимым сегодня в образовании реформам, % от числа опрошенных

Реформа	Год	Вариант ответа			Индекс одобрения реформ
		Положительно; скорее положительно	Отрицательно; скорее отрицательно	Затрудняюсь ответить	
Оптимизация сети образовательных организаций	2011	15,3	76,9	7,7	99,4
	2015	15,3	72,6	12,2	42,7
	2017	11,8	67,2	21,1	44,6
Введение эффективного контракта с педагогами	2011	24,0	53,9	22,1	99,7
	2015	42,0	34,3	23,7	107,7
	2017	20,3	31,6	48,0	88,7
Введение новой системы оплаты труда педагогов	2011	22,1	59,6	18,3	99,6
	2015	32,1	49,6	18,3	82,5
	2017	15,1	54,6	30,3	60,5
Введение новых образовательных стандартов в общеобразовательных школах	2011	21,1	60,6	18,3	99,6
	2015	39,7	43,5	16,8	96,2
	2017	22,4	61,8	15,8	60,6
Интеграция образования и науки	2011	56,7	14,4	28,8	100,4
	2015	60,3	15,3	24,4	145,0
	2017	40,8	18,4	40,8	122,4
Переход высшего образования на двухуровневую систему подготовки кадров	2011	29,8	37,5	32,7	99,9
	2015	39,0	40,5	20,6	98,5
	2017	12,5	48,7	38,8	63,8
Внедрение компетентностного подхода в образовательный процесс (в ходе опроса 2011 г. этот вопрос не задавался)	2015	56,5	19,0	24,4	137,5
	2017	45,4	16,4	38,2	129,0
Единый государственный экзамен	2011	47,1	48,1	4,8	100,0
	2017	34,9	47,4	17,8	87,5
Введение профессионального стандарта педагога	2017	21,1	51,3	27,6	69,8

Также в учительской среде все сильнее растет недоверие к реформам как инструменту, который может улучшить образовательный и воспитательный процесс. Если в 2011—2015 гг. наблюдался рост доли уверенных, что модернизационные мероприятия могут что-то изменить, то в последующий период этот энтузиазм снизился (рисунок).

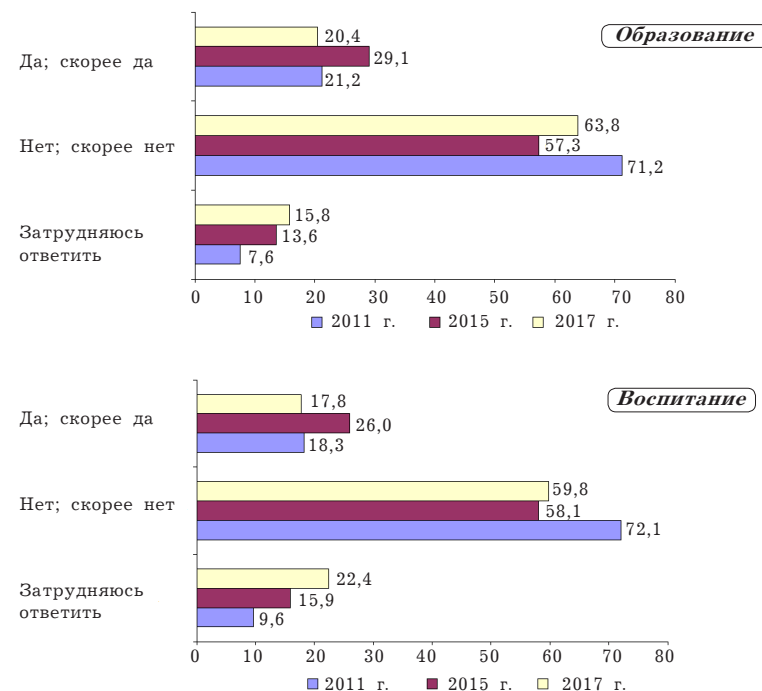

Рисунок. Распределение ответов педагогов школ г. Вологды на вопрос «Приведут ли проводимые реформы к повышению качества образования и воспитания?», % от числа опрошенных

В 2017 г. учителей все чаще начинают беспокоить следующие проблемы: заработная плата — 79,6 % (2015 г. — 64,9 %), материально-техническая база школ — 60,5 % (2015 г. — 47,3 %), престиж педагогической профессии — 48,7 % (2015 г. — 43,5 %).

Значимым компонентом социального самочувствия является отношение учителей к профессиональной деятельности. Как показывают результаты исследования, несмотря на негативные изменения в социальном самочувствии, оценка учителями социальной важности и полезности выполняемой работы остается стабильно высокой. В 2017 г. 79,0 % учителей оценивали необходимость и актуальность выполняемой ими работы для общества как безусловно высокую

(в 2015 г. — 66,0 %). При этом в 2011 г. более половины (57,0 %) учителей были внутренне готовы при удобном случае сменить профессию на любую другую, не связанную с образованием. К 2017 г. положение стабилизировалось: подобные намерения остаются только у 28,0 %. Однако педагоги школ в большинстве своем не хотели бы, чтобы их дети тоже работали в школе (82,0 % в 2017 г.).

Можно заключить, что наблюдающееся ухудшение социального самочувствия и материального благополучия педагогов не оказало существенного влияния на отношение к профессии. Начавшиеся с 2015 г. положительные тенденции в настоящее время закрепились. В то же время эти достижения кажутся зыбкими на фоне действия ряда рисков, идущих вразрез с идеальным представлением учителей о своей работе. Прежде всего стоит обратить внимание на то, что с принятием новых образовательных стандартов увеличивается объем и интенсивность учительского труда (часто за счет бумажной работы). Об этом свидетельствуют мнения опрошенных педагогов: если в 2015 г. о том, что объем их обязанностей высокий, говорили 64,0 % респондентов, то в 2017 г. — уже 75,0 %. Подобные тенденции наблюдаются и в оценках интенсивности работы. Около трети (32,0 %) учителей считает нагрузку на своей работе предельной, еще 36,0 % — терпимой, но большой.

Чрезмерная преподавательская нагрузка становится фактором неудовлетворенности профессией. По данным опроса, лишь 37,0 % довольны условиями своего труда (в 2015 г. — 41,0 %). Это заставляет учителей по-новому переосмыслить важность своей профессии. Если в 2015 г. 76,0 % респондентов говорили о том, что без педагога невозможны модернизация общества и появление культуры «нового типа», то в 2017 г. сторонников такой точки зрения осталось 56,0 %.

В 2017 г. 38,0 % учителей подчеркивали, что довольны социальной значимостью преподавательской профессии, тогда как в 2015 г. их было примерно в два раза больше (60,0 %). Подобная ситуация грозит тем, что в будущем удовлетворенность учителей социальной значимостью своего труда и собственными профессиональными усилиями начнет угасать. Существует риск, что, как и в начале реформ, учительство под грузом собственных проблем и на фоне амбивалентной

образовательной политики государства перейдет в фазу социальной пассивности, что отрицательно скажется на характере профессиональной деятельности. Стратегически важными в этом плане видятся действия по поддержанию финансового благополучия педагогических кадров, а также позитивного образа учителя в глазах общественности и СМИ.

Обсуждение и заключения. Таким образом, анализ результатов мониторинга экономического положения и социального самочувствия педагогов г. Вологды позволяет говорить о том, что за 2011—2017 гг. в оценках учителей наметился ряд положительных тенденций: сохранение индексов социального настроения и запаса терпения в «положительной зоне»; увеличение числа педагогов, которые стали более уверенно говорить о своей работе как о деле, приносящем пользу обществу; снижение доли учителей, планирующих покинуть школу ради работы в другой сфере.

В то же время ряд явлений характеризуется негативными трендами: ухудшение настроений педагогов и покупательной способности их зарплат; возврат показателей самоидентификации педагогов к уровню 2011 г.; низкий удельный вес желающих, чтобы их дети в выборе профессии пошли по стопам родителей. На начальном этапе реформ многие учителя скептически относились к тому, приведут ли они к повышению качества образования. Затем по мере их внедрения и появления некоторых положительных результатов доля педагогов, уверенных в позитивном влиянии реформ на образовательную систему, возросла. Но нестабильность ситуации и несовершенство многих инструментов достижения целей реформирования привели к снижению доверия педагогов к проводимой в образовании государственной политике.

Полученные результаты во многом согласуются с данными других российских исследований. В частности, на основе анализа социального положения учителей на основе социологических опросов, проводимых с конца 1980-х гг. XX в., Ф. Г. Зиятдинова также отмечает несоразмерность заработной платы учителей и значимости данного вида трудовой деятельности, усиление «симптома упадка профессии» [26, с. 106]. В ходе исследования «Московский учитель сегодня», проведенного в 2011 г., было выявлено пессимистичное отношение большинства опрошенных педагогов (60,0 %) к практике реализации реформ в образовании [27, с. 61].

Двенадцатая волна мониторинга экономики образования ГУ ВШЭ показала, что рост заработной платы ощутили на себе далеко не все учителя, при этом более 30,0 % из них говорят о сокращении своих экономических возможностей и увеличении нагрузки в виде отчетности¹¹.

На примере г. Вологды мы наблюдаем разновекторные явления в учительской среде в плане отношения педагогов к собственной профессии — ощущения стабильности и устойчивости. Однако это происходит на фоне роста неудовлетворенности доходами данной социально-профессиональной группы, ухудшения социальных настроений, вынужденного роста педагогической нагрузки (она становится обязательным условием поддержания финансового благополучия, увеличения размеров оплаты труда). Результаты исследования подтверждаются и данными региональной статистики. В 2010—2015 гг. соотношение среднемесячной заработной платы педагогов общего образования и средней заработной платы по экономике Вологодской области установилось на уровне 112,0 %. Тем не менее на начало 2017 г. произошло снижение значений показателя до 98,0 %, что не могло не сказаться на экономическом положении и социальном самочувствии учителей региона¹².

Исследование показало, что при некоторых положительных моментах в динамике социального самочувствия учителей остается ряд нерешенных проблем, что свидетельствует о недостаточности мер, предпринимаемых государством. В сложившихся условиях необходимо создавать условия для повышения социального статуса и престижа профессии учителя, в частности дальнейшего роста материального благополучия педагогов в целях обеспечения соответствия качества и уровня жизни учительского сообщества предъявляемым обществом требованиям и трудовому вкладу. Кроме того, важным направлением повышения социального самочувствия педагогов является сокращение бюрократической нагрузки путем снижения объемов отчетной документации. Целесообразно учитывать информацию о социальном самочувствии

¹¹ См.: Условия работы и профессиональное самочувствие учителей в ситуации введения эффективного контракта: информ. бюлл. М.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2016. С. 22—24.

¹² См.: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области. URL: <http://vologdastat.gks.ru/> (дата обращения: 03.06.2017).

учителей при принятии решений в области образовательной политики, поскольку повышение социального самочувствия и уровня жизни педагогов будет способствовать и повышению качества образования в целом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Аврамова Е.М., Логинов Д.М. О социально-экономическом значении повышения оплаты труда учителей // Экономика региона. 2016. Т. 12, № 4. С. 1135—1145. URL: http://economyofregion.ru/Data/Issues/ER2016/December_2016/ERDecember2016_1135_1145.pdf (дата обращения: 10.06.2017).
2. Головаха Е.И., Панина Н.В., Горбачик А.П. Измерение социального самочувствия: тест ИИСС // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 1998. № 10. С. 45—72. URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/16742321/> (дата обращения: 10.06.2017).
3. Душацкий Л.Е. Материально-властные ресурсы россиян в самооценке и социальном самочувствии // Социологические исследования. 2004. № 4. С. 64—70. URL: <http://www.isras.ru/files/File/Socis/2004-04/dushatski.pdf> (дата обращения: 10.06.2017).
4. Крупец Я.Н. Социальное самочувствие как интегральный показатель адаптированности // Социологические исследования. 2003. № 4. С. 143—150. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/549/394/1217/Krupec1.pdf> (дата обращения: 10.06.2017).
5. Рогозин Д. Тестирование вопросов о социальном самочувствии // Социальная реальность. 2007. № 2. С. 97—113. URL: <http://corp.fom.ru/uploads/socreal/post-230.pdf> (дата обращения: 10.06.2017).
6. Голованов А.В. Особенности, индикаторы и мониторинг социальной напряженности общества переходного периода в регионе // Регионология. 2008. № 3. С. 191—196. URL: <http://www.regionsar.ru/ru/node/153> (дата обращения: 10.06.2017).
7. Diener E. Assessing Subjective Well-Being: Progress and Opportunities // Social Indicators Research. 1994. Vol. 31, issue 2. Pp. 103—157. DOI: <http://doi.org/10.1007/BF01207052>
8. Angner E. Subjective Well-Being // The Journal of Socio-Economics. 2010. Vol. 39, issue 3. Pp. 361—368. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.soc-ec.2009.12.001>
9. Dolan P., Metcalfe R. Measuring Subjective Well-Being: Recommendations on Measures for Use by National Governments // Journal of Social Policy. 2012. Vol. 41(2). Pp. 409—427. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0047279411000833>
10. Campbell A. The Sense of Well-Being in America: Recent Patterns and Trends. N. Y.: McGraw-Hill Book Company, 1981. 263 p. URL: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=mdp.39015071885714;view=2up;seq=6> (дата обращения: 20.06.2017).
11. Stevenson B., Wolfers J. Economic Growth and Subjective Well-Being: Reassessing the Easterlin Paradox // NBER Working Paper. 2008, no. 14282. P. 87. DOI: <https://doi.org/10.3386/w14282>

12. Петрова Л.Е. Социальное самочувствие молодежи // Социологические исследования. 2000. № 12. С. 50—55. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/250/180/1217/006.PETROVA.pdf> (дата обращения: 20.06.2017).

13. Бутуева З.А. Социальное самочувствие людей старшего возраста в Республике Бурятия: региональный аспект // Вестник Института социологии. 2016. № 4. С. 121—135. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2016.19.4.435>

14. Бессокирная Г.П. Социальное самочувствие рабочих // Социологические исследования. 2008. № 3. С. 34—37. URL: http://www.isras.ru/files/File/Socis/2008-03/bessokirnaia_wclass.pdf (дата обращения: 20.06.2017).

15. Константиновский Д.Л., Вознесенская Е.Д., Чередниченко Г.А. Рабочая молодежь сегодня: образование, профессия, социальное самочувствие // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 2. С. 21—38. URL: <http://jour.isras.ru/upload/journals/4/articles/2953/submission/original/2953-5454-1-SM.pdf> (дата обращения: 20.06.2017).

16. Засылкин В.П., Зборовский Г.Е., Шуклина Е.А. Учителство как социально-профессиональная общность // Социологические исследования. 2015. № 2. С. 114—123. URL: http://socis.isras.ru/files/File/2015/2015_2/Zasipkina.pdf (дата обращения: 20.06.2017).

17. Хагуров Т.А., Остапенко А.А. Реформа образования глазами учителей и преподавателей // Социологические исследования. 2014. № 11. С. 103—113. URL: http://socis.isras.ru/files/File/2014/2014_11/Khagurov.pdf (дата обращения: 20.06.2017).

18. Гаспарович А.Т., Кружалин В.И., Крухмалева О.В. Московские учителя о реформировании современной школы // Социологические исследования. 2013. № 9. С. 57—64. URL: http://www.isras.ru/files/File/Socis/2013_9/Gasparishvili.pdf (дата обращения: 20.06.2017).

19. Зернов Д.В., Иудин А.А., Овсянников А.А. Социальные ориентиры и положение российского учительства // Народонаселение. 2014. № 4. С. 43—60. URL: http://www.isesp-ras.ru/images/narodonaselenie/2014_4.pdf (дата обращения: 20.06.2017).

20. Филиппов А.А. Социально-профессиональный статус школьного учителя в современном российском обществе // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2011. № 2. С. 89—97. URL: <http://izvuz.pnzgu.ru/on11211> (дата обращения: 20.06.2017).

21. Головчин М.А., Соловьева Т.С. Проблемы реформы образования: оценки педагогов // Регион: экономика и социология. 2012. № 2. С. 121—133. URL: <http://www.sibrans.ru/upload/iblock/cfd/cfdc980aa0bf9a35bd9a2bcb10f94486.pdf> (дата обращения: 20.06.2017).

22. Соловьева Т.С. Новая система оплаты труда в оценках педагогов (на примере Вологодской области) // Социология образования. 2016. № 4. С. 28—41. URL: <http://www.edit.muh.ru/content/mag/jour3.php?link=so042016> (дата обращения: 20.06.2017).

23. Ильин В.А., Леонидова Г.В., Головчин М.А. Российский учитель в реформирующемся обществе: взгляд из региона // Социологические исследования. 2017. № 3. С. 51—57. URL: http://socis.isras.ru/files/File/2017/2017_3/Ilin.pdf (дата обращения: 20.06.2017).

24. Асланова О.А. Социальное самочувствие: измерительный инструментарий, показатели и социальные критерии // Теория и практика общественного развития. 2012. № 2. С. 59—63. URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnal/2012/2/sociologiya/aslanova.pdf (дата обращения: 20.06.2017).

25. Хапова З.А. Основные параметры и критерии измерения социального самочувствия наемных работников в современной России // Гуманитарий Юга России. 2016. Т. 21, № 5. С. 249—258. URL: <http://jour.isras.ru/index.php/hsr/article/view/4669> (дата обращения: 20.06.2017).

26. Зиятдинова Ф.Г. Социальное положение учителей: ожидания и реалии // Социологические исследования. 2010. № 10. С. 100—106. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/02/23/1214891722/Ziyatdinova.pdf> (дата обращения: 25.06.2017).

27. Гаспарович А.Т., Крухмалева О.В. Московские учителя и реформа образования // Вопросы образования. 2012. № 4. С. 59—68. URL: https://vo.hse.ru/data/2013/11/10/1281975322/VO4_12%20Gaspar.pdf (дата обращения: 28.06.2017).

Заявленный вклад авторов:

ГОЛОВЧИН Максим Александрович — концепция и определение теоретико-методологических основ исследования, написание статьи.

СОЛОВЬЕВА Татьяна Сергеевна — определение теоретико-методологических основ исследования, написание и доработка статьи, формирование выводов.

Для цитирования: Головчин М.А., Соловьева Т.С. Социальное самочувствие учителей в период реформ в системе образования (на примере г. Вологды) // РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY. 2017. Т. 25, № 4. С. 588—609.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

M. A. Golovchin, T. S. Soloveva. Social Well-Being of Teachers During the Period of Educational Reforms (Case Study of Vologda)

Key words: region; teachers; social well-being; material welfare; reforms; self-identity

Introduction: teachers in Russia are traditionally one of the most vulnerable socio-professional groups. In this regard, the study of their social well-being is actual research area, because social situation and psychological well-being of teachers largely determines the quality of education.

Materials and Methods: the article on the example of Vologda discusses the results of the third monitoring wave (2017) of teachers' economic status

and social well-being in Vologda region, carried out by the Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (till August 2017 — Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Sciences) since 2011 with the direct participation of the authors. For the interpretation of the data we used methods of analysis, synthesis and comparison.

Results: analysis of social well-being of school teachers of Vologda during the period of reforms in education, 2010—2017 helped to identify trends of the deterioration of the social mood of teachers and indicators of identity, decline in the purchasing power of wages and teachers' trust in education policy. At the same time the proportion of teachers who have the desire to leave school for work in another field has reduced. Teachers become more confident to say that their work benefits society. The article outlines the main directions that contribute to improving indicators of social well-being of teachers.

Discussion and Conclusions: the study shows that along with certain positive aspects, the negative trends in the social wellbeing of teachers develop. This conclusion is supported by other regional and national studies, suggesting the need for adjustment to modern educational policy in order to enhance social status and prestige of the teachers' profession and standard of living.

REFERENCES

1. Avraamova E.M., Loginov D.M. [On the Socio-Economic Importance of Increasing Teachers' Wages]. *Ekonomika regiona* = Economy of a Region. 2016; 4(12):1135—1145. Available at: http://economyofregion.ru/Data/Issues/ER2016/December_2016/ERDecember2016_1135_1145.pdf (accessed 10.06.2017). (In Russ.)
2. Golovakha E.I., Panina N.V., Gorbachik A.P. [Measuring Social Well-Being: a Test of IISS]. *Sotsiologija: metodologija, metody, matematicheskoe modelirovanie* = Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modelling. 1998; 10:45—72. Available at: <http://ecsocman.hse.ru/text/16742321/> (accessed 10.06.2017). (In Russ.)
3. Dushatskiy L.E. [Material and Power Resources of the Russians in Self-Esteem and Social Well-Being]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* = Sociological Studies. 2004; 4:64—70. Available at: <http://www.isras.ru/files/File/Socis/2004-04/dushatski.pdf> (accessed 10.06.2017). (In Russ.)
4. Krupets Ya.N. [Social Well-Being as an Integral Indicator of Adaptability]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* = Sociological Studies. 2003; 4:143—150. Available at: <http://ecsocman.hse.ru/data/549/394/1217/Krupecl.pdf> (accessed 10.06.2017). (In Russ.)
5. Rogozin D. [Testing Questions about Social Well-Being]. *Social'naja real'nost'* = Social Reality. 2007; 2:97—113. Available at: <http://corp.fom.ru/uploads/soceal/post-230.pdf> (accessed 10.06.2017). (In Russ.)
6. Golovanov A.V. [Peculiarities, Indicators and Monitoring of Social Pressure of Transitional Society in the Region]. *REGIONOLOGIYA* =

REGIONOLOGY. 2008; 3:191—196. Available at: <http://www.regionsar.ru/ru/node/153> (accessed 10.06.2017). (In Russ.)

7. Diener E. Assessing Subjective Well-Being: Progress and Opportunities. *Social Indicators Research*. 1994; 31(2):103—157. DOI: <http://doi.org/10.1007/BF01207052>
8. Angner E. Subjective Well-Being. *The Journal of Socio-Economics*. 2010; 39(3):361—368. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socec.2009.12.001>
9. Dolan P., Metcalfe R. Measuring Subjective Well-Being: Recommendations on Measures for Use by National Governments. *Journal of Social Policy*. 2012; 41(2):409—427. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0047279411000833>
10. Campbell A. The Sense of Well-Being in America: Recent Patterns and Trends. New York: McGraw-Hill Book Company; 1981. 263 p. Available at: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=mdp.39015071885714;view=2up;seq=6> (accessed 20.06.2017).
11. Stevenson B., Wolfers J. Economic Growth and Subjective Well-Being: Reassessing the Easterlin Paradox. *NBER Working Paper*. 2008; 14282:87. DOI: <https://doi.org/10.3386/w14282>
12. Petrova L.E. [Social Feeling of the Young]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* = Sociological Studies. 2000; 12:50—55. Available at: <http://ecsocman.hse.ru/data/250/180/1217/006.PETROVA.pdf> (accessed 20.06.2017). (In Russ.)
13. Butueva Z.A. [Social Well-Being of Elderly People in the Republic of Buriatiya: Regional Aspect]. *Vestnik Instituta Sotziologii* = Vestnik of Institute of Sociology. 2016; 4:121—135. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2016.19.4.435>
14. Bessokirnaya G.P. [Workers' Social Feelings]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* = Sociological Studies. 2008; 3:34—37. Available at: http://www.isras.ru/files/File/Socis/2008-03/bessokirnaya_wclass.pdf (accessed 20.06.2017). (In Russ.)
15. Konstantinovsky D.L., Voznesenskaya E.D., Cherednichenko G.A. [Young Workers Today: Education, Profession, Social Health]. *Sotsiologicheskaja nauka i social'naja praktika* = Sociological Science and Social Practice. 2013; 2:21—38. Available at: <http://jour.isras.ru/upload/journals/4/articles/2953/submission/original/2953-5454-1-SM.pdf> (accessed 20.06.2017). (In Russ.)
16. Zasyupkin V.P., Zborovskiy G.E., Shuklina E.A. [School Teachers as Social Professional Community]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* = Sociological Studies. 2015; 2:114—123. Available at: http://socis.isras.ru/files/File/2015/2015_2/Zasipkina.pdf (accessed 20.06.2017). (In Russ.)
17. Khagurov T.A., Ostapenko A.A. [Reform of Education Seen by Teachers and Professors]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* = Sociological Studies. 2014; 11:103—113. Available at: http://socis.isras.ru/files/File/2014/2014_11/Khagurov.pdf (accessed 20.06.2017). (In Russ.)
18. Gasparishvili A.T., Kruzhalin V.I., Krukhmaleva O.V. [Moscow Teachers on Current School Reformations]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* = Sociological Studies. 2013; 9:57—64. Available at: http://www.isras.ru/files/File/Socis/2013_9/Gasparishvili.pdf (accessed 20.06.2017). (In Russ.)
19. Zernov D.V., Iudin A.A., Ovsyannikov A.A. [Social Guidelines and Feeling of Well-Being of Russian Teachers]. *Narodonaselenie* = Population.

2014; 4:43—60. Available at: http://www.isesp-ras.ru/images/narodonasele-nie/2014_4.pdf (accessed 20.06.2017). (In Russ.)

20. Filippov A.A. [Social and Professional Status of a Schoolteacher in Present-Day Russian Society]. *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Obshhestvennye nauki* = University proceedings. Volga region. Social sciences. 2011; 2:89—97. Available at: <http://izvuz.pnzgu.ru/on11211> (accessed 20.06.2017). (In Russ.)

21. Golovchin M.A., Soloveva T.S. [Issues of the Education Reform: Teachers Assessments]. *Region: jekonomika i sotciologija* = Region: Economics and Sociology. 2012; 2:121—133. Available at: <http://www.sibran.ru/upload/iblock/cfd/cfdc980aa0bf9a35bd9a2bcb10f94486.pdf> (accessed 20.06.2017). (In Russ.)

22. Soloveva T.S. [The New Remuneration Scheme According to Teachers Estimates (Case Study of Vologda Region)]. *Sotciologija obrazovaniya* = Sociology of Education. 2016; 4:28—41. Available at: <http://www.edit.muh.ru/content/mag/jour3.php?link=so042016> (accessed 20.06.2017). (In Russ.)

23. Ilyin V.A., Leonidova G.V., Golovchin M.A. [Russian Teacher in the Reformed Society: Regional Outlook]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* = Sociological Studies. 2017; 3:51—57. Available at: http://socs.isras.ru/files/File/2017/2017_3/Ilin.pdf (accessed 20.06.2017). (In Russ.)

24. Aslanova O.A. [Social Well-Being: Measuring Instruments, Indicators and Social Criteria]. *Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija* = Theory and Practice of Social Development. 2012; 2:59—63. Available at: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2012/2/sociologiya/aslanova.pdf (accessed 20.06.2017). (In Russ.)

25. Khapova Z.A. [The Basic Parameters and Measurement Criteria of Social Well-Being of Employees in Modern Russia]. *Gumanitarnij Juga Rossii* = Humanities of the South of Russia. 2016; 5(21):249—258. Available at: <http://jour.isras.ru/index.php/hsr/article/view/4669> (accessed 20.06.2017). (In Russ.)

26. Ziyatdinova F.G. [Teachers Social Position: Expectations and Realities]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* = Sociological Studies. 2010; 10:00—106. Available at: <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/02/23/1214891722/Ziyatdinova.pdf> (accessed 25.06.2017). (In Russ.)

27. Gasparishvili A.T., Kruhmaleva O.V. [Moscow Teachers and Education Reform]. *Voprosy obrazovaniya* = Educational Studies. 2012; 4:59—68. Available at: https://vo.hse.ru/data/2013/11/10/1281975322/VO4_12%20Gaspar.pdf (accessed 28.06.2017). (In Russ.)

Contribution of the authors:

Maxim A. Golovchin — concept and determination of the theoretical and methodological foundations of the research, writing the article.

Tatiana S. Soloveva — determination of the theoretical and methodological foundations of the research, writing and revision of the text of the article, drawing conclusions.

About the authors:

Maxim A. Golovchin, Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher at the Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences” (56a Gorkogo St., Vologda, 160014, Russia) (e-mail: mag82@mail.ru). ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7813-5170>. Researcher ID: N-1706-2015.

Tatiana S. Soloveva, Junior Researcher at the Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences” (56a Gorkogo St., Vologda, 160014, Russia) (e-mail: solo_86@list.ru). ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1770-7566>. Researcher ID: I-8418-2016.

For citation: Golovchin M.A., Soloveva T.S. Social Well-Being of Teachers During the Period of Educational Reforms (Case Study of Vologda). *REGIONOLOGIYA* = REGIONOLOGY. 2017; 4(25):588—609.

All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила/Submitted 04.08.2017.

**А. Л. КУЗЕВАНОВА, ИМИДЖ УЧРЕЖДЕНИЙ
М. Ю. САВЕЛЬЕВА, ЗДРАВООХРАНЕНИЯ
В ВОСПРИЯТИИ
РЕГИОНАЛЬНОЙ
ОБЩЕСТВЕННОСТИ**

Ключевые слова: регион; имидж; здравоохранение; общественное мнение; государственные медицинские учреждения; частные клиники; врачи; пациенты; качество медицинской помощи

Введение: современные социально-экономические условия актуализируют проблему формирования положительного имиджа учреждения здравоохранения. Выявление его основных характеристик с помощью социологических методов становится приоритетной задачей медицинской организации, стремящейся учесть потребительские предпочтения и скорректировать содержание своей деятельности.

Материалы и методы: выводы и рекомендации, содержащиеся в статье, основаны на результатах авторского социологического исследования, проведенного в г. Волгограде в марте 2017 г. с помощью методов анкетирования (выборка репрезентативная, маршрутно-квотная) и глубинного интервью. При непосредственном участии авторов было опрошено 300 волгоградцев, проведено 20 глубинных интервью.

Результаты исследования: анализ полученных социологических данных показал, что большинство опрошенных волгоградцев позитивно или скорее позитивно оценивают имидж частных клиник, в то время как имиджевые характеристики государственных медицинских учреждений также высоко оценили лишь чуть более трети участников опроса. В восприятии общественности проблемы в деятельности государственного сектора здравоохранения связаны со слабой материально-технической базой, с

КУЗЕВАНОВА Ангелина Леонидовна, заведующий кафедрой философии и социологии Волгоградского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор социологических наук, доцент (400005, Россия, г. Волгоград, ул. Гагарина, 8) (*e-mail*: angelina2000@list.ru). ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3575-4828>

САВЕЛЬЕВА Мария Юрьевна, студентка Волгоградского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (400005, Россия, г. Волгоград, ул. Гагарина, 8) (*e-mail*: maria1695@yandex.ru). ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2965-9397>

© Кузеванова А. Л., Савельева М. Ю., 2017

недостаточным лекарственным обеспечением, дефицитом финансирования, утратой профилактической направленности в работе этих учреждений и значительным износом оборудования и медицинского автотранспорта. Материалы глубинных интервью свидетельствуют о том, что государственные учреждения здравоохранения не уделяют должного внимания использованию такого инструмента формирования положительного имиджа, как рекламные мероприятия.

Обсуждение и заключения: по мнению волгоградцев, государственным медицинским учреждениям для улучшения имиджа следует повысить уровень сервиса и обслуживания населения, снизить цены на платные услуги, привлечь к работе высокопрофессиональных специалистов, обновить техническую базу, активизировать рекламную деятельность. Частным клиникам необходимо совершенствовать техническую базу, повысить уровень обслуживания потребителей медицинских услуг, реализовывать более обдуманную ценовую политику, связанную со снижением платы за лечение.

Введение. Учреждения здравоохранения, являясь одним из важнейших социальных институтов в структуре современного общества, осуществляют деятельность, связанную с огромной социальной ответственностью за сохранение и поддержание здоровья населения. В результате проведенных в годы перестройки социально-экономических реформ, которые сопровождалась появлением частного сектора медицинских услуг, созданием подразделений, оказывающих платные услуги в государственных учреждениях здравоохранения, значительным ростом субъектов рынка медицинских услуг, формированием конкурентной среды, появилась необходимость в создании корпоративного имиджа медицинских учреждений, обеспечивающего конкурентные преимущества, которые могут быть связаны как с качеством оказываемых услуг, так и с внутренними характеристиками организации.

Формирование положительного имиджа учреждений здравоохранения в современных рыночных условиях представляет собой деятельность, предусматривающую использование комплекса имиджевых средств, которые условно можно разделить на четыре основных блока: визуальные средства (оформление офисов, выставок, макетов объявлений и т. д.), рекламные средства (различные виды рекламных коммуникаций), пиар-мероприятия (презентации, пресс-конференции, работа со средствами массовой информации), фирменный стиль (внешний образ и характер поведения на рынке медицинских услуг). Использование перечисленных средств обеспечивает донесение до потенциальных клиентов

медицинских организаций информации о качестве, доступности и цене оказываемых услуг, о наличии гарантий декларируемого уровня обслуживания. Индикатором сформированности положительного имиджа учреждения, безусловно, является позитивное общественное мнение. Выявление его основных характеристик с помощью социологических методов становится приоритетной задачей медицинской организации, стремящейся учесть потребительские предпочтения и скорректировать содержание своей деятельности.

Обзор литературы. В силу социально-экономических причин середина XX в. ознаменовалась возникновением научного интереса к проблеме формирования и развития имиджа организации, эта проблематика актуальна и в настоящее время. Современные авторы, например М. В. Владыка¹, Э. А. и А. Э. Капитоновы², В. А. Романчукевич³, подчеркивают, что имидж организации следует рассматривать как эффективный инструмент неценовой конкуренции.

Разработанные в российской науке методики создания, исследования, оценки и модернизации имиджа организации касаются в основном двух направлений. Первое из них представлено, например, публикациями И. А. Морозовой, Ю. А. Курбатовой и А. В. Оленевой [1], В. Д. Шкардуна и Т. М. Ахтямова [2], в которых изучаются указанные аспекты проблематики применительно к деятельности больших предприятий, производящих промышленные и потребительские товары, рассчитанные на крупных заказчиков или массовую аудиторию. Второе направление (О. А. Феофанов⁴, Г. Л. Тульчинский⁵, А. Н. Чумиков⁶) связано с исследованием имиджевых стратегий, базирующихся на использовании инструментов рекламы и пиара.

¹ См.: Владыка М.В. Экономические методы управления организацией. Белгород: Изд-во БелГУ, 2005. 148 с.

² См.: Капитонов Э.А., Капитонов А.Э. Корпоративная культура и Public Relation. М.; Ростов н/Д: МарТ, 2003. 411 с.

³ См.: Романчукевич В.А. Управление организационной культурой социальной организации: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2005. 25 с.

⁴ См.: Феофанов О.А. Реклама: новые технологии в России. СПб.: Питер, 2000. 384 с.

⁵ См.: Тульчинский Г.Л. PR фирмы: технология и эффективность. СПб.: Алетейя, 2001. 292 с.

⁶ См.: Чумиков А.Н. Реклама и связи с общественностью: имидж, репутация, бренд. М.: Аспект Пресс, 2012. 157 с.

Значительная часть работ, имеющих отношение к сфере здравоохранения, посвящена изучению лишь отдельных аспектов рассматриваемой проблематики без использования комплексного подхода [3—11]. Степень научной разработанности вопросов, связанных с изучением имиджа учреждений здравоохранения, в зарубежной литературе незначительна и не соответствует их актуальности [см., напр.: 12—13]. В связи с этим возникает необходимость социологической разработки рассматриваемой проблематики в русле интегрального подхода.

Материалы и методы. Эмпирической базой исследования стали материалы авторского исследования, проведенного в марте 2017 г. в г. Волгограде с использованием метода анкетирования ($n = 300$, выборка репрезентативная, маршрутно-квотная, квоты по полу и возрасту). Выводы исследования основываются также на материалах 20 глубинных интервью с волгоградцами (выборка «восьмиоконная» по методу, разработанному И. Е. Штейнбергом [14]).

Результаты исследования. Процесс формирования имиджа медицинского учреждения, будучи многоаспектным и сложным, предусматривает учет влияния комплекса факторов, связанных с кадровым обеспечением, ценовой политикой, качеством оказываемых услуг и реализацией клиентоориентированного подхода в обслуживании. Участникам анкетного опроса было предложено определить наиболее значимые имиджеобразующие факторы.

Анализ полученных данных показал, что в группу наиболее важных факторов входят такие характеристики, как отношение медицинских работников к пациентам, материально-техническая база учреждения, доступность медицинской помощи и ее качество (табл. 1).

Материалы глубинных интервью подтвердили значимость перечисленных факторов. *«Для меня наиболее ценным является, конечно, то, как меня лечит/будут: если ко мне относиться посредственно будут в медицинском учреждении, то, естественно, я туда больше даже обратиться не захочу. Другое дело, когда к каждому пациенту индивидуальный подход, и не просто выписывают рецепт и «идите в аптеку, лечитесь сами», а советуют, как и что лучше, пытаются успокоить и посоветовать не как бездушные врачи, а как такие же люди»* (женщина, 45 лет).

Таблица 1

Распределение ответов респондентов на вопрос «Какие факторы в процессе формирования имиджа учреждений здравоохранения г. Волгограда Вы считаете наиболее значимыми?», %*

Вариант ответа	Наиболее значимо	Скорее значимо, чем не значимо	Затрудняюсь ответить	Скорее не значимо, чем значимо	Наименее значимо
Материально-техническая база	40,3	25,0	14,7	9,7	10,3
Обеспеченность врачами кадрами	27,0	20,3	21,0	11,7	20,0
Доступность медицинской помощи	40,0	24,0	6,0	18,0	12,0
Качество медицинской помощи	35,0	23,7	18,3	19,3	3,7
Платность медицинских услуг	22,3	29,7	27,3	17,0	3,7
Отношение медицинских работников к пациентам	43,3	34,7	2,0	17,7	2,3

* Респондент мог выбрать 3 варианта ответа.

В ходе сравнительного анализа социологических данных выяснилось, что большинство опрошенных волгоградцев (67,3 %) позитивно или скорее позитивно оценивают имидж частных клиник, в то время как имиджевые характеристики государственных медицинских учреждений также высоко оценили лишь 35,0 % участников опроса. Отметим важную деталь: 38,6 % респондентов затруднились с ответом на указанный вопрос, оценивая имидж государственных клиник, что косвенно может свидетельствовать об определенных проблемах в реализации имиджеформирующей политики этих учреждений (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов респондентов на вопрос «Как Вы оцениваете имидж учреждений здравоохранения г. Волгограда?», %

Вариант ответа	Частные клиники	Государственные медицинские учреждения
Позитивный	27,3	6,0
Скорее позитивный, чем негативный	40,0	29,0
Негативный	12,0	10,7
Скорее негативный, чем позитивный	18,0	15,7
Затрудняюсь ответить	2,7	38,6

Главным трендом в распределении ответов респондентов в оценке значимых для имиджа показателей деятельности государственных и частных учреждений здравоохранения стала более высокая оценка работы последних. Большая часть опрошенных волгоградцев (64,3 %) полагает, что имеются существенные различия между клиниками разной формы собственности. Если доля респондентов, наиболее высоко оценивших работу государственных лечебно-профилактических учреждений, составила 17,3 %, то придерживающихся аналогичной позиции в отношении частных клиник оказалось в два раза больше. Та же тенденция прослеживается и в материалах глубинных интервью. «И вообще я скорее в частные клиники буду обращаться, потому что там к каждому пациенту индивидуальный подход, не то что в государственных учреждениях здравоохранения, где лишь бы принять пациента и все. “Заходите следующий” — мне это никогда не нравилось, поэтому я предпочитала частные клиники» (женщина, 35 лет).

Распределение ответов респондентов на вопрос о наиболее значимых проблемах в сфере деятельности государственных медицинских учреждений показало, что в восприятии общественности эти проблемы, во-первых, связаны с недостаточным лекарственным обеспечением (такой вариант ответа выбрал каждый второй участник опроса), во-вторых, со слабой материально-технической базой и дефицитом финансирования, в-третьих, с утратой профилактической направленности в работе этих учреждений и значительным износом оборудования и медицинского автотранспорта.

По мнению волгоградцев, в большей степени на имидже государственных клиник отражаются такие стороны их работы, как уровень организации и разнообразие услуг, материально-техническое обеспечение лечебного процесса, качество оказываемой медицинской помощи. При анализе данных по тому же вопросу в отношении частного сектора здравоохранения выяснилось, что иерархия статистически значимых результатов изменилась: на первом месте оказался вариант ответа «характер взаимоотношений между докторами и пациентами», на втором — позиция «докторский состав», на третьем — вариант «материально-техническая база» (табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов респондентов на вопрос
«Какие стороны работы медицинского учреждения, на Ваш взгляд,
в большей мере отражаются на его имидже?», %*

Вариант ответа	Государственные медицинские учреждения	Частные медицинские учреждения
Качество услуг	40,7	25,3
Докторский состав	35,7	50,3
Материально-техническая база	43,7	46,0
Состав пациентов и их отношение к оказываемым услугам	33,0	45,3
Уровень организации и разнообразие содержания услуг	52,0	43,7
Наличие государственной аккредитации	38,0	40,7
Организация лечебного процесса	31,0	45,3
Размер платы за лечение	23,7	20,7
Наличие льгот для определенных категорий граждан	27,0	8,0
Характер взаимоотношений между докторами и пациентами	26,0	54,3
Интенсивность рекламной и пиар-деятельности учреждения	13,3	36,7
Отзывы пациентов	13,3	5,0
Отзывы о работе учреждения представителей власти и управления	14,0	6,7
Затрудняюсь ответить	10,0	3,3

* Респондент мог выбрать 5 вариантов ответа.

На наш взгляд, подобная разница в ответах респондентов объясняется тем, что в их восприятии в частных клиниках в силу их полноценного финансирования проблем с материально-технической базой значительно меньше, что обуславливает приоритетную значимость фактора, связанного с отношениями по линии «врач — пациент».

Оценивая преимущества частных клиник, 82,3 % респондентов указали на то, что в этих медицинских учреждениях бережно относятся к временным затратам пациентов. «Мы можем говорить о таких недостатках государственных учреждений, как очереди, долгий срок записи на прием, который может месяца достигать или более, малое количество специалистов, ну грубо скажем, наплевательское отношение к пациентам. Соответственно, в частных клиниках многие из них устранены, когда мы говорим об очередях и записях на прием, все можно сделать букваль-

но в ближайшие дни, это, пожалуй, самое важное, когда мы говорим о здоровье, то есть нет смысла экономить деньги и пытаться пойти к врачу через месяц, когда ты понимаешь, что тебе нездоровится в настоящий момент, и я считаю, что это главное преимущество частных организаций» (мужчина, 22 года).

Для большей части опрошенных волгоградцев (67,3 %) именно в частных клиниках работают специалисты в области медицины, которые имеют большой стаж работы и обладают достаточным врачебным опытом, в этих медицинских учреждениях уважительно относятся к пациентам (такой вариант ответа предпочли выбрать 65,7 % опрошенных). В восприятии 37,7 % участников опроса преимуществом частного сектора здравоохранения является хорошее техническое оснащение, что значительно упрощает процедуру диагностики и лечения. Каждый третий респондент указал на значимость такого фактора, как удобный график работы, который позволяет пациентам обращаться за помощью даже в выходные дни. Формулируя свои претензии к частным клиникам, почти половина опрошенных указала на высокую цену лечения, что, соответственно, влечет за собой прием определенных категорий граждан, обладающих соответствующим уровнем дохода. «Я когда первый раз пришла в частную клинику, чуть не упала от этих цен. Я понимаю, конечно, что в частных клиниках и врачи квалифицированные, и разнообразия оказываемых услуг больше, но когда там цены такие, что у тебя не то что денег нет, тебе просто жалко такие деньги выкидывать, уж лучше пойти в обычную бюджетную поликлинику и отсидеть очередь, чтобы бесплатно пройти осмотр у врача, а не отдавать за это всю свою зарплату» (женщина, 64 года).

Отвечая на вопрос о наиболее серьезных недостатках деятельности платных клиник, большинство опрошенных (83,7 %) отметили, что не все виды диагностики и лечения доступны в этих медицинских учреждениях. При этом примерно такое же количество респондентов указало на недостаток, связанный с навязыванием дорогостоящих, но не нужных пациентам процедур и видов диагностики. Для 64,3 % участников опроса существенным минусом деятельности частного сектора здравоохранения является узкопрофильность клиник. При анализе полученных данных с учетом пола

респондентов обнаружилась определенная дифференциация в ответах. Так, 30,8 % жительниц Волгограда считают, что медицинские услуги в частных учреждениях здравоохранения являются дорогостоящими, в мужской группе респондентов, согласных с такой точкой зрения, оказалось лишь 9,9 %. Почти для половины опрошенных мужчин значимым недостатком деятельности платных лечебных учреждений является совмещение врачами работы в клиниках разной формы собственности, что снижает качество оказываемой медицинской помощи. Аналогичной позиции придерживаются лишь 27,2 % респондентов-женщин (табл. 4).

Таблица 4

Распределение ответов респондентов на вопрос
«Какие из перечисленных недостатков частных клиник
Вы считаете наиболее серьезными?», %*

Вариант ответа	Мужчины	Женщины
Медицинские услуги в частных клиниках, как правило, являются дорогостоящими	9,9	30,8
Узкопрофильность платной медицины	55,0	71,6
Часто врачи в частных медицинских учреждениях предлагают пациентам дорогостоящие, но ненужные процедуры и виды диагностики	85,5	81,1
Не все виды диагностики и лечения возможны в частных клиниках	93,1	76,3
Врачи в платных клиниках часто совмещают работу с врачебной практикой в государственных медучреждениях, что снижает качество их работы	45,8	27,2
Затрудняюсь ответить	10,7	13,0

* Респондент мог выбрать 3 варианта ответа.

Одним из эффективных инструментов формирования положительного имиджа во внешней среде организации считается использование возможностей официального сайта компании. Волгоградцам, принимавшим участие в опросе, было предложено оценить сайты государственных и частных учреждений здравоохранения по трем параметрам: доступность информации, ее полнота и красочность. Выяснилось, что по первому критерию сайты частных клиник получили более высокую оценку потребителей медицинских услуг: чуть более 60,0 % опрошенных придерживаются такой позиции, в отношении государственных медицинских учреждений

согласных с этой оценкой оказалось на 20,0 % меньше. Диаметрально противоположная ситуация складывается при анализе ответов респондентов по оценке полноты информации, предложенной на сайте: 60,0 % участников опроса высоко оценили по этому критерию сайты государственных учреждений здравоохранения (доля придерживающихся аналогичной позиции в отношении частных клиник оказалась на 16,0 % меньше). По мнению 66,3 % волгоградцев, красочность сайтов лечебных частных учреждений заслуживает высокой оценки (в отношении государственных учреждений процент согласных с такой точкой зрения составил 44,3 %). Таким образом, по двум параметрам из трех сайты платных клиник получили более высокую оценку потребителей.

Материалы глубинных интервью свидетельствуют о том, что государственные учреждения здравоохранения не уделяют должного внимания использованию такого инструмента формирования положительного имиджа, как рекламные мероприятия. *«Мне кажется, что учреждениям здравоохранения не хватает хорошей рекламной кампании, вот если бы население было информировано о льготных предложениях для определенной категории граждан, если бы люди знали о том, что работают в государственных поликлиниках только высокопрофессиональные специалисты, а обслуживание населения происходит на высшем уровне, тогда бы, может, и помогло бы это улучшить имидж, а сейчас волнует это только частные клиники, а для государственных учреждений здравоохранения это не важно»* (женщина, 45 лет). При этом почти каждый второй участник анкетного опроса видел рекламные сюжеты, снятые по заказу частных медицинских учреждений, что свидетельствует об активном использовании ими рекламных инструментов для формирования позитивных представлений потребителей об имидже организаций. *«Я уже со счета сбилась, сколько за все время видела рекламы частных клиник. Постоянно крутят рекламу “Медси”, “Инвитро”, “Диалайн” и еще делают ее таким образом, чтобы она запомнилась надолго. Ну, знаете, вставляют какой-нибудь слоган наподобие “Вам помогут здесь и сейчас, выбирайте быстрее нас”* (женщина, 35 лет).

Респондентам было предложено выступить в роли экспертов и предложить меры по улучшению имиджа государ-

ственных клиник. В восприятии 52,7 % респондентов этим медицинским учреждениям следует повысить уровень сервиса и обслуживания населения, снизить цены на платные услуги (так думают 45,7 % опрошенных), привлечь к работе высокопрофессиональных специалистов (такой точки зрения придерживаются 42,0 % участников опроса), улучшить техническую базу (38,3 % волгоградцев выразили такое мнение), активизировать рекламную деятельность (37,7 % респондентов выбрали данный вариант ответа). Результаты анкетного исследования подтверждаются материалами глубинных интервью. *«Ну, соответственно, что мы говорили про формирование имиджа, это элементарно нужно улучшать условия, в которых содержатся как пациенты, которые приходят в государственные учреждения здравоохранения, так и собственно работающие там специалисты. Но я думаю, что все-таки большая часть вещей зависит от финансирования, соответственно, есть проблемы с недофинансированием, и нужно уже плясать от этого. По крайней мере, мы можем смотреть на больничный комплекс, не вдаваясь в какие-то подробности финансовых и материальных сторон вопроса, можем посмотреть, насколько там успешно проходит реконструкция, и, действительно, приятно сейчас находится в этой больнице, ведь она вышла уже на уровень частных клиник»* (мужчина, 22 года).

Рассматривая варианты привлечения пациентов в платные клиники в будущем, 63,3 % волгоградцев предложили улучшить техническую базу, 58,3 % — повысить уровень обслуживания потребителей медицинских услуг. Каждый второй опрошенный высказался за более обдуманную ценовую политику, связанную со снижением платы за лечение. Аналогичный вариант рекомендации был предложен и информантами во время проведения глубинных интервью: *«Не знаю, насколько будет корректно говорить о снижении цен, но я думаю, это, по крайней мере, актуально всегда, или снижение цен помогло бы продвинуть услуги, сделать их более популярными среди населения города. Но если не снижение цен, то можно говорить о каких-то акциях, которые будут более широко освещаться в той же рекламе, что тоже будет влиять на формирование имиджа частных клиник»* (мужчина, 35 лет).

Чуть более 40,0 % респондентов видят увеличение потока пациентов в частный сектор здравоохранения за счет сокращения количества государственных клиник в ближайшем будущем. Если для 32,8 % мужчин, принявших участие в анкетном опросе, формирование социального имиджа частных клиник является эффективным способом повышения потребительского спроса, то в женской группе солидарных с такой позицией оказалось меньше более чем в два раза (табл. 5).

Таблица 5

Распределение (с учетом пола респондентов) ответов на вопрос «Что из перечисленного, по Вашему мнению, больше всего привлечет пациентов в частные клиники в будущем?», %

Вариант ответа	Мужчины	Женщины
Привлечение к работе специалистов	24,4	20,1
Активизация рекламной кампании	25,2	26,0
Формирование социального имиджа частных клиник	32,8	15,4
Сокращение государственных учреждений здравоохранения	42,0	42,0
Снижение цен	51,9	53,8
Повышение уровня сервиса и обслуживания населения	53,4	62,1
Улучшение технической базы клиник	55,0	69,8
Затрудняюсь ответить	15,3	10,7

Приведенные в табл. 5 данные показывают, что если доля респондентов мужского пола, считающих необходимым для платных клиник улучшение технической базы, составила 55,0 %, то среди женщин она оказалась на 14,8 % больше. Таким образом, дифференцирующим фактором в распределении ответов респондентов на указанный вопрос стала половая принадлежность опрошенных.

Обсуждение и заключения. Анализ полученной социологической информации позволил нам выявить группу факторов, наиболее важных с точки зрения формирования положительного имиджа медицинского учреждения, в которую входят такие характеристики, как отношение медицинских работников к пациентам, материально-техническая база учреждения, доступность медицинской помощи и ее качество. Данные комплексного социологического исследования, основанного на использовании методов как количественной, так и качественной социологии, свидетельствуют о том, что

большинство опрошенных волгоградцев позитивно оценивают имидж частных клиник, в то время как имиджевые характеристики государственных медицинских учреждений не получили настолько высокой оценки. Во многом такое мнение обусловлено наличием проблем в деятельности государственного сектора здравоохранения, которые связаны со слабой материально-технической базой, с недостаточным лекарственным обеспечением, дефицитом финансирования, утратой профилактической направленности в работе этих учреждений и значительным износом оборудования и медицинского автотранспорта. Позитивная оценка имиджа частных клиник мотивируется наличием таких преимуществ, как бережное отношение к временным затратам пациентов, привлечение к работе опытных специалистов, клиентоориентированная политика учреждения, удобный график работы. Данные нашего исследования демонстрируют наличие проблем в реализации имиджеформирующей политики волгоградских государственных учреждений здравоохранения в части использования ресурсов маркетинговых коммуникаций. Руководство медицинских учреждений, находящихся в государственной собственности, не уделяет должного внимания рекламной деятельности, в то время как в условиях нарастающей конкуренции на рынке медицинских услуг именно рекламные инструменты становятся наиболее эффективным способом увеличения потребительского спроса.

В восприятии волгоградцев улучшение имиджа государственных клиник возможно при условии повышения уровня сервиса и обслуживания населения, снижения цен на платные услуги, повышения уровня квалификации кадрового состава, модернизации материально-технической базы, интенсификации рекламной деятельности. По мнению жителей города, рост потребительского спроса на услуги частной медицины в будущем возможен за счет комплекса мер, предусматривающих улучшение технического оснащения клиник, повышение уровня обслуживания потребителей медицинских услуг, реализации эффективной ценовой политики, связанной со снижением платы за лечение.

В процессе формирования положительного имиджа учреждений здравоохранения стратегически важным становится использование такого инструмента, как периодический мониторинг общественного мнения, осуществляемый соот-

ветствующими подразделениями медицинских учреждений или привлекаемыми извне специалистами, который позволит выявить требования потребительской аудитории к имиджу организации, проблемные зоны в его функционировании, скорректировать долгосрочные и среднесрочные планы его развития, выработать сбалансированную стратегию формирования или коррекции имиджа.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Морозова И.А., Курбатова Ю.А., Оленева А.В. Создание положительной деловой репутации российских компаний в рамках социально-ориентированной экономики // Государственный советник. 2014. № 1. С. 65—72. URL: <https://gossovetnik.files.wordpress.com/2013/05/14-01.pdf> (дата обращения: 19.06.2017).
2. Шкардун В.Д., Ахтямов Т.М. Оценка и формирование корпоративного имиджа предприятия // Маркетинг в России и за рубежом. 2001. № 3. С. 68—77. URL: <http://www.cfin.ru/press/marketing/2001-3/12.shtml> (дата обращения: 19.06.2017).
3. Афанасьев А.А., Светлова С.И., Смородина Е.Н. Влияние качества обслуживания на выручку аптек в условиях конкуренции // Маркетинг в России и за рубежом. 2005. № 3. С. 76—89. URL: <http://www.mavriz.ru/articles/2005/3/4401.html> (дата обращения: 19.06.2017).
4. Богданова Ю.Н. Выявление факторов, определяющих поведение потребителей на фармацевтическом рынке // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2013. № 4. С. 79—81. URL: <https://journal.tltsu.ru/rus/index.php/Vectorscience/article/view/2399> (дата обращения: 19.06.2017).
5. Мамаева В.Ю., Мацько В.В. Стратегия формирования имиджа медицинской организации // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2012. № 3. С. 132—134. URL: http://journal.omeco.ru/ru/archive/doc/2012_03.pdf (дата обращения: 19.06.2017).
6. Тхориков Б.А., Спичак И.В. Технология управления имиджем лечебно-профилактического учреждения // Курский научно-практический вестник «Человек и его здоровье». 2008. № 1. С. 114—118. URL: <http://www.kursk-vestnik.ru/archive/rus/92/html/> (дата обращения: 19.06.2017).
7. Алиев М.А., Насрулаева П.М. Организационно-экономические особенности маркетинговых инструментов управления развитием платных медицинских услуг // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2008. № 2. С. 45—49. URL: http://izvdgpu.ru/upload/OG/og_2008_2.pdf (дата обращения: 19.06.2017).
8. Ямщиков А.С., Маева Е.И. Теоретические и методологические основы маркетинга медицинских учреждений // Менеджер здравоохранения. 2011. № 10. С. 28—35. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-i>

metodologicheskie-osnovy-marketinga-meditsinskih-uchrezhdeniy (дата обращения: 19.06.2017).

9. Оловянишникова И.В. Управления качеством медицинских услуг в современных условиях хозяйствования // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2011. № 3. С. 207—211. URL: <https://journal.tltsu.ru/rus/index.php/Vectorscience/article/view/6820> (дата обращения: 19.06.2017).

10. Демченко С.Г., Файзханова А.Л. Формирование конкурентной среды на рынке медицинских услуг // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2014. № 1. С. 99—107. URL: <https://vivliophica.com/articles/medicine/219300/1> (дата обращения: 19.06.2017).

11. Файзханова А.Л. Развитие конкурентных преимуществ лечебно-профилактических учреждений на основе программы лояльности // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. № 4. С. 191—197. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-konkurentnyh-preimuschestv-lechebno-profilakticheskikh-uchrezhdeniy-na-osnove-programmy-loyalnosti> (дата обращения: 19.06.2017).

12. Frasca R., Schneider M. Press Relations: A 14-Point Plan for Enhancing the Public Image of Health Care Institutions // Health Care Management Review. 1988. Vol. 13, issue 4. Pp. 49—57.

13. Friedman E. What's eroding the hospital's image? // Hospitals. 1985. Vol. 59, issue 18. Pp. 76—84.

14. Штейнберг И.Е. Логические схемы обоснования выборки для качественных интервью: «восьмиугольная» модель // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2014. № 38. С. 38—71. URL: http://www.isras.ru/index.php?page_id=2384&id=3770&l= (дата обращения: 19.06.2017).

Заявленный вклад авторов:

КУЗЕВАНОВА Ангелина Леонидовна — постановка научной проблемы статьи и определение основных направлений ее решения, определение теоретико-методологических основ исследования, написание статьи.

САВЕЛЬЕВА Мария Юрьевна — актуализация практических приложений результатов исследования, доработка статьи.

Для цитирования: Кузеванова А.Л., Савельева М.Ю. Имидж учреждений здравоохранения в восприятии региональной общественности // РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY. 2017. Т. 25, № 4. С. 610—627.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

A. L. Kuzevanova, M. Yu. Savelyeva. Image of Healthcare Institutions in the Perception of Regional Public

Key words: region; image; health care; public opinion; public healthcare institutions; private clinics; doctors; patients; quality of medical care

Introduction: current socio-economic conditions make the issue of formation of positive image of healthcare institution topical. Identifying its main characteristics with the help of sociological methods has become a priority for medical organizations seeking to take into account the consumer preferences and to adjust the substance of their activities.

Materials and Methods: conclusions and recommendations contained in the article are based on the results of the authors' sociological research held in Volgograd in March 2017 using the methods of questionnaires (representative route and quota sampling method) and in-depth interviews. With the direct participation of the authors, 300 Volgograd residents were surveyed, 20 in-depth interviews were conducted.

Results: analysis of the obtained sociological data showed that the majority of Volgograd residents have a positive or rather positive attitudes about the image of private clinics, while the image characteristics of public medical institutions were highly appreciated by only slightly more than a third of the survey participants. In the perception of the public, the problems in the public sector of healthcare are related to the poor material and technical base, the lack of medicines supplies, the lack of funding, the loss of preventative focus in the work of these institutions and the significant wear of equipment and medical vehicles. The in-depth interviews indicate that public health institutions do not pay enough attention to the use of such a tool of forming a positive image as a promotional event.

Discussion and Conclusions: in the opinion of the Volgograd residents, to improve their image, public medical institutions should improve the quality of services provided to the population, lower prices for the paid services, employ highly qualified specialists, improve the technical base and intensify promotional activities. Private clinics need to improve the technical base, the level of services provided to the consumers of medical services, to implement more deliberate pricing policy associated with a reduction in treatment charges.

REFERENCES

1. Morozova I.A., Kurbatova Yu.A., Oleneva A.V. [Creating a Positive Business Reputation of Russian Companies within the Socially-Oriented Economy]. *Gosudarstvennyj sovetnik* = The State Counsellor. 2014; 1:65—72. Available at: <https://gossovetnik.files.wordpress.com/2013/05/14-01.pdf> (accessed 19.06.2017). (In Russ.)

2. Shkardun D.V., Akhtyamov T.M. [Assessment and Formation of the Corporate Image of a Company]. *Marketing v Rossii i za rubezhom* = Marketing in Russia and Abroad. 2001; 3:68—77. Available at: <http://www.cfin.ru/press/marketing/2001-3/12.shtml> (accessed 19.06.2017). (In Russ.)

3. Afanasiev A.A., Svetlova S.I., Smorodina E.N. [Impact of Service Quality upon Revenue of Pharmacies in Terms of Competition]. *Marketing v Rossii i za rubezhom* = Marketing in Russia and Abroad. 2005; 3:76—89. Available at: <http://www.mavriz.ru/articles/2005/3/4401.html> (accessed 19.06.2017). (In Russ.)

4. Bogdanova Yu.N. [Understanding the Determinants of Consumer Behavior in the Pharmaceutical Market]. *Vektor nauki Tol'jattinskogo gosudarstvennogo universiteta* = Science Vector of Togliatti State University. 2013; 4:79—81. Available at: <https://journal.tltsu.ru/rus/index.php/Vectorscience/article/view/2399> (accessed 19.06.2017). (In Russ.)
5. Mamaeva V.Yu., Matsko V.V. [Image Formation Strategy for Medical Organization]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Jekonomika»* = Herald of Omsk University. Series “Economics”. 2012; 3:132—134. Available at: http://journal.omeco.ru/ru/archive/doc/2012_03.pdf (accessed 19.06.2017). (In Russ.)
6. Tkhorikov B.A., Spichak I.V. [The Research and Estimation of Internal Image of a Hospital]. *Kurskij nauchno-prakticheskij vestnik «Chelovek i ego zdorov'e»* = Kursk Scientific and Practical Bulletin “Man and His Health”. 2008; 1:114—118. Available at: <http://www.kursk-vestnik.ru/archive/rus/92/html/> (accessed 19.06.2017). (In Russ.)
7. Aliev M.A., Nasrulaeva P.M. [Organizational and Economic Particularities of Marketing Instruments of Management of Paid Medical Services' Development]. *Izvestija Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Obshhestvennye i gumanitarnye nauki* = News of Dagestan State Pedagogical University. Public and Humanities. 2008; 2:45—49. Available at: http://izvdggu.ru/upload/OG/og_2008_2.pdf (accessed 19.06.2017). (In Russ.)
8. Yamshikov A.S., Maeva E.I. [Theoretical and Methodology Basics of Medical Institutions Marketing]. *Menedzher zdavooohranenija* = Manager of Health Care. 2011; 10:28—35. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-i-metodologicheskie-osnovy-marketinga-meditsinskih-uchrezhdeniy> (accessed 19.06.2017). (In Russ.)
9. Olovanishnikova I.V. [Quality Managements of Medical Services in Modern Conditions of Managing]. *Vektor nauki Tol'jattinskogo gosudarstvennogo universiteta* = Science Vector of Togliatti State University. 2011; 3:207—211. Available at: <https://journal.tltsu.ru/rus/index.php/Vectorscience/article/view/6820> (accessed 19.06.2017). (In Russ.)
10. Demchenko S.G., Fayzkhanova A.L. [Organisation of Competitive Environment at Medical Services Market]. *Vestnik Astrahanskogo gosudarstvennogo tehnikeskogo universiteta. Seriya Jekonomika* = Vestnik of Astrakhan State Technical University. Series: Economics. 2014; 1:99—107. Available at: <https://vivliophica.com/articles/medicine/219300/1> (accessed 19.06.2017). (In Russ.)
11. Faizkhanova A.L. [Developing the Competitive Advantages of Curing-Prevention Establishments Basing on the Loyalty Program]. *Aktual'nye problemy jekonomiki i prava* = Actual Problems of Economics and Law. 2013; 4:191—197. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-konkurentnyh-preimuschestv-lechebno-profilakticheskikh-uchrezhdeniy-na-osnove-programmy-loyalnosti> (accessed 19.06.2017). (In Russ.)
12. Frasca R., Schneider M. Press Relations: A 14-Point Plan for Enhancing the Public Image of Health Care Institutions. *Health Care Management Review*. 1988; 4(13):49—57.
13. Friedman E. What's Eroding the Hospital's Image? *Hospitals*. 1985; 18(59):76—84.

14. Steinberg I.E. [A Logical Scheme to Justify the Sample in Qualitative Interview: An “8-Window Sample Model”]. *Sociologija: metodologija, metody, matematicheskoe modelirovanie* = Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling. 2014; 38:38—71. Available at: http://www.isras.ru/index.php?page_id=2384&id=3770&l= (accessed 19.06.2017). (In Russ.)

Contribution of the authors:

Angelina L. Kuzevanova — statement of the scientific problem of the article and identification of the main ways to solve it, determination of the theoretical and methodological foundations of the research, writing the article.

Maria Yu. Savelyeva — implementation of practical applications of the research results, revision of the article.

About the authors:

Angelina L. Kuzevanova, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy and Sociology, Volgograd Institute of Management, branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (8 Gagarina St., Volgograd, 400005, Russia) (*e-mail*: angelina2000@list.ru). ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3575-4828>

Maria Yu. Savelyeva, Student of Volgograd Institute of Management, branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (8 Gagarina St., Volgograd, 400005, Russia) (*e-mail*: marial695@yandex.ru). ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2965-9397>

For citation: Kuzevanova A.L., Savelyeva M.Yu. Image of Healthcare Institutions in the Perception of Regional Public. *REGIONOLOGIYA* = *REGIONOLOGY*. 2017; 4(25):610—627.

All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила/Submitted 04.09.2017.

В. М. СИДОРКИНА И. М. ФАДЕЕВА

СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ В РЕГИОНАЛЬНОМ СОЦИУМЕ: ФАКТОРЫ ИЗМЕНЕНИЙ

Ключевые слова: трансформация семейных ценностей; региональный социум; глобализация; виртуализация; учащиеся светских и духовных учебных заведений; студенты вузов; молодые ученые; конвергенция ценностей; отложенный брак; позднее материнство и деторождение

Введение: цель статьи — выявить наиболее значимые тренды трансформации семейных ценностей в региональных социумах, влияние на них институциональных факторов (Интернет, религия, образование, карьера), а также процессов глобализации. Актуальность темы заключается в постановке проблемы конвергенции ценностей (включая семейные) под влиянием процессов общественных изменений (глобализация, формирование сетевого общества) и обретения общих черт социальными институтами, независимо

СИДОРКИНА Валентина Михайловна, доцент кафедры социологии Национального исследовательского Мордовского государственного университета, кандидат философских наук (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68) (e-mail: sidorkinavm@yandex.ru). ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1575-9146>

ФАДЕЕВА Ирина Михайловна, профессор кафедры социологии Национального исследовательского Мордовского государственного университета, доктор социологических наук (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68) (e-mail: fadeeva5@yandex.ru). ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4501-5770>

© Сидоркина В. М., Фадеева И. М., 2017

от территории локализации. Несмотря на то что в социологических опросах семья занимает высокие позиции, происходит изменение этой ценности в сторону отложенного брака, позднего деторождения, которые наблюдаются как в развитых странах, так и в России. Это является следствием повышения уровня образования, ориентации женщины на карьеру, что стало характерным для молодежи.

Материалы и методы: в основе работы лежат результаты социологических исследований, в которых принимали участие авторы статьи: 1) опрос «Ценности виртуального сообщества» в 2015 г. ($n = 216$); 2) опрос «Ценности студентов Мордовского государственного университета, Саранского духовного Православного училища и Пензенской духовной семинарии» в 2017 г. ($n = 491$); 3) опрос «Отношение общества к позднему деторождению» в 2017 г. ($n = 112$), проведенный в Республике Мордовия. Метод — анкетирование.

Результаты исследования: даны результаты опросов, исследующих семейные ценности в региональном социуме, выделены проблемные зоны конвергенции ценности семьи под влиянием институциональных факторов (Интернет, религия, образование, карьера), формирования сетевого общества, а также процесса глобализации в пространстве российских регионов. Выявлены внутрисистемные изменения семейных ценностей в условиях трансформации российского общества, выделены проявления конвергенции семейных ценностей россиян с западными ценностями, а также их последствия. Определены факторы и намечены направления трансформации семейных ценностей под их влиянием, а также описаны внутрисистемные противоречия, которые необходимо учитывать при решении задач семейной политики.

Обсуждение и заключения: семейные ценности рассматриваются как групповые представления социума (в данном случае — регионального) относительно институтов семьи и брака, деторождения, отцовства, материнства, отношения общества к выполнению соответствующих ролей. В последние два десятилетия под влиянием ряда факторов общественных изменений (Интернет, образование, карьера, религия) семья как институт подвергается трансформации. Несмотря на высокие позиции ценности семьи в сознании населения (1—2-е места у средних возрастных поколений, 3—4-е места у молодежи), стали наблюдаться такие явления, как отложенные браки, позднее материнство и деторождение. Катализаторами этих тенденций становятся глобализация, формирование сетевого общества и влияние СМИ, тиражирующие образцы нового поведения, в том числе без семьи и детей.

Введение. Ценности представляют собой устойчивые отношения людей к реалиям жизни, имеющие оценочный характер, выявляющие их положительное или отрицательное значение, степень важности для себя.

В последнее время трансформация института семьи дискутируется в контексте перспектив развития России и

ее регионов, явных и скрытых семейно-демографических проблем. Вектор семейной политики обращен к социальным институтам, которые активно взаимодействуют с семьей и поддерживают желаемые изменения в ней, а также к региональным практикам, которые формируют социальный ландшафт российского общества. С другой стороны, изменения в самих социальных институтах, процессы глобализации социума имеют неоднозначные последствия для института семьи, унифицируя и универсализируя структуру общества и ее ценностную систему без привязки к локальной территории.

Под влиянием процесса глобализации меняются ценностные структуры, включая семью и ее производные системы (деторождение, воспитание и др.). Этот процесс в основном связан с ориентацией общества на индивидуальную достижительность (карьера, статус, успех как цель существования индивидов) и комфортность как условие, благоприятствующее существованию и функционированию индивида и социума. Это влечет за собой трансформацию ценностной иерархии, где семья, деторождение перестают быть неотъемлемыми ценностями и реализуются лишь при определенных условиях, что отвечает процессам социальных изменений, характеризующимся как конвергентные.

Обзор литературы. Исследователи, занимающиеся проблемой ценностей, отмечают, что в общественном и индивидуальном сознании они имеют определенную иерархию, представляют систему [1—2]. Особое место в этой системе отводится базовым или традиционным ценностям, которые наиболее устойчивы, отселектированы историческим опытом поколений, практически не подвержены трансверсии, т. е. смысловому изменению, в отличие от, например, нравственных или политических ценностей, которые могут менять значение, вплоть до противоположного (индивидуализм, коллективизм, справедливость и др.). К таким базовым ценностям относятся брак, семья, дети, здоровье и др. Однако и эти ценности реализуются в изменяющихся практиках, демонстрируют новые возможности и векторы. Ценности, в том числе семейные, как один из важных регуляторов функционирования социума представляют исследовательский интерес.

Опираясь на прочную социологическую основу, заложенную в трудах М. Вебера¹, Э. Дюркгейма², М. Рокича³, теорию ценностей и ценностных ориентаций развивали Д. А. Леонтьев [3], А. Г. Здравомыслов⁴. В настоящее время наибольший интерес вызывают процессы трансформации ценностной системы российского общества в контексте появления новых глобальных, информационных и экономических реалий. Т. А. Рассадина анализирует не только векторы изменений в ценностных ориентациях, но и новые социальные риски, выступающие факторами этих изменений [4].

В этом контексте семейные ценности рассматриваются как групповые представления социума (в данном случае регионального) относительно институтов семьи и брака, деторождения, отцовства, материнства, отношения общества к выполнению соответствующих ролей. Выделяется большая группа отечественных исследователей, которые занимаются изучением институтов семьи и брака, отцовства и материнства, детства и др. [5—7].

Проблемы семейных ценностей являлись предметом изучения исследователей из российских регионов, которые рассматривают их в качестве сигналов институционально закрепленных норм. Мониторинговые социологические исследования ценностных ориентаций населения, проводимые в Республике Мордовия (1993, 1996, 2000, 2004, 2009 гг.)⁵, а

¹ См.: Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / пер. с нем. М.И. Левиной. М.: Бизнеском, 2013. 321 с.

² См.: Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / пер. с фр.; изд. подгот. А.Б. Гофман; примеч. В.В. Сапова. М.: Наука, 1991. 572 с.

³ См.: Rokeach M. The Nature of Human Values by Milton Rokeach. N. Y.: The Free Press, 1973. 438 p.

⁴ См.: Здравомыслов А.Г. Потребности. Интересы. Ценности. М.: Политиздат, 1986. 223 с.

⁵ См.: Резервы гармонизации социальных отношений в Мордовии: итоги анкетного опроса / НИИ регионологии. Саранск, 1994. 256 с.; Резервы гармонизации социальных отношений в Мордовии. Вып. II: итоги анкетного опроса / НИИ регионологии. Саранск, 1996. 268 с.; Резервы гармонизации социальных отношений в Мордовии. Вып. III: итоги анкетного опроса / НИИ регионологии. Саранск, 2000. 240 с.; Резервы гармонизации социальных отношений в Мордовии. Вып. IV: итоги анкетного опроса / НИИ регионологии. Саранск, 2004. 192 с.; Факторы и механизмы гармонизации социальных отношений в Республике Мордовия: моногр. / науч. ред. проф. А.И. Сухарев / НЦСЭМ РМ. Саранск, 2009. 216 с.

также в других российских регионах⁶, подтвердили базовый характер ценности семьи.

На трансформацию института семьи, следствием чего являются отложенные браки и позднее деторождение, которые прослеживаются в развитых странах, указывают и зарубежные исследователи [8]. Исследователи считают, что формирование установок на деторождение связано с влиянием факторов микроуровня (взаимоотношения между партнерами), мезоуровня (социальные отношения и социальные сети) и макроуровня (культурные и институциональные установки). Ученые показывают, что существует обратная связь между образованием и деторождением, которое меняет последующие роли женщины [9]. Фертильное поведение также зависит от других членов общества, так называемых социальных сетей [10], на родительство оказывает влияние образовательная асимметрия среди партнеров [11].

Материалы и методы. Для изучения факторов, влияющих на семейные ценности, использованы результаты трех анкетных опросов, проведенных в молодежной среде среди студентов Мордовского университета («Ценности виртуального сообщества», 2015 г., $n = 216$; опрашивались студенты пяти факультетов и институтов Национального исследовательского Мордовского государственного университета по гуманитарным, естественно-научным и техническим направлениям подготовки с разной степенью включенности в виртуальное общество); учащихся светских и духовных училищ, расположенных в г. Саранске и г. Пензе («Ценности студентов Мордовского государственного университета, Саранского духовного православного училища и Пензенской духовной семинарии», 2017 г., возраст респондентов — от 17 до 30 лет, $n = 491$), а также опроса относительно позднего деторождения, проведенного среди населения Республики Мордовия («Отношение общества к позднему деторождению», 2017 г., $n = 112$). В каждом случае рассматривались вопросы, касающиеся отношения респондентов к семье как ценности, а также выделялись факторы, которые ведут к ее

⁶ См.: Сидоркина В.М. Некоторые региональные особенности ценностных ориентаций населения // Гармонизация социальных отношений в полиэтническом регионе: I Сухаревские чтения: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, 23—24 дек. 2011 г.: в 2 т. Саранск, 2012. Т. 1. С. 63—66.

трансформации. Основным методом для написания работы послужило анкетирование.

Результаты исследования. Как показало исследование, все более значимым фактором влияния на социальное поведение в современных условиях выступает Интернет и его следствие — общение в социальных сетях. Проведенный в 2015 г. опрос студентов Национального исследовательского Мордовского государственного университета выявил определенные различия в отношении к семье среди студенческой молодежи, в разной степени включенной в виртуальное общение. Выяснилось, что для респондентов, «слабо включенных» в виртуальное сообщество, семья является базовой ценностью. В этой группе ее как одну из важных ценностей указали почти три четверти респондентов (73,6 %), в иерархии она занимает второе место, незначительно уступая ценности здоровья. Однако уже для «средне включенных» в виртуальное общество ценность семьи снижается более чем на 10 пунктов (62,7 %), хотя она по-прежнему остается второй по важности (после здоровья). Зато в группе «сильно включенных» в виртуальное общение семью выбрали еще меньше респондентов (36,8 %), в их иерархии она занимает только восьмое место. Такие значительные изменения, сдвиги в отношении к семье являются, на наш взгляд, одной из наиболее выраженных особенностей, присущих современным виртуальным молодежным сообществам.

Другим фактором влияния на ценностную структуру общества выступает религия. Поскольку вторичный период социализации проходит в образовательных учреждениях, то тип образовательной организации (светский или духовный) выступает дифференцирующим религиозным признаком у обучающихся (включая их принадлежность к вере). Сравнительный анализ ценностных предпочтений учащихся светских и духовных учебных заведений (опрос проводился в январе 2017 г. среди студентов Национального исследовательского Мордовского государственного университета, Саранского духовного православного училища и Пензенской духовной семинарии) показал достаточно значимые различия у респондентов по отношению к семье. В общей иерархии представленного ценностного набора у светских студентов семья заняла четвертое место (45,2 %), уступив таким ценностям, как здоровье (57,1 %), взаимопомощь (50,0 %), доброта

(47,6 %), у студентов духовных училищ — восьмое-девятое место (30,9 %) наряду с ценностью здоровья. Данные опроса также свидетельствуют о том, что в семьях семинаристов, где доминируют религиозные ценности (79,3 %), вероятно, духовно-нравственные принципы формируют иную иерархию ценностных приоритетов и смыслов (любовь, служение, забота, уважение и др.), значимых для служения церкви.

В определенной мере указанная смысловая конструкция дополняется информацией следующего содержания о том, какие принципы приоритетны в семьях учащихся духовных и светских учебных заведений. Данные опроса свидетельствуют о том, что в семьях семинаристов доминируют религиозные ценности (79,3 %), трудолюбие (64,4 %), забота друг о друге (58,6 %), уважительное отношение к старшим (59,8 %), уважение к родному языку, культуре, истории (43,7 %). В свою очередь в семьях студентов светского учебного заведения иерархия принципов выглядит следующим образом: забота друг о друге (69,0 %), уважительное отношение к старшим (63,5 %), трудолюбие (50,0 %), религиозные ценности (32,5 %), уважение к родному языку, культуре, истории (31,7 %). С одной стороны, очевидно, что опрошенные студенты преимущественно из благополучных семей, где забота друг о друге естественна, с другой — доминирование религиозных ценностей накладывает отпечаток на всю систему ценностных ориентаций. Так, среди верующих студентов лишь единицы затруднились с ответом на вопрос о степени и характере религиозности родителей, а среди светских таких было почти 18,0 %.

Представленное распределение ответов, помимо традиционного акцента на религиозные ценности со стороны учащихся духовных учебных заведений, показало незначительность такого варианта ответа, как «невмешательство в дела друг друга, независимость каждого от других» (5,7 %). Семинаристы не придают ему такого значения, как студенты светского учебного заведения, для каждого пятого из которых важность свободы и индивидуализма является значимой характеристикой семейных отношений. Действительно, современное общество все чаще диктует принципы индивидуализма, частной инициативы в ущерб коллективным интересам, что проявляется на межличностном уровне внутри семьи, где каждый ценит личное пространство и

свободу действий. Однако вне сферы религии немалая часть значимых ценностей одинакова у учащихся обоих типов учебных заведений: доброта, бескорыстие, взаимопомощь, любимая работа имеют очень близкие значения. По сути, это сфера интимного гуманизма, результат глобальных гуманизационных процессов последних десятилетий.

Результатом конвергенции семейных ценностей с виртуальными обществом и западными ценностями, обществом потребления становится глобальный тренд на отложенное деторождение и позднее материнство, что стало характерно для значительной части молодежи регионов российской провинции, а не только мегаполисов. Современное институциональное развитие семьи сопряжено с тенденцией увеличения возраста, в котором молодые люди решаются на рождение ребенка, а также кризисными явлениями (семейная нестабильность, малодетность, пассивное репродуктивное поведение, добровольный отказ от рождения ребенка).

В исследовании, проведенном в Республике Мордовия в 2017 г. и посвященном изучению феномена позднего родительства, выявлено, что отложенное деторождение часто связано с приоритетами накопления социального капитала (образование, карьера, жилье и др.), которые предшествуют этапу родительства. Эта тенденция, свойственная постиндустриальному обществу, означает влияние фактора дифференциации семейных и производственных ролей. Большинство опрошенных считают оптимальным возраст вступления в брак от 25 до 30 лет (43,9 %), ряд опрошенных называет его еще выше. В ответах женщин на вопрос «Кто повлиял на Ваше решение стать матерью?» большинство отметили свой осознанный выбор (67,8 %), для 16,4 % женщин стимулом познать радость материнства стало влияние мужа, для 12,6 % — родителей, родственников. Среди женщин выше доля одобряющих позднее родительство (22,0 % одобряют полностью, 8,0 % не одобряют, 67,8 % занимают нейтральную позицию); среди мужчин она несколько ниже (18,2 % одобряют полностью, 16,1 % не одобряют, 64,0 % занимают нейтральную позицию).

В вопросе распространенности позднего деторождения в России большинство информантов отметили, что в последние годы это явление уже не редкость. Подобные тенденции прослеживаются и в развитых странах, где рождение ребенка

после 30 лет распространено практически среди всех женщин и стало социальной нормой. В эпоху глобализации, влияния сетевого общества и общества потребления женщинам все сложнее сделать выбор в пользу деторождения, так как доминирует желание реализовать себя профессионально, сделать карьеру, решить жилищный вопрос, обеспечить финансовую стабильность. Поэтому отложенное деторождение с учетом развития современных медицинских технологий в ближайшей перспективе будет заметным явлением и для российского общества.

Исследования ценностей семьи показывают сложные взаимосвязи между отдельными факторами и процессами, результатом взаимодействия которых выступают заключение брака и рождение детей. По статистике, возрастная группа, в которой чаще всего заключаются браки, с 2010 г. — это группа 25—30-летних по сравнению с группой 18—24-летних, доминирующих до 2010 г.⁷ Как указывалось, одним из факторов, влияющих на ценностную структуру общества, является образование, ценность которого традиционно высока в российском обществе. Как уже отмечалось, чем выше уровень образования и значимости карьеры, тем позднее заключаются браки и планируется деторождение. Такая тенденция объясняется в том числе массовизацией высшего образования, когда его получение связано с достижением более высоких статусных позиций (например, дипломированный специалист имеет больше возможностей на рынке труда и выше степень мобильности), что меняет структуру мотивации прежде всего в сторону профессионального образования и последующей карьеры, а не семьи у значительной части российской молодежи.

Причем показатель брачности среди самых квалифицированных групп молодежи — молодых ученых — еще ниже. В частности, больше половины (54,6 %) молодых ученых в Республике Мордовия не состоят в браке, хотя в целом среди молодежи Республики Мордовия и России он составляет 68,2 и 65,9 % соответственно. Согласно результатам данного исследования, у ученых значительно отложен момент создания семьи и рождения детей: лишь третья

⁷ См.: Демографический ежегодник Республики Мордовия. 2010: стат. сб. Саранск: Мордовиястат, 2010. 199 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 15.07.2017).

часть респондентов имеет детей (37,2 %), среди них только 40,7 % женщин. Если сравнить данную тенденцию в целом по России и по Республике Мордовия, то 81,1 % женщин в России и 84,3 % в Республике Мордовия уже имеют детей в данной возрастной группе (от 23 до 34 лет)⁸.

Термин «конвергенция», на наш взгляд, наиболее адекватно отражает процессы трансформации как мировоззренческих систем, так и их ядра — структуры ценностей в современном российском обществе. Конвергенция — постепенное (под воздействием общих условий социальной среды) формирование одинаковых свойств, качеств различных субъектов. В настоящее время этот термин используется для отражения процесса складывания общих стандартов жизнедеятельности у представителей различных социальных классов, групп, территорий, общественных систем (западных, восточных и т. п.). В систему общих стандартов входят и социальные нормы, отражающие ценностные ориентации. Теория конвергенции расширяет и углубляет свои положения за счет интеграции с социологической методологией, поэтому имеет важное значение для понимания процессов общественных изменений в условиях глобализации, информационного и сетевого общества, широкомасштабной модернизации, появления новых рисков и непредвиденных эффектов.

Обсуждение и заключения. Семейные ценности подвергаются конвергенции под влиянием процессов общественных изменений (глобализация, Интернет, формирование сетевого общества), обретая общие черты независимо от территории локализации. Выявленные тренды трансформации семейных ценностей в региональных социумах обнаруживают влияние на них институциональных факторов: Интернета, религии, образования, карьеры. Семья продолжает оставаться значимой и базовой ценностью, занимая ведущие позиции у разных возрастных групп (1—2-е места у средних поколений или 3—4-е места у молодежи), однако сильны факторы, негативно влияющие на эту ценность. Среди них в краткосрочной перспективе — это образование и карьера, трудовая незанятость (особенно для мужчин) и в долгосрочной — виртуальные сообщества, научная сфера занятости, тиражирование образцов нового поведения без семьи и без

⁸ См.: Осипова О.Ю. Социальный статус молодых ученых в регионе: дис. ... канд. социол. наук. Саранск, 2011. С. 85.

детей (чайлдфри), на которое оказывает влияние не только близкое социальное окружение — родители и друзья, но и глобальные социальные сети и СМИ. Результатом изменения семейных ценностей в региональных социумах становится глобальный тренд на отложенные браки, поздние материнство и деторождение вследствие повышения уровня образования населения (особенно женщин), ориентации на карьеру, включенности значительной части современной молодежи в виртуальное общение и социальные сети.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Беляев И.А. Ценностное содержание целостного мироотношения // Вестник Оренбургского государственного университета. 2004. № 2. С. 9—13. URL: http://vestnik.osu.ru/2004_2/1.pdf (дата обращения: 14.05.2017).
2. Рудкевич Е.Ю. Система ценностей общества: структурный анализ // Власть. 2007. № 1. С. 92—95. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-tsennostey-obschestva-strukturnyy-analiz> (дата обращения: 14.05.2017).
3. Леонтьев Д.А. Ценностные представления в индивидуальном и групповом сознании: виды, детерминанты и изменения во времени // Психологическое обозрение. 1998. № 1. С. 13—25. URL: <http://www.follow.ru/article/344/> (дата обращения: 23.05.2017).
4. Рассадина Т.А. Ценности россиян в условиях общества риска // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2013. Вып. 1. С. 47—53. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennosti-rossiyan-v-usloviyah-obschestva-riska> (дата обращения: 24.05.2017).
5. Асриева С.В. Социокультурная природа семьи и родительства // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 1. С. 143—147. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnaya-priroda-semi-i-roditelstva> (дата обращения: 04.06.2017).
6. Безрукова О.Н. Ценности родительства: структура, типы, ресурсы // Социологические исследования. 2016. № 3. С. 118—127. URL: <http://socis.isras.ru/article.html?id=6107> (дата обращения: 04.06.2017).
7. Дадаева Т.М. Конфликты в молодых городских семьях // РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY. 2015. № 4. С. 148—157. URL: <http://regionsar.ru/ru/node/1432> (дата обращения: 04.06.2017).
8. Balbo N., Billari F.C., Mills M. Fertility in Advanced Societies: A Review of Research // European Journal of Population. 2013. Vol. 29, issue 1. Pp. 1—38. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10680-012-9277-y>
9. Rindfuss R.R., Bumpass L., St John C. Education and Fertility: Implications for the Roles Women Occupy // American Sociological Review. 1980. Vol. 45, issue 3. Pp. 431—447.
10. Bernardi L., Klärner A. Social Networks and Fertility // Demographic Research. 2014. Vol. 30, issue 1. Pp. 641—670. DOI: <https://doi.org/10.4054/demres.2014.30.22>

11. Bauer G., Jacob M. Fertility Decisions and Partnership Context-Effects of Educational Constellations on Family Formation Based on German Mikrozensus Data from 1996—2004 // Kolner Zeitschrift fur Soziologie und Sozialpsychologie. 2010. Vol. 62, issue 1. Pp. 31—60. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11577-010-0089-y>

Заявленный вклад авторов:

СИДОРКИНА Валентина Михайловна — инициация исследования, определение теоретико-методологических основ исследования, написание статьи.

ФАДЕЕВА Ирина Михайловна — поиск аналитических материалов в отечественных и зарубежных источниках, формулирование выводов, написание и доработка статьи.

Для цитирования: Сидоркина В.М., Фадеева И.М. Семейные ценности в региональном социуме: факторы изменений // РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY. 2017. Т. 25, № 4. С. 628—641.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

V. M. Sidorkina, I. M. Fadeeva. Family Values in a Regional Society: Factors of Change

Key words: transformation of family values; regional society; globalization; virtualization; students of secular and theological educational institutions; university students; young scientists; convergence of values; delayed marriage, later motherhood and childbirth

Introduction: the objective of the article is to identify the most significant trends of the transformation of family values in regional societies, the influence of institutional factors (Internet, religion, education, career), as well as the processes of globalization. The relevance of the topic is in the statement of the problem of convergence of values (including the family ones) under the influence of processes of social change (globalization, formation of network society) and finding common features of social institutions, regardless of the site of localization. Despite the fact that in the opinion polls the family is ranked quite high, there is a shift in this value towards delayed marriage, late childbearing, which is the case in developed countries and in the Russian society. This is a consequence of the improving level of education, women's focusing on careers which has become characteristic of the youth.

Materials and Methods: the paper is based on the results of sociological research in which the authors of the article took part: 1) survey "Values of virtual community" in 2015 ($n = 216$); 2) survey "Values of the students of the Mordovia State University, Saransk Theological Orthodox School and Penza Theological Seminary" in 2017 ($n = 491$); 3) survey "Attitudes towards Late Childbearing" in 2017 ($n = 112$) conducted in the Republic of Mordovia. The method used is questionnaire survey.

Results: the results of surveys examining the family values in a regional society were presented; the authors identified the problem areas of convergence of the family values under the influence of institutional factors (Internet, religion, education, career), formation of network society and globalization in the space of the Russian regions. The internal change in family values in the conditions of transformation of Russian society was revealed; the manifestation of the convergence of family values of Russians with Western values and their consequences were identified. The factors and directions of transformation of the family values under their influence were identified, and the internal contradictions that need to be considered when solving problems of family policy were revealed.

Discussion and Conclusions: the family values are considered as group representations of a society (in this case, the regional one) relative to the institutions of family and marriage, childbirth, fatherhood, motherhood, relationship of society to their respective roles. In the last two decades, influenced by a number of factors of social change (Internet, education, career, religion), the family as an institution undergoes transformation. Despite the high ranking of the family values in the minds of the population (1—2 positions among middle-age generations, 3—4 positions among young people), such phenomena as delayed marriages, later motherhood and childbearing are observed. The catalysts of these trends are globalization, formation of network society and the influence of media, duplicating the models of the new behavior, including those without a families and children.

REFERENCES

1. Belyaev I.A. [Value Content of Unique World Relationship]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* = Vestnik of the Orenburg State University. 2004; 2:9—13. Available at: http://vestnik.osu.ru/2004_2/1.pdf (accessed 14.05.2017). (In Russ.)
2. Rudkevich E.Yu. [System of Values in a Society: Structural Analysis]. *Vlast'* = The Power. 2007; 1:92—95. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-tsennostey-obschestva-strukturnyy-analiz> (accessed 14.05.2017). (In Russ.)
3. Leontiev D.A. [Value Orientations in Individual and Group Consciousness: Types, Determinants and Change Over Time]. *Psichologicheskoye obozreniye* = Psychological Review. 1998; 1:13—25. Available at: <http://www.follow.ru/article/344/> (accessed 23.05.2017). (In Russ.)
4. Rassadina T.A. [Russians Values in Sonditions of the Risk Society]. *Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija: Sociologija. Politologija* = Izvestia of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology. 2013; 1:47—53. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennosti-rossiyan-v-usloviyah-obschestva-riska> (accessed 24.05.2017). (In Russ.)
5. Asrieva S.V. [Social and Cultural Nature of the Family and Parenthood]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* = Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts. 2016; 1:143—147.

Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnaya-priroda-semi-roditelstva> (accessed 04.06.2017). (In Russ.)

6. Bezrukova O.N. [Values of Parenthood: Structure, Types, Resources]. *Sotsiologicheskije issledovaniya* = Sociological Studies. 2016; 3:118—127. Available at: <http://socis.isras.ru/article.html?id=6107> (accessed 04.06.2017). (In Russ.)
7. Dadaeva T.M. [Conflicts in Young City Families]. *REGIONOLOGIYA* = REGIONOLOGY. 2015; 4:148—157. Available at: <http://regionsar.ru/ru/node/1432> (accessed 04.06.2017). (In Russ.)
8. Balbo N., Billari F.C., Mills M. Fertility in Advanced Societies: A Review of Research. *European Journal of Population*. 2013; 1(29):1—38. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10680-012-9277-y>
9. Rindfuss R.R., Bumpass L., St John C. Education and Fertility: Implications for the Roles Women Occupy. *American Sociological Review*. 1980; 3(45):431—447.
10. Bernardi L., Klärner A. Social Networks and Fertility. *Demographic Research*. 2014; 1(30):641—670. DOI: <https://doi.org/10.4054/demres.2014.30.22>
11. Bauer G., Jacob M. Fertility Decisions and Partnership Context-Effects of Educational Constellations on Family Formation Based on German Mikrozensus Data from 1996—2004. *Kolner Zeitschrift fur Soziologie und Sozialpsychologie*. 2010; 1(62):31—60. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11577-010-0089-y>

Contribution of the authors:

Valentina M. Sidorkina — initiation of the research, determination of the theoretical and methodological foundations of the research, writing of the article.

Irina M. Fadeeva — search for analytical materials in Russian and foreign sources, drawing conclusions, writing and revision of the article.

About the authors:

Valentina M. Sidorkina, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor at the Department of Sociology, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk, 430005, Russia) (*e-mail*: sidorkinavm@yandex.ru). ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1575-9146>

Irina M. Fadeeva, Doctor of Sociological Sciences, Professor at the Department of Sociology, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk, 430005, Russia) (*e-mail*: fadeeva5@yandex.ru). ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4501-5770>

For citation: Sidorkina V.M., Fadeeva I.M. Family Values in a Regional Society: Factors of Change. *REGIONOLOGIYA* = REGIONOLOGY. 2017; 4(25):628—641.

All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила/Submitted 08.09.2017.

А. Р. АБДУЛЬЗЯНОВ **ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ
НА БЕЗОПАСНОСТЬ
ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ
В РЕГИОНЕ**

Ключевые слова: регион; факторы безопасности; дорожное движение; система безопасности; пешеход; водитель-профессионал; дорожно-транспортное происшествие

Введение: в настоящее время дорожное движение является неотъемлемым элементом организации любого социального пространства, поэтому возникает необходимость обеспечения безопасности дорожного движения для всех его участников. В связи с этим возникает необходимость исследования факторов безопасности и причин аварийности в системе дорожного движения с целью их снижения имеет не только научную, но и практическую значимость и актуальность.

Материалы и методы: статья основана на материалах двух социологических исследований (анкетных опросах), проведенных Центром семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан: исследовании водителей-профессионалов (2016 г., 400 респондентов) и массового опроса (2015 г., 1 600 респондентов) по проблемам безопасности движения в городах этого региона.

Результаты исследования: в результате исследования выявлены две группы факторов, влияющих на безопасность дорожного движения: объективные и субъективные. К первым относятся состояние дорожно-транспортной инфраструктуры (качество дорожного покрытия, разметки, освещенность, протяженность дорог, состояние улично-дорожной сети, парковочных мест и т. д.) и состояние самих транспортных средств (уровень износа, уровень пассивной безопасности и т. д.). Вторые факторы включают уровень транспортной и профессиональной (соблюдение регламента, дисциплины) культуры водителей (употребление алкоголя при управлении транспортным средством), пешеходов (переход в неположенном месте), опыт и мастерство водителей (стаж вождения), сотрудников ГИБДД, уровень знаний правил дорожного движения среди всех участников дорожного движения, психологические качества (быстрота реакции, внимание и т. д.). Согласно опросу, наиболее значимыми факторами, определяющими уровень безопасности

АБДУЛЬЗЯНОВ Артур Рашидович, ведущий научный сотрудник Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан, кандидат социологических наук (420111, Россия, г. Казань, ул. Лево-Булачная, 36а) (*e-mail:* gailj_07@bk.ru). ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2188-4277>

Абдульязнов А. Р., 2017

дорожного движения в Республике Татарстан, являются субъективные, связанные с низким уровнем транспортной культуры как среди водителей, так и среди пешеходов. На третьем месте стоят объективные факторы (связанные с дорожной инфраструктурой), плохое дорожное покрытие, плохая уборка дорог в зимнее время и нехватка скоростных магистралей и развязок, что, безусловно, влияет на рост аварийности на дорогах.

Обсуждение и заключения: дорожное движение как социальный институт удовлетворяет одну из важных потребностей социума в пространственной мобильности людей и грузов. Для того чтобы она успешно была удовлетворена, необходима грамотная и четкая организация системы безопасности дорожного движения. Необходимыми элементами системы должны выступить: своевременное и качественное обучение ПДД не только будущих водителей, но и пешеходов, в процессе социализации в семье начиная с дошкольного возраста; деятельность сотрудников ГИБДД по профилактике аварийности на транспорте, повышению собственной культуры; потенциал социологической науки, проведение постоянных мониторингов безопасности дорожного движения, по выявлению факторов и причин роста аварийности на дорогах, что позволит вовремя предотвращать дорожно-транспортные происшествия.

Введение. Дорожное движение — один из основных элементов организации любого социального пространства. В связи с этим возникает необходимость обеспечения безопасности дорожного движения для всех его участников.

Надо отметить, что издержки от дорожно-транспортного происшествия (ДТП) имеют социально-экономическое измерение, которое выражается в недополнениях в бюджет от смертности экономически активного населения, затратах на медицинское лечение и содержание пострадавших от ДТП, в расходах от разрушений дорожной инфраструктуры и т. д. Исследование факторов безопасности и причин аварийности в системе дорожного движения с целью их снижения имеет научную и практическую значимость и актуальность.

Обзор литературы. Существуют различные подходы к исследованию дорожного движения и его безопасности.

Одни ученые (А. И. Рябчинский, Б. В. Кисуленко и Т. Э. Морозова¹, Ю. М. Немцов и А. В. Майборода², В. С. Юш-

¹ См.: Рябчинский А.И., Кисуленко Б.В., Морозова Т.Э. Регламентация активной и пассивной безопасности автотранспортных средств. М.: Academia, 2006. 432 с.

² См.: Немцов Ю.М., Майборода А.В. Эксплуатация качеств автомобиля, регламентированная требованиями безопасности движения. М.: Транспорт, 1977. 144 с.

ков, Б. С. Юшков и А. М. Бургонутдинов [1], Р. Лин, Д. Кебон и Дж. Коул [2]) в большей степени уделяют внимание механическому аспекту передвижения и эксплуатации транспортных средств и организации дорожно-транспортной инфраструктуры и безопасности.

Другие исследователи интересуются проблемами профилактики детского травматизма через воспитание и обучение культуре безопасного дорожного поведения среди детей и школьников в рамках психолого-педагогических подходов (А. В. Горская³, А. М. Якупов [3]).

Наиболее разработанным направлением является правовое, сосредоточенное на эффективном правовом регулировании безопасности дорожного движения (В. В. Головкин и И. В. Слышалов [4], В. И. Майоров [5], П. В. Молчанов [6] и др.). Социологический аспект этой проблемы является малоисследованным и представлен, в частности, работами Ю. Ю. Антроповой, И. А. Калинина, Г. А. Банных [7—9] (управление безопасностью дорожного движения рассматривается через призму государственно-частного партнерства), Н. В. Сорокиной (исследуется городской транспорт как социокультурный феномен) [10—11].

Материалы и методы. На наш взгляд, дорожное движение — это нормативно регулируемый процесс социального взаимодействия, опосредованный использованием техники (транспортного средства) и дорожной сети. Наличие таких институциональных признаков, как нормы, регулирующие дорожное движение (цель которых — обеспечение безопасности всех его участников), субъекты взаимодействия — участники дорожного движения (обладающие различными ролями и статусами: водитель, пешеход, пассажир, сотрудник ГИБДД), материальная инфраструктура (транспортные средства, дорожная сеть и ее обслуживание) и повторяющиеся практики взаимодействия, позволяет рассматривать дорожное движение в плоскости институционального анализа.

Статья основана на материалах двух социологических исследований (анкетных опросах), проведенных Центром семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан при участии автора. Первое исследование водителей-про-

³ См.: Горская А.В. Педагогическая профилактика детского дорожно-транспортного травматизма в современном мегаполисе: автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2004. 184 с.

фессионалов проведено в сентябре — октябре 2016 г. и касалось, наряду с другими задачами, выявления факторов безопасности, отношения к безопасности дорожного движения, причин ДТП в г. Казани. В опросе участвовали водители автотранспортных хозяйств г. Казани: городского общественного транспорта, пригородных и междугородних рейсов, грузового транспорта, такси. В каждой категории было опрошено не менее 100 респондентов (всего 401 респондент).

Второе исследование, массовый опрос, было проведено в октябре — ноябре 2015 г. по проблемам безопасности движения в городах Республики Татарстан. В нем участвовали респонденты — участники дорожного движения: пешеходы, пассажиры, водители транспортных средств. Объем выборочной совокупности составил 1 600 чел. Применялась квотная выборка респондентов от 18 лет по признакам пола, возраста и места проживания. Опрошено 800 респондентов в Казани и 800 респондентов в других городах региона, ошибка выборки не превышает 5,0 %.

Цель исследования — изучить мнение жителей Республики Татарстан о степени безопасности дорожного движения в городах. Эмпирически задачи исследования решались через изучение таких индикаторов, как оценка безопасности дорожного движения, оценка соблюдения и знания правил дорожного движения (ПДД), удовлетворенность безопасностью дорожного движения, готовность участников дорожного движения к взаимодействию с компетентными органами для укрепления дисциплины на дороге, оценка причин ДТП, оценка деятельности сотрудников дорожной полиции по обеспечению безопасности на дорогах, оценка состояния дорог, отношение к нарушению ПДД детьми и т. д., установки на безопасное поведение на дорогах, меры по усилению безопасности дорожного движения и т. д.

Результаты исследования. Согласно опросу водителей-профессионалов, основными причинами роста ДТП в г. Казани выступают: низкая транспортная культура водителей транспортных средств (73,0 %), низкая транспортная культура пешеходов (34,7 %), отсутствие водительского опыта и мастерства (21,1 %), плохое дорожное покрытие (10,2 %), отсутствие пешеходных переходов (5,3 %).

Больше половины респондентов (56,4 %) заявили, что стараются соблюдать ПДД, 35,5 % отметили, что соблюдают их всегда, 9,8 % действуют как удобнее и быстрее. Большинство водителей-профессионалов (52,1 %) ответили, что всегда соблюдают ПДД, 45,9 % иногда нарушают, 1,5 % часто нарушают, 0,5 % затруднились ответить.

Ответы респондентов о соблюдении ПДД в зависимости от водительского стажа даны в табл. 1.

Таблица 1

Распределение ответов респондентов о соблюдении ПДД в зависимости от водительского стажа, %

Водительский стаж	Всегда соблюдаю	Иногда нарушаю	Часто нарушаю	Затрудняюсь ответить
До 5 лет	53,6	46,4	0,0	0,0
До 15 лет	57,9	40,2	1,9	0,0
Больше 15 лет	44,7	52,0	2,6	0,7

Как видно из табл. 1, чаще всего ПДД нарушают водители, у которых водительский стаж больше 15 лет и от 5 до 15 лет, а меньше всего — начинающие водители со стажем до 5 лет. Водитель занимает главную позицию в дорожном движении, являясь основным субъектом взаимодействия как с пешеходами, так и с пассажирами, обеспечивая, с одной стороны, пространственную мобильность, с другой — ее безопасность. Именно от его модели поведения (опасной/безопасной) зависит безопасность дорожного движения. Однако на модель поведения водителей могут влиять социально-демографические характеристики, которыми они обладают. В связи с этим одна из задач социологического исследования — выявить, какие демографические показатели (пол, возраст, профессиональный стаж) оказывают наибольшее влияние на процесс дорожного движения.

Выделяя в качестве причины ДТП нарушения водителями-профессионалами правил безопасности, следует сказать, что статистика европейских стран говорит о большем риске ДТП для водителей-мужчин, чем для женщин. Женщины реже попадают в опасные ситуации, так как более аккуратны, осторожны и дисциплинированы, лучше соблюдают ПДД. Водители-женщины оказываются в ДТП, как правило, из-за излишней осторожности, нерешительности и недооценки своих сил, а водители-мужчины — из-за чрезмерной самоуверенности и переоценки своих возможностей. Поэтому

уровень смертности в результате ДТП для мужчин в три и более раз выше, чем для женщин⁴.

На вопрос «Кто более аккуратный водитель — мужчина или женщина?» большинство респондентов (64,0 %) ответили, что это мужчины, а 28,9 % отметили, что это не зависит от пола, 6,3 % уверены, что это женщины. На вопрос о количестве ДТП ответы распределились следующим образом: 12,0 % мужчин попадали в аварию один раз, 6,1 % — два раза, 13,0 % — несколько раз, 66,8 % — ни разу, 1 % — много раз; 37,5 % женщин попадали один раз, 12,5 % — два раза, 50,0 % — ни разу.

Более значимым показателем в определении причин ДТП является стаж управления транспортным средством. Больше всего аварий приходится на водителей со стажем вождения до двух лет: в 2015 г. в российских регионах таких ДТП было 14 473 (погибло 1 540 чел., ранено 20 206 чел.), в 2016 г. — 11 960 (погибло 1 154 чел., ранено 16 953 чел.)⁵. Но возраст тоже влияет на уровень аварийности. Как правило, аварии у молодых водителей связаны в основном с рискованной моделью поведения, у пожилых водителей — со здоровьем.

Еще одними показателями, повышающими риск ДТП, являются утомляемость и усталость. Поэтому водители, осуществляющие перевозки пассажиров в общественном транспорте на дальние расстояния, должны проходить медицинский осмотр, чередовать режим труда и отдыха и т. д.

На вопрос «Всегда ли вы соблюдаете режим труда и отдыха?» 23,4 % водителей-мужчин ответили, что всегда, 71,7 % — что не всегда, 4,9 % его не соблюдают, 37,5 % водителей-женщин сказали, что его соблюдают, 62,7 % ответили, что не всегда.

Данные опроса показали, что таксисты перед выходом на работу вообще не проходят медицинское освидетельствование. Водители грузового транспорта делают это раз

⁴ См.: Доклад о безопасности дорожного движения в мире 2015 г. URL: http://www.who.int/violence_injury_prevention/road_safety_status/2015/ru/ (дата обращения: 25.11.2016); Принципы и инструменты повышения безопасности дорожного движения в населенных пунктах: международный опыт. URL: http://www.ador.ru/data/files/static/bdd_01.pdf (дата обращения: 25.11.2016).

⁵ По данным официального сайта Госавтоинспекции. URL: <http://www.gibdd.ru> (дата обращения: 04.08.2017).

в полгода, водители городского общественного транспорта и водители пригородных и междугородних рейсов — каждый раз перед выходом в рейс.

Еще один показатель, влияющий на риск ДТП со стороны водителей, — это управление автомобилем в нетрезвом виде. На вопрос «Садитесь ли Вы за руль в нетрезвом состоянии?» 4,3 % водителей ответили положительно, 95,7 % — отрицательно. Водители со стажем управления более 15 лет чаще других отмечали, что сажались за руль в нетрезвом состоянии. В этой же группе респондентов больше ответов о том, что их чаще лишали водительских прав.

Другая группа показателей, влияющих на состояние аварийности в дорожном движении, связана с состоянием дорожной и транспортной инфраструктуры. Больше трети водителей-респондентов (36,4 %) попадали в аварии из-за плохих дорог, у 63,6 % их не было. Водителям-профессионалам приходится много времени проводить на дорогах Республики Татарстан и г. Казани, поэтому мы спросили их о состоянии дорожной сети и транспортной инфраструктуры в регионе и в целом по России (табл. 2). Больше плохих дорог, по мнению респондентов, в республике и России, дороги в Казани устраивают опрошенных чаще.

Таблица 2

**Распределение ответов о качестве дорог
в России и Республике Татарстан, %**

Территория	Устраивает	Скорее устраивает	Скорее не устраивает	Не устраивает
Казань	22,9	46,7	26,4	4,0
Республика Татарстан	15,3	52,8	28,4	3,5
Россия	9,3	43,7	36,4	10,6

Больше всего респондентов не устраивают (как в г. Казани, так и в целом по республике): плохое дорожное покрытие (70,4 и 77,9 % соответственно), некачественная уборка дорог в зимнее время (47,9 и 48,8 % соответственно) и нехватка развязок и скоростных магистралей (18,5 и 13,7 % соответственно).

По данным ГИБДД, плохое состояние дорожного покрытия — одна из основных причин ДТП. Более того, выявлена тенденция увеличения количества ДТП за последние три года по этой причине (табл. 3).

Таблица 3

Динамика ДТП из-за неудовлетворительного состояния дорог и улиц⁶

Показатель	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г. (III кв.)
Общее количество, случай	51 573	63 093	71 550	348 63
Погибло, чел.	7 038	8 016	7 845	3 406
Ранено, чел.	64 795	79 193	91 208	44 877

По данным опроса водителей-профессионалов, самые частые нарушения случаются на дорогах. Большинство (65,7 %) отметили нарушение скоростного режима, 37,8 % — нарушение движения на перекрестках, 29,0 % — проезд на запрещающий сигнал светофора, 18,5 % — управление транспортным средством в алкогольном опьянении, 9,4 % — пересечение сплошных полос, 2,4 % — наезд на пешехода. В тройку грубых правонарушений, согласно последнему, вошли: употребление алкоголя за рулем, выезд на красный сигнал светофора и выезд на полосу встречного движения.

В ходе опроса респондентам предлагалось оценить действия сотрудников дорожной полиции с точки зрения обеспечения безопасности на дорогах. Оценили их работу как среднюю 47,9 % опрошенных, треть поставила оценку «хорошо» (29,7 %). Работу дорожной полиции как плохую оценили 10,0 % респондентов. Соотношение тех, кто оценил как «очень хорошо» и «очень плохо», составило 8,2 и 2,4 % горожан. Существенной разницы в ответах пешеходов и водителей в данном вопросе не зафиксировано.

По данным опроса водителей-профессионалов, 13,7 % оценивают работу ГИБДД на дорогах г. Казани положительно и 48,6 % скорее положительно, чем отрицательно. Однако 32,0 и 5,0 % опрошенных водителей оценивают их работу скорее отрицательно и отрицательно соответственно.

Помимо общей оценки деятельности дорожной полиции, в исследовании был задан вопрос об оценке действий сотрудников Госавтоинспекции на основе личного опыта общения респондентов. При ответе на этот вопрос мнения разделились. Первая группа респондентов назвала действия сотрудников корректными и по существу дела (42,8 %). Вторая группа, наоборот, считает, что данные действия не всегда носили

⁶ Табл. 3 составлена по данным официального сайта Госавтоинспекции. URL: <http://www.gibdd.ru/> (дата обращения: 04.08.2017).

корректный характер (40,7 %). Каждый десятый утверждает, что отношения часто были некорректными из-за разногласий по вопросу характера нарушений (12,4 %).

Для усиления безопасности дорожного движения в Республике Татарстан водители-профессионалы выбрали следующие меры: ужесточить наказание за нарушения ПДД (60,4 %), улучшить качество дорожного полотна и обслуживания дорог (54,1 %), вводить уроки ПДД в образовательных учреждениях (40,1 %), формировать транспортную культуру безопасного поведения у всех участников дорожного движения (пешеходов, пассажиров, водителей) (27,9 %), больше строить многополосных магистралей (22,8 %), ужесточить контроль за сдачей экзаменов для получения водительских прав в автошколах (15,7 %), активнее применять автоматические системы фото и видеофиксации и другие технические устройства (алкозамки, беспроводные системы мониторинга дорожного движения и т. п.) (14,7 %).

При изучении системы безопасности дорожного движения в социологическом аспекте наиболее актуально выявление факторов безопасности дорожного движения и причин ДТП для предотвращения и снижения их уровня. Можно выделить как объективные, так и субъективные факторы, влияющие на безопасность дорожного движения. К первым относятся такие показатели, как состояние дорожно-транспортной инфраструктуры (качество дорожного покрытия, разметки, освещенность, состояние улично-дорожной сети, парковочных мест и т. д.) и состояние самих транспортных средств (уровень износа, уровень пассивной безопасности и т. д.).

Транспортная инфраструктура не успевает за развитием автомобилизации и грузопотоков, идущих через Республику Татарстан, поэтому необходимы развитие дорожной сети и контроль за дорожным покрытием, разметкой, освещенностью и т. д. Больше всего респондентов не устраивают в г. Казани и регионе: плохое дорожное покрытие, некачественная уборка дорог в зимнее время и нехватка скоростных магистралей и развязок. Это, безусловно, влияет на рост аварийности на дорогах.

Субъективные факторы включают следующие показатели: уровень транспортной, профессиональной (соблюдение регламента, дисциплины) и общей культуры водителей, пешеходов, сотрудников ГИБДД, опыт и мастерство водителей,

сотрудников ГИБДД, уровень знаний о ПДД среди всех участников дорожного движения, психологические качества (быстрота реакции, внимание, уравновешенность и т. д.).

Согласно опросу, наиболее значимыми факторами, определяющими уровень безопасности дорожного движения в Республике Татарстан, являются субъективные, связанные с уровнем транспортной культуры. В качестве наиболее значимых причин роста ДТП респонденты (водители и пешеходы) назвали низкий уровень транспортной культуры водителей (нарушение ПДД) и пешеходов. На третьем месте стоит плохое состояние дорог и дорожной инфраструктуры, что относится к объективным факторам.

Водители-профессионалы признают, что не всегда соблюдают ПДД, что говорит об их низкой транспортной культуре и слабых установках на безопасное поведение. Однако чаще всего нарушают ПДД и садятся за руль в нетрезвом состоянии водители с большим стажем вождения.

Обсуждение и заключения. Дорожное движение удовлетворяет одну из общественно значимых потребностей социума в пространственной мобильности людей и грузов как необходимом условии жизнедеятельности современного общества. Для того чтобы эта потребность успешно была удовлетворена, необходима организация системы безопасности дорожного движения. Структура такой системы должна представлять комплекс взаимосвязанных и взаимодействующих элементов — подсистем, главная из которых — это подсистема «человек — транспортное средство — дорожная инфраструктура».

Большое значение в обеспечении безопасности на дорогах играет своевременное и качественное обучение ПДД, причем не только будущих водителей, но и пешеходов. Обучение ПДД должно стать составной частью всего процесса социализации детей начиная с дошкольного возраста, что будет способствовать повышению транспортной культуры пешеходов и водителей, также снижению риска ДТП. В этом процессе активную роль должен играть и институт семьи, формируя безопасное поведение с самого начала жизненного пути человека.

Несмотря на то что большинство респондентов (как в массовом опросе, так и в опросе водителей-профессионалов) оценили работу ГИБДД положительно, все же деятельность

сотрудников дорожной полиции нуждается в изменении приоритетов от наказывающих органов к упреждающим и помогающим организовать безопасное дорожное движение для всех его участников. Приоритетными в деятельности сотрудников ГИБДД должны стать профилактика аварийности на транспорте, повышение собственной культуры, связанной с обеспечением безопасности дорожного движения, по мнению водителей-профессионалов, являются: ужесточение наказаний за нарушения ПДД, улучшение качества дорожного полотна и обслуживания дорог, введение уроков ПДД в образовательных учреждениях.

Используя потенциал социологической науки и проводя мониторинги безопасности дорожного движения, можно выявлять факторы, показатели и причины роста аварийности на дорогах и вовремя предотвращать ДТП.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Юшков В.С., Юшков Б.С., Бургонутдинов А.М. Система активной безопасности и снижение аварийности на автомобильных дорогах // Вестник МГСУ. 2014. № 10. С. 168—176. URL: <http://vestnikmgsu.ru/files/archive/issues/2014/10/ru/18.pdf> (дата обращения: 21.07.2017).
2. Lin R.C., Cebon D., Cole D.J. An Investigation of Active Roll Control of Heavy Road Vehicles // Vehicle System Dynamics. 1994. Vol. 23, issue 1. Pp. 308—321. DOI: <https://doi.org/10.1080/00423119308969523>
3. Якупов А.М. Опасность и безопасность дорожного движения // Современные проблемы транспортного комплекса России. 2015. № 1. С. 56—61. URL: <https://transcience.ru/index.php/MPRTC/article/view/2222-9396-2015-5-1-55-61/40> (дата обращения: 21.07.2017).
4. Головкин В.В., Слышалов И.В. Административно-юрисдикционная деятельность Госавтоинспекции в условиях реформирования полицейского законодательства: проблемы и перспективы // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2012. № 7. С. 86—90. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/administrativno-yurisdiktsionnaya-deyatelnost-gosavtoinspektcii-v-usloviyah-reformirovaniya-politseyskogozakonodatelstva> (дата обращения: 21.07.2017).
5. Майоров В.И. Содержание понятия «безопасность дорожного движения»: теоретические основы // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2012. № 7. С. 99—101. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/soderzhanie-ponyatiya-bezopasnost-dorozhnogodvizheniya-teoreticheskie-osnovy> (дата обращения: 21.07.2017).
6. Молчанов П.В. Принципы обеспечения безопасности дорожного движения // Вестник Челябинского государственного университета.

2015. № 25. Вып. 45. С. 76—81. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsiy-obespecheniya-bezopasnosti-dorozhnogo-dvizheniya> (дата обращения: 21.07.2017).

7. Антропова Ю.Ю., Калинин И.А. Безопасность дорожного движения в Свердловской области: анализ проблемы и изучение общественного мнения // Национальная безопасность. 2014. № 2. С. 217—226. DOI: <https://doi.org/10.7256/2073-8560.2014.2.10856>

8. Калинин И.А. Государственно-частное партнерство как инструмент управления безопасностью дорожного движения в городском социуме // Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 3. С. 210—222. URL: http://hses-online.ru/2011/03/22_00_08/24.pdf (дата обращения: 21.07.2017).

9. Банных Г.А., Калинин И.А. Социолого-управленческий анализ проблем управления безопасностью дорожного движения в условиях городского социума // Вопросы управления. 2011. № 4. С. 170—173. URL: <http://vestnik.uapa.ru/ru/issue/2011/04/25/> (дата обращения: 21.07.2017).

10. Сорокина Н.В. Общественный транспорт как элемент социального государства // Социальная политика и социология. 2009. № 1. С. 117—131. URL: http://rgsu.net/netcat_files/821/1101/11_Sorokina.pdf (дата обращения: 21.07.2017).

11. Сорокина Н.В. «Десять минут страха — и вы дома!»: повседневность водителей городских маршруток // Этнографическое обозрение. 2008. № 5. С. 61—74. URL: http://journal.iea.ras.ru/archive/2000s/2008/Sorokina_%2008_5.pdf (дата обращения: 21.07.2017).

Для цитирования: Абдульязнов А.Р. Факторы, влияющие на безопасность дорожного движения в регионе // РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY. 2017. Т. 25, № 4. С. 642—655.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

A. R. Abdulzyanov. Factors Influencing Road Safety in a Region

Key words: region; safety factors; traffic; security system; pedestrian; professional driver; traffic accident

Introduction: currently, traffic is an essential element of organization of any social space therefore there is a need to ensure safety for all road users. In this regard, the need to study the safety factors and causes of accidents in road traffic in order to prevent them has not only scientific but also practical significance and relevance.

Materials and Methods: the article is based on two sociological surveys (questionnaires), conducted by the Center for Family and Demography of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan: a study of professional drivers (2016, 400 respondents) and mass survey (2015, 1,600 respondents) on issues of traffic safety in the cities of this region.

Results: the study identified two groups of factors influencing road safety: the objective and subjective ones. The first ones involve the condition of the road and transport infrastructure (quality of road surface, markings, illumination, length of roads, condition of the road network, parking spots, etc.) and condition of vehicles (level of wear, level of passive safety, etc.). Subjective factors include the level of transport and professional culture (compliance and discipline) of drivers (alcohol intake when driving a vehicle) and of pedestrians (crossing in a wrong place), the experience and skill of drivers (driving experience), of the road police officers, the level of knowledge of traffic rules among all road users, psychological qualities (reaction time, attention, etc.). According to the survey, the most significant factors determining the level of road safety in the Republic of Tatarstan are the subjective ones, those associated with a low level of traffic culture among both drivers and pedestrians. The third largest group includes the objective factors (related to road infrastructure), poor road surface, poor cleaning of roads in winter and the lack of highways and interchanges which definitely affects the increase in the number of road accidents.

Discussion and Conclusions: road traffic as a necessary condition of vital activity of modern society is one of the important needs of society to provide spatial mobility of people and goods. For it to be successfully satisfied, a competent and efficient organization of the system of road safety is necessary. Using the potential of social science and conducting monitoring of road safety, it is possible to identify the factors and the causes of the increase in the number of road accidents and to prevent traffic accidents in a timely manner.

REFERENCES

1. Yushkov V.S., Yushkov B.S., Burgonutdinov A.M. [Active Safety Vehicles And Reducing Road Accidents]. *Vestnik MGSU* = Proceedings of Moscow State University of Civil Engineering. 2014; 10:168—176. Available at: <http://vestnikmgsu.ru/files/archive/issues/2014/10/ru/18.pdf> (accessed 21.07.2017). (In Russ.)
2. Lin R.C., Cebon D., Cole D.J. An Investigation of Active Roll Control of Heavy Road Vehicles. *Vehicle System Dynamics*. 1994. 1(23):308—321. DOI: <https://doi.org/10.1080/00423119308969523>
3. Yakupov A.M. [Danger and Safety of Road Traffic]. *Sovremennyye problemy transportnogo kompleksa Rossii* = Modern Problems of Russian Transport Complex. 2015; 1:56—61. Available at: <https://transcience.ru/index.php/MPRTC/article/view/2222-9396-2015-5-1-55-61/40> (accessed 21.07.2017). (In Russ.)
4. Golovko V.V., Slyshalov I.V. [Administrative and Jurisdictional Activity of State Automobile Inspectorate in Terms of Police Reform Legislation: Problems and Prospects]. *Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo* = Bulletin of the South Ural State University. Series "Law". 2012; 7:86—90. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/>

administrativno-yurisdiktsionnaya-deyatelnost-gosavtainspektsii-v-usloviyah-reformirovaniya-politseyskogo-zakonodatelstva (accessed 21.07.2017). (In Russ.)

5. Mayorov V.I. [Content of the Concept "Traffic Safety": Theoretical Bases]. *Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo* = Bulletin of the South Ural State University. Series "Law". 2012; 7:99—101. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/soderzhanie-ponyatiya-bezopasnost-dorozhnogo-dvizheniya-teoreticheskie-osnovy> (accessed 21.07.2017). (In Russ.)

6. Molchanov P.V. [The Principles of Ensuring Road Safety]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015; 25(45):76—81. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsiy-obespecheniya-bezopasnosti-dorozhnogo-dvizheniya> (accessed 21.07.2017). (In Russ.)

7. Antropova Yu.Yu., Kalinin I.A. [Road Safety in the Sverdlovsk Region: Problem Analysis and Public Opinion Survey]. *Nacional'naja bezopasnost'* = National Security. 2014; 2:217—226. DOI: <https://doi.org/10.7256/2073-8560.2014.2.10856>

8. Kalinin I.A. [State-Private Partnership as the Tool of Traffic Safety Management in City Society]. *Gumanitarnyye i social'nye nauki* = The Humanities and Social Science. 2011; 3:210—222. Available at: http://hses-online.ru/2011/03/22_00_08/24.pdf (accessed 21.07.2017). (In Russ.)

9. Bannyh G.A., Kalinin I.A. [Sociological-Managerial Analysis of Problems in the Sphere of Traffic Safety Control in Conditions of City Society]. *Voprosy upravleniya* = Management Issues. 2011; 4:170—173. Available at: <http://vestnik.uapa.ru/ru/issue/2011/04/25/> (accessed 21.07.2017). (In Russ.)

10. Sorokina N.V. [Public Transport as an Element of a Social State]. *Social'naja politika i sociologiya* = Social Policy and Sociology. 2009; 1:117—131. Available at: http://rgsu.net/netcat_files/821/1101/11._Sorokina.pdf (accessed 21.07.2017). (In Russ.)

11. Sorokina N.V. ["Ten Minutes of Fear and You are Home!": Daily Routine of Urban Minibus Drivers]. *Etnograficheskoe Obozrenie* = Ethnographic Review. 2008; 5:61—74. Available at: http://journal.iea.ras.ru/archive/2000s/2008/Sorokina_%202008_5.pdf (accessed 21.07.2017). (In Russ.)

About the author:

Arthur R. Abdulzyanov, Candidate of Sociological Sciences, Leading Researcher at the Center for Family and Demography, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (36a Levo-Bulachnaya St., Kazan, 420111, Russia) (e-mail: gailj_07@bk.ru). ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2188-4277>

For citation: Abdulzyanov A.R. Factors Influencing Road Safety in a Region. *REGIONOLOGIYA* = REGIONOLOGY. 2017; 4(25):642—655.

The author have read and approved the final manuscript.

Поступила/Submitted 26.09.2017.

В. А. ПИСАЧКИН

ПРОСТРАНСТВО СМЫСЛА В СОЦИАЛЬНОЙ ТОПОЛОГИИ РЕГИОНА

Ключевые слова: регион; социальное пространство; социальная топология; смысл; человеческий капитал; констелляция

Введение: проблема смысла является первоочередной для продвижения системы теоретического знания: разработки и теории социального пространства; систем научных представлений, нацеленных

на введение «идеальных объектов»; выведения, интерпретации, конструирования, моделирования социальных структур, процессов и изменений посредством социальной топологии как методологического подхода в исследовании социальной реальности. Регион составляет особую социальную композицию комплексного смыслового, символического, территориального и практического характера. Цель статьи — актуализация внимания на смыслозначимых проблемах регионального развития социума.

Материалы и методы: материалами исследования служат философские, социологические, социокультурные труды, составляющие методологическую основу социальной топологии. Рассмотрены методы констелляции и топологии в макро- и микроанализе динамики социального пространства при изучении проблем качества жизни, становления предпринимательства и других видов социальной практики.

Результаты исследования: смысловая структура социального пространства выражает субстанциальный и символический феномен реальных отношений и служит фактором социального действия. Социология рассматривает схемы деятельности, воспроизводящие социальное бытие на уровнях констелляции микро- и макрофакторов в терминах социальной топологии в рамках аналитики пространств (социального, жизненного, информационного, коммуникационного), сфер (космосферы, биосферы, экосферы, антропосферы, этносферы, техносферы, символосферы), сред (окружающей, жизненной, географической, техногенной, производственной, безопасной, благоприятной).

ПИСАЧКИН Владимир Александрович, профессор кафедры социологии Национального исследовательского Мордовского государственного университета, доктор социологических наук (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68) (e-mail: pisachkin@yandex.ru).

© Писачкин В. А., 2017

Обсуждение и заключения: социальная топология — методологический подход в реализации смысловой коннотации факторов макро- и микросоциальности в аналитике социальных пространств (мест и регионов), методов практической социологии в анализе проблем качества жизни, человеческого капитала, типологии общественности, социальной деятельности, коммуникационной и других практик в региональном социуме.

Введение. Понятие «смысл» занимает главное место в определении жизненного пути человека и общества в пространстве социального самоопределения. Смысл и смысловые отношения являются важнейшим фактором социальной реальности, дериватом ее субъектности. Проблема смысла служит первоочередной для продвижения системы теоретического знания в разработке теории социального пространства; систем научных представлений, нацеленных на введение «идеальных объектов»; выведения, интерпретации, конструирования, моделирование социальных структур, процессов и изменений посредством социальной топологии как методологического подхода в исследовании социальной реальности. Регион составляет особую социальную композицию комплексного смыслового, символического, территориального и практического характера.

Обзор литературы. Смысл и смысловые отношения — важные факторы социальной реальности, дериват ее субъектности. Проблема смысла служит предметом профессиональной состоятельности социологии и широко обсуждается в периодике. М. К. Горшков подчеркивает три момента, определяющих смысл востребованности социологии обществом: «знать, чтобы понимать, предвидеть и действовать»¹.

Главная особенность социологии как науки состоит в ее функциональной значимости для современного общества, которая реализуется в последовательном целеполагании для оптимального стратегического и тактического развития страны и ее регионов. Эта идея представлена в коллективной монографии «Региональная социология: проблемы консолидации пространства России» (2015), авторы которой обращаются к проблемам выявления стимулов и мотивов активности людей, характеристике человеческого капитала и др.²

¹ См.: Предел погрешности (интервью с М.К. Горшковым). URL: <https://rg.ru/2012/11/14/sociologia.html> (дата обращения: 14.07.2017).

² См.: Региональная социология: проблемы консолидации социального пространства России: моногр. / редкол.: В.В. Маркин (отв. ред.) и др.; Российская акад. наук, Ин-т социологии РАН. М.: Нов. хронограф, 2015. 621 с.

Идея методологии синтеза, свойственная для социологии и реализуемая в современных социальных технологиях, представлена А. Н. Чумиковым. Он анализирует российскую практику социокультурного брендинга страны и ее регионов на примере реализации имидживых проектов «Семь чудес России» и «Имя России. Исторический выбор 2008»³.

И. В. Бабаян дала рецензию на коллективный научный труд «Атлас модернизации России и ее регионов» (2016)⁴. В рецензии отмечены социоэкономические и социокультурные тенденции в процессе усиления в публичном пространстве России полемики о готовности российского общества к модернизации, а также охарактеризованы технологические, социоэкономические, социокультурные и институционально-регулятивные компоненты трансформаций и рефлексии особенностей пространственного развития регионов России, их структуризации.

Идея консолидации социокультурного пространства России рассмотрена О. А. Богатовой [1]. Проблема становления социальных медиа в региональном социуме рассмотрена Р. А. Дукиным [2]. В современном калейдоскопе периодических изданий весьма много научных статей, написанных в рамках обсуждения проблемы смысла в социальной топологии и регионологии [см., напр.: 3—8].

Таким образом, палитра обсуждения проблемы развития смыслового пространства в регионах российского социума представлена весьма широко и состоятельно.

Материалы и методы. Социальная топология широко применяется в современной науке в исследовании сложных и многомерных объектов (субъектов, структур, институтов, процессов, явлений, форм и конструкций) социальной реальности в определенном пространстве и времени. Социальная топология базируется на достижениях математических наук, естественно-научных теорий и представлена в формах социальных хроногеометрий, теорий социального пространства, жизненного пространства, жизненного мира, жизненной и социальной среды.

³ См.: Чумиков А.Н. Новые коммуникационные технологии в продвижении региона в социокультурном контексте // Там же. С. 552—580.

⁴ См.: Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / колл. науч. труд.; сост. и отв. ред. член-корр. РАН Н.И. Лапин. М.: Весь Мир, 2016. 360 с.

Материалами исследования служат философские, социологические, социокультурные труды, составляющие методологическую основу социальной топологии. Рассмотрен метод констелляции и типологий в макро- и микроанализе динамики социального пространства при изучении проблем качества жизни, становления предпринимательства, сферы услуг и других видов социальных практик. Констелляция как сопряженность смыслов, объективного и субъективного является важной задачей современной социологии. Это метод, позволяющий влиять на процесс консолидации смысловых пространств и позиций, метод, ориентирующий современные социальные практики и технологии.

Результаты исследования. Обращение социологии к категории пространства связано с понятием «смысл» в особых способах теоретизирования. Смысл состоит в «открытии» ответа на проблемные вопросы в плане индивидуального выбора каждого открывающего для себя путь к действию. Смыслы определенным образом формируют конфигурацию социального пространства. Они субстанциально консолидируют социальное вещество жизненного пространства в рамках общественных форм бытия, систем социальных отношений и социальных действий, социальных идеологий, социальных практик и социальных технологий.

Г. Зиммель первый обозначил создание концепции «социологии пространства» и дифференцировал понятие пространства на пространство: группы или общности, взаимодействия и взаимовлияния, размещения и перемещения, сосуществования социальных групп⁵. Этот подход позволил различать пространства в предметном поле социологии, а также в других социальных науках.

Для социологии, которая является полипарадигмальной наукой, характерно исследование широкой гаммы смысловых оттенков, свойственных обществу. В социологии смысл и смысловые отношения служат важным структурным элементом социального действия и социальных отношений. Смысл — это объект, связанный с поиском явлений, свойственных социальному самоопределению различных индивидов и социальных групп. Эта особенность определяется базовым свойством универсальности социального, которая

⁵ См.: Simmel G. *Soziologie des Raumes* // G. Simmel. *Schriften zur Soziologie: Eine Auswahl* / Hrsg. Von H.-J. Dahme und O. Rammstedt. Fr./M.: Suhrkamp, 1983. S. 221—242.

состоит в способности распространить посредством «скреп» определенный тип мысли (смыслов) применительно к той или иной реалии.

Термин «социальная топология» ввел в научный оборот П. Бурдые. Она позволяет представить социальный мир «в форме многомерного пространства, построенного по принципам дифференциации и распределения, сформированным совокупностью действующих свойств в рассматриваемом социальном универсуме»⁶. В социальной топологии активно применяются теоретические ресурсы, привносимые из других наук.

В топологическом плане смысл — это пространство, которое является логически конструируемой формой, оно «служит средой-абсорбером всех релевантных событий» и «задается отношениями, определяющими возникновение типологических явлений»⁷. Пространство смысла в социальном плане разворачивается в процессе самореференции социума в рамках субстанциального пространства как понимание (на глобальном, национальном, региональном и местном уровнях). Универсалии смыслов в социуме типологизируются, концентрируясь в примордиализме от компактных групп и этносов до определенных культур и мировых религий и цивилизаций.

При производстве мысли, создании смыслов действует механизм спонтанности. Спонтанность связана с рефлексией по поводу смысловых глубин. Процесс переработки смысловых оценок происходит в форме внутреннего диалога, в рамках определенной «геометрии» свободы и необходимости, топологической конфигурации «благополучия», «справедливости», «достоинства» и других социальных индикаторов. «При восприятии смысла речь идет об обнаружении возможности на фоне действительности», — пишет В. Франкл⁸. Смысл связан с процессом понимания, которое нельзя дать или навязать, его нужно найти, открыть, выбрать.

По М. Веберу, смысл предстает либо как «фактически подразумеваемый действующими в массе конкретных случаев»,

⁶ См.: Бурдые П. Социология социального пространства / общ. ред., пер. Н.А. Шматко. М.: Ин-т эксперим. социологии; СПб.: Алетейя, 2005. С. 15.

⁷ См.: Ильин В.В. Теория познания. Символика. Теория символических форм. М.: Изд-во Москов. ун-та, 2013. С. 47.

⁸ См.: См.: Франкл В. Человек в поисках смысла / пер. с англ., нем.; общ. ред. Л.Я. Гозмана, Д.А. Леонтьева; вступ. ст. Д.А. Леонтьева. М.: Прогресс, 1990. С. 37.

либо как «содержащийся в понятийно сконструированном чистом типе действующего или действующих субъективно подразумеваемый смысл»⁹. Действие становится социальным тогда, когда индивид вкладывает в него смысл, соотносит его с поведением других людей и ориентируется на них. Чтобы понять это, социологу необходимо обладать компетентностью как «смысловой адекватностью», которая служит необходимым «конституированным критерием» при анализе социальных явлений. Смысловая адекватность актуальна при создании идеальных типов, которые большей частью «являются рациональными и всегда конструируются как адекватные по смыслу»¹⁰. Она необходима при дифференцировании и интегрировании социальных явлений, при типизации реальных социальных образований, структур, (групп, организаций, общностей), процессов, движений, изменений.

Дж. Мид рассматривал смысл понимания на человеческом уровне «не просто в качестве “идеи” в ее традиционном значении», а «в качестве отношения между определенными фазами социального действия»¹¹.

В. В. Ильин дает трактовку фазового пространства как «пространства между определенными социальными действиями» с позиции топологического (хроногеометрического) рассмотрения этой формы политического (социального) пространства через призму динамической системы координат, выражающих экономические, демографические, геостратегические потенциалы социума и импульсы как фазы этногенеза (пассионарности), духовной ангажированности народа, пикировки идей, целей»¹².

Д. В. Катаев фиксирует особенности конструкций социологического понимающего объяснения. Он выделяет базовые элементы, находящиеся «во взаимной макро-микро- и микро-макроконstellации». Это макрофеномены социетального (институционального) состояния, такие как исходная объективированная смысловая взаимосвязь и конечное социе-

⁹ См.: Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. М.: Издат. дом Высш. шк. экономики, 2016. Т. 1. С. 68.

¹⁰ Там же. С. 81.

¹¹ См.: Мид Дж. От жеста к символу // Американская социологическая мысль: тексты / под общ. ред. В.И. Добренкова. М.: Междунар. ун-т бизнеса и упр., 1996. С. 221.

¹² См.: Ильин В.В., Панарин А.С. Философия политики. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 58—59.

тальное (институциональное) состояние, ожидаемое акторами (новые объективированные смысловые взаимосвязи), а также микрофеномены: субъективный смысл актора (рефлексия актором), интенциональность актора (дефиниция ситуации), закрепление типа действия в соотношении с объективным смыслом и действиями других акторов)¹³.

Указанное явление в аспекте топологического анализа экономической жизни общества позволяет трактовать смысловой импульс динамики социального пространства через призму объективируемых акторами смысловых структур, а также ориентированных на эти структуры совместных действий субъектов, создающих для каждого отдельного актора особый макрофеномен смыслового пространства социума как результат констелляции. В совокупности эти феномены образуют «фазовое пространство», характеризующее измененное состояние социального пространства современного общества.

Консолидация ценностно-смысловых полей определяется материальной проблемой блага и собственности, духовной проблемой справедливости и ответственности. Смысловая конфигурация коммуникационных пространств, современного социума позволяет рассматривать пространства свободы, контроля, диалога, игры и борьбы в качестве социальных субстантивных «скреп», анализ которых связан с применением особых процедур в рамках социологических измерений параметров социального пространства.

П. Бергер и Т. Лукман ввели в науку термин «социальное конструирование реальности» и создали концепцию социологии знания¹⁴. С позиции типизации повседневной жизни люди образуют смысловые структуры, разделяемые представителями данного общества как социальные конструкты первого порядка. На их базе формируются социальные структуры второго порядка, создающие «конечные миры смыслов» или сферы феноменов взаимодействия как суммы типизаций и образцов взаимодействия.

¹³ См.: Катаев Д.В. Возможности понимающего объяснения веберийской синтетической методологии // Материалы VII Междунар. социол. Грушинской конф. «Навстречу будущему. Прогнозирование в социологических исследованиях», 15—16 марта 2017 г. / отв. ред. А.В. Кулешова. М.: АО «ВЦИОМ», 2017. С. 698—703.

¹⁴ См.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социол. знания. М.: Моск. филос. фонд, 1995. 322 с.

Расширение горизонта «жизненного мира» связано с усвоением типичных в той или иной сфере взаимодействий смыслов, а также в способах их конструирования. В этом плане главное место занимает язык, «типизирующий опыт и связывающий в единое целое мир повседневности и конечные миры смыслов»¹⁵.

Ю. Хабермас обосновывает особый тип «коммуникативной рациональности», смысл которой — в достижении взаимного понимания. Этой цели служит создание «процедурного пространства» в социуме, связанное с масштабным обобщением явлений и процессов эпистемологического, аксиологического и символического порядка, и действий процедурного типа¹⁶.

Н. Луман выделяет смысл рассмотрения «общих аутопоиетических, самореферентных оперативно замкнутых систем» в понимании общества, с помощью которых определяется степень свободы применения манипулятивных технологий. Основу этих систем ученый связывает с понятием смысла как «продукта операций», получаемых с позиции разнообразия в поле неактуализированных возможностей, что имеет определенную топологическую репрезентацию и перспективу в исследованиях глобального и регионального характера¹⁷.

«Социальное пространство в региональном аспекте — это систематизированные пересечения связей между социальными позициями, обладающие силовым воздействием на людей, занимающие данную социальную позицию» [7, с. 11]. Э. Гидденс определяет регионализацию как темпоральную, пространственную или пространственно-временную дифференциацию регионов внутри локальностей или между ними. Локальность у мыслителя «обнимает» «смысловые единства», естественные данности и места. В физическом плане регион позволяет сконцентрировать взаимодействие «каким-либо образом в рамках определенных границ»¹⁸.

¹⁵ См.: Иванов Д.В. Парадигмы в социологии: учеб. пособие. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. С. 33.

¹⁶ См.: Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / пер. с нем.; под ред. Д.В. Складнева. СПб: Наука, 2000. 276 с.

¹⁷ См.: Луман Н. Теория общества // Теория общества: фундаментальные проблемы / Ин-т социологии РАН, Моск. высш. шк. соц. и экон. наук, Центр фундам. социологии; под ред. А.Ф. Филиппова. М.: КАНОН-пресс-Ц, «Кучково поле», 1999. 193—235.

¹⁸ См.: Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структуризации / пер.: И. Тюрина. М.: Акад. проект, 2003. 525 с.

Регионология, или «региональная наука», определяется одним из основателей теории и метода регионального анализа в середине XX в. У. Изардом через призму теории размещения и пространственного взаимодействия видов человеческой деятельности в их экономическом, социальном и политическом контексте¹⁹. В работах исследователей региональных социальных систем используются различные методологические подходы, применяются многочисленные топологические модели, которые служат для осмысления схем производства, торговли, туризма, здравоохранения, образования, спорта и других направлений развития социума, улучшения качества жизни людей, повышения человеческого капитала в рамках систем регионов.

Экономисты привнесли в сферу социального знания проблему капитализации человеческих ресурсов. А. Печчеи в книге «Человеческие качества» (1977) приводит документ под названием «Размышления из Гуанахуато», принятый по результатам дискуссий Римского клуба. Важным пунктом этого документа служит констатация тех целей, которым должны быть подчинены «все стратегии, политические программы и перспективные планы развития» как в локальных, региональных, национальных, так и глобальных масштабах²⁰.

С 1990 г. действует Программа развития ООН, где человек признается в качестве цели общественного развития. В ежегодных докладах ООН о человеческом развитии указывается состояние индекса развития человеческого потенциала.

Предпринимательский человеческий капитал особо значим в социальном развитии, поскольку является основой инновационной деятельности. Им генерируется производственный спрос на знания, направленные на «создание образцов благополучия и процветания в современном обществе» [9, с. 136]. Социальный смысл поддержки предпринимателей-инноваторов состоит в том, что они создают новые технологии и «масштабируют» их, придают импульс развитию социальному пространству на перспективу. Они продвигают открытия и

¹⁹ См.: Изард У. Методы регионального анализа: введение в науку о регионах / сокр. пер. с англ. В.М. Гохмана и др.; вступ. ст. и ред. А.Е. Пробста. М.: Прогресс, 1966. 659 с.

²⁰ См.: Печчеи А. Человеческие качества / пер. с англ. О.В. Захаровой; общ. ред. и вступ. ст. Д.М. Гвишиани. М.: Прогресс, 1985. 312 с.

изобретения на рынки, что служит лидерству в экономике и успешному региональному развитию.

Человеческий капитал в образовании играет не менее значимую роль. Педагоги школ и вузов решают важную государственную задачу по воспитанию и образованию человека и гражданина — производят человеческий капитал. Поэтому исследование процессов реформы образования имеет важный смысл для современного социального развития регионов. В регионах складывается практика скатывания образования от миссии служения к статусной позиции предоставления услуг, о чем все чаще и с тревогой свидетельствуют представители общественности. Такая практика связана с рядом издержек в практике реформ, для изучения которых необходим социологический анализ. М. К. Горшков отмечает, что в «Норвегии правительство вместе с профсоюзами ежегодно проводит массовый опрос, с помощью которого выясняют, куда стране двигаться дальше и как население оценивает услуги власти»²¹. В этом плане смысл мониторинга социально-экономического развития региона состоит в обеспечении и реализации прагматических целей, направленных на подготовку практических рекомендаций для принятия управленческих решений на базе «логически последовательных процедур»²².

Обсуждение и заключения. Цель развития социального пространства регионов задается смыслом человеческого развития, необходимостью полного и всестороннего развития возможностей и способностей людей, обеспечением их здоровой и достойной жизни. Метод социальной топологии предоставляет большие эвристические возможности в социологическом исследовании социальной реальности, в разработке теоретических концепций анализа социального пространства и моделировании различных социальных феноменов и процессов регионального развития. Смыслы являются факторами изменения и развития конфигурации

²¹ См.: Предел погрешности (интервью с М.К. Горшковым).

²² См.: Миничкина В.П. Мониторинг социально-экономического развития региона как система // Проблемы методологии и методики мониторинга социально-экономического развития регионов Российской Федерации: материалы Всерос. науч. практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 15-летию ГКУ РМ «НЦСЭМ», г. Саранск, 5 сент. 2017 / редкол. А.И. Седов и др.; Науч. центр соц.-экон. мониторинга. Саранск, 2017. С. 48.

социального пространства. Они субстанциально консолидируют социальное «вещество» жизненного пространства в рамках общественных форм бытия, систем социальных отношений и социальных действий, социальных идеологий, практик и технологий. Топологический анализ региональных систем производится с помощью социологических замеров и мониторинга путем анализа действующих в них социальных идеологий, технологий и практик. Консолидация ценностно-смысловых полей фундаментально обусловлена: в материальном плане — состоянием проблем блага и собственности, в духовном плане — состоянием проблем свободы и свободы воли, справедливости и ответственности. Смысловая конфигурация коммуникационных пространств и дискурсивные поля современного социума позволяют рассматривать социальную топологию пространств (свободы, справедливости, ответственности, контроля, диалога и других) в качестве социальных субстантивных «скреп».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Богатова О.А. Социальное конструирование республиканской идентичности в региональных политических дискурсах // РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY. 2017. № 1. С. 117—138. URL: <http://regionsar.ru/ru/node/1576> (дата обращения: 23.02.2017).
2. Дукин Р.А. Феномен социальных медиа: проблема социологического осмысления // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2015. № 4. С. 122—126. URL: [http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik_soc/18115942_2015_-_4\(40\)_unicode/0122-0126.pdf](http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik_soc/18115942_2015_-_4(40)_unicode/0122-0126.pdf) (дата обращения: 24.02.2017).
3. Ожегова О.А. Регион как «принимающее сообщество» (опыт социологической рефлексии этнических процессов) // Социология власти. 2006. № 3. С. 137—143. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/region-kak-prinimayushee-soobschestvo-opyt-sotsiologicheskoy-refleksii-etnicheskih-protsessov> (дата обращения: 24.02.2017).
4. Родин А.В. Коммуникационное пространство региона // Регионология. 2008. № 3. С. 235—242. URL: <http://regionsar.ru/ru/node/160> (дата обращения: 24.02.2017).
5. Катаев Д.В. Категории «смысла» и «понимания» как интеграция обыденного и теоретического знания в социологической парадигме Макса Вебера // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2015. № 1. С. 162—169. URL: http://journals.tsu.ru/philosophy/&journal_page=archive&id=1221&article_id=20639 (дата обращения: 24.02.2017).

6. Тимошин В.В. Социально-философская динамика свободы в пространстве тоталитарной формы правления // Вестник Чувашского университета. 2006. № 6. С. 214—220. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-filosofskaya-dinamika-svobody-v-prostranstve-totalitarnoy-formy-pravleniya> (дата обращения: 24.02.2017).
7. Писачкин В.А., Козин В.В. Регион как смысловая конструкция в социологии. Практический смысл региональных исследований // Регионология. 2011. № 4. С. 4—12. URL: <http://regionsar.ru/ru/node/808> (дата обращения: 24.02.2017).
8. Немировский В.Г. Массовое сознание и бессознательное как объект постнеклассической социологии // Социологические исследования. 2006. № 2. С. 13—19. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/898/784/1219/002-NEMIROVSKIJ.pdf> (дата обращения: 24.02.2017).
9. Гимпельсон В.Е. Нужен ли российской экономике человеческий капитал? Десять сомнений // Вопросы экономики. 2016. № 10. С. 129—143. URL: http://www.vopreco.ru/rus/archive.files/n10_2016.html#an7 (дата обращения: 19.03.2017).

Для цитирования: Писачкин В.А. Пространство смысла в социальной топологии региона // РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY. 2017. Т. 25, № 4. С. 656—669.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

V. A. Pisachkin. The Space of Sense in the Social Topology of a Region

Key words: region; social space; social topology; sense; human capital; konstellyation

Introduction: the issue of sense is a priority for the promotion of the system of theoretical knowledge: developments and theories of social space; systems of scientific concepts aimed at the introduction of “ideal objects”; development, interpretation, designing and modeling of social structures, processes and changes through social topology as a methodological approach in the study of social reality. A region is a particular social composition of complex semantic, symbolic, territorial and practical nature. The article purpose — updating of attention on the smysloznachimy problems of regional development of society.

Materials and Methods: philosophical, sociological and socio-cultural works that serve as a methodological basis of social topology are the materials of this study. The methods of constellations and typologies in macro and micro analysis of the dynamics of social space were applied in the study of the issues of quality of life and formation of entrepreneurship and other social practices.

Results: the semantic structure of social space expresses the substantial and symbolic phenomenon of real relationships and serves as a factor of social activity. Sociology considers the activity diagrams that reproduce social existence on the level of constellations of micro and macro factors in terms of social topologies in the framework of the analytics of spaces (social, life, information, communication ones), spheres (cosmosphere, biosphere, ecosphere, anthroposphere, ethnosphere, technosphere, symbolsphere), milieus (environmental, life, geographic, anthropogenic, productive, safe, favorable ones).

Discussion and Conclusions: social topology is a methodological approach in the implementation of the semantic connotations of the factors of macro and micro sociality in the analytics of social spaces (places and regions), methods of practical sociology in the analysis of the issues of quality of life, human capital, typology of the public, social activities, communication and other practices in a regional society.

REFERENCES

1. Bogatova O.A. [Social Construction of the Republican Identity in the Regional Political Discourses]. *REGIONOLOGIYA = REGIONOLOGY*. 2017; 1:117—138. 1. Available at: <http://regionsar.ru/ru/node/157> (accessed 23.02.2017). (In Russ.)
2. Dukin R.A. [The Phenomenon of Social Media: the Issue of the Sociological Under-Standing]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Social'nye nauki = Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*. 2015; 4:122—126. Available at: [http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik_soc/18115942_2015_-_4\(40\)_unicode/0122-0126.pdf](http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik_soc/18115942_2015_-_4(40)_unicode/0122-0126.pdf) (accessed 24.02.2017). (In Russ.)
3. Ozhegova O.A. [Region as a “Host Community” (Experience of Sociological Reflection of Ethnic Processes)]. *Sociologija vlasti = Sociology of Power*. 2006; 3:137—143. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/region-kak-prinimayuschee-soobshchestvo-opyt-sotsiologicheskoy-refleksii-etnicheskikh-protsessov> (accessed 24.02.2017). (In Russ.)
4. Rodin A.V. [Communication Space of a Region]. *REGIONOLOGIYA = REGIONOLOGY*. 2008; 3:235—242. Available at: <http://regionsar.ru/ru/node/160> (accessed 24.02.2017). (In Russ.)
5. Kataev D.V. [The Categories of “Sense” and “Understanding” as Integration of Ordinary and Theoretical Knowledge in the Max Weber Sociological Paradigm]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sociologija. Politologija = Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2015; 1:162—169. Available at: http://journals.tsu.ru/philosophy/&journal_page=archive&id=1221&article_id=20639 (accessed 24.02.2017). (In Russ.)
6. Timoshin V.V. [Socio-Philosophical Dynamics of Freedom in the Space of the Totalitarian form of Government]. *Vestnik Chuvashskogo Universiteta = Bulletin of the Chuvash University*. 2006; 6:214—220. Available

at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-filosofskaya-dinamika-svobody-v-prostranstve-totalitarnoy-formy-pravleniya> (accessed 24.02.2017). (In Russ.)

7. Pisachkin V.A., Kozin V.V. [Region as a Sense Construction in Sociology. The Practical Meaning of Regional Studies]. *REGIONOLOGIYA = REGIONOLOGY*. 2011; 4:4—12. Available at: <http://regionsar.ru/ru/node/808> (accessed 24.02.2017). (In Russ.)

8. Nemirovsky V.G. [Mass Consciousness and the Unconscious as an Object of Post-non-Classical Sociology]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*. 2006; 2:13—19. Available at: <http://ecsocman.hse.ru/data/898/784/1219/002-NEMIROVSKIJ.pdf> (accessed 24.02.2017). (In Russ.)

9. Gimpelso V.E. [Does Russia's Economy Need Human Capital? Ten of the Doubts]. *Voprosy jekonomiki = Voprosy Ekonomiki*. 2016; 10:129—143. Available at: http://www.vopreco.ru/rus/archive.files/n10_2016.html#an7 (accessed 19.03.2017). (In Russ.)

About the author:

Vladimir A. Pisachkin, Doctor of Sociological Sciences, Professor at the Department of Sociology, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk, 430005, Russia) (e-mail: pisachkin@yandex.ru).

For citation: Pisachkin V.A. The Space of Sense in the Social Topology of a Region. *REGIONOLOGIYA = REGIONOLOGY*. 2017; 4(25):656—669.

The author have read and approved the final manuscript.

Поступила/Submitted 08.06.2017.

**СООБЩЕНИЕ РЕДАКЦИИ
ЖУРНАЛА «РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY»**

Отзыв из печати статьи: Емельянова Н.А., Сарайкина С.В. Природный и культурно-исторический потенциал малых городов Мордовии и развитие туризма в регионе // РЕГИОНОЛОГИЯ. 2013. № 2. С. 66—71.

Отзывается из печати с согласия издателя статья, опубликованная в журнале «РЕГИОНОЛОГИЯ» (2013. № 2. С. 66—71) под названием «Природный и культурно-исторический потенциал малых городов Мордовии и развитие туризма в регионе», авторами которой являются Н. А. Емельянова, С. В. Сарайкина. Изъятие (ретракция) публикации обусловлено выявлением большого объема дублирующего материала в статье тех же авторов под названием «Потенциал малых городов Мордовии для развития туризма» в журнале «Проблемы региональной экологии» (2013. № 3. С. 92—96).

Протокол заседания комиссии по публикационной этике журнала «РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY» от 23 октября 2017 г.

Отзыв из печати статьи: Литвинов В.А. Дуалистический и кооперативный федерализм // РЕГИОНОЛОГИЯ. 2011. № 3. С. 16—23.

Отзывается из печати с согласия издателя статья, опубликованная в журнале «РЕГИОНОЛОГИЯ» (2011. № 3. С. 16—23) под названием «Дуалистический и кооперативный федерализм», автором которой является В. А. Литвинов. Изъятие (ретракция) публикации обусловлено выявлением дублирующего материала в статье этого же автора под аналогичным названием «Дуалистический и кооперативный федерализм» в журнале «Аграрное и земельное право» (2011. № 9. С. 113—117).

Протокол заседания комиссии по публикационной этике журнала «РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY» от 7 ноября 2017 г.

Отзыв из печати статьи: Петухов А.В. Этапы развития федеративных отношений в Российской Федерации // РЕГИОНОЛОГИЯ. 2009. № 1. С. 16—28.

Отзывается из печати с согласия издателя статья, опубликованная в журнале «РЕГИОНОЛОГИЯ» (2009. № 1. С. 16—28) под названием «Этапы развития федеративных отношений в Российской Федерации», автором которой является А. В. Петухов. Изъятие (ретракция) публикации обусловлено выявлением нескольких публикаций с большим объемом дублирующего материала этого же автора в следующих изданиях:

— Петухов А.В. Эволюция российского федерализма: политико-правовой анализ // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2009. № 3. С. 3—11;

— Петухов А.В. Развитие взаимоотношений центра и субъектов Федерации в процессе модернизации российской государственности // Вестник Мордовского университета. 2010. № 3. С. 122—130.

Протокол заседания комиссии по публикационной этике журнала «РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY» от 13 ноября 2017 г.

**ANNOUNCEMENT FROM THE EDITORIAL BOARD
OF THE REGIONOLOGY JOURNAL**

Retraction of the article: Emelyanova N.A., Saraykina S.V. [Natural, Cultural and Historic Potential of Mordovia's Small Towns and Development of Tourism in the Region]. REGIONOLOGIYA = REGIONOLOGY. 2013; 2:66—71.

The article published in the REGIONOLOGY journal (2013; 2:66—71) entitled “[Natural, Cultural and Historic Potential of Mordovia's Small Towns and Development of Tourism in the Region]” is retracted with the consent of the publisher. The authors of the article are Natalia A. Emelyanova, Svetlana V. Saraykina. Withdrawal (retraction) of the paper is due to the identification of a large amount of duplicating material in the article by the same authors entitled “[Potential of Mordovia's Small Towns for Development of Tourism]” in the journal of “Problemy regional'noj jekologii = Issues of Regional Ecology” (2013; 3:92—96).

The minutes of the meeting of the Committee on Publication Ethics of the REGIONOLOGY journal of 23 October 2017.

Retraction of the article: Litvinov V.A. [Dualistic and Cooperative Federalism]. REGIONOLOGIYA = REGIONOLOGY. 2011; 3:16—23.

The article published in the REGIONOLOGY journal (2011; 3:16—23) entitled “[Dualistic and Cooperative Federalism]” is retracted with the consent of the publisher. The author of the article is Vadim A. Litvinov. Withdrawal (retraction) of the paper is due to the identification of duplicating material in the article by the same author entitled “[Dualistic and Cooperative Federalism]” in the journal of “Agrarnoe i zemel'noe pravo = Agrarian and Land Law” (2011; 9:113—117).

The minutes of the meeting of the Committee on Publication Ethics of the REGIONOLOGY journal of 7 November 2017.

Retraction of the article: Petukhov A.V. [Stages of Development of Federative Relations in the Russian Federation]. REGIONOLOGIYA = REGIONOLOGY. 2009; 1:16—28.

The article published in the REGIONOLOGY journal (2009; 1:16—28) entitled “[Stages of Development of Federative Relations in the Russian Federation]” is retracted with the consent of the publisher. The author of the article is Aleksey V. Petukhov. Withdrawal (retraction) of the paper is due to the identification of several papers with a large amount of duplicating material by the same author in the following journals:

— Petukhov A.V. [Evolution of Russian Federalism: Political and Legal Analysis]. *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Obshhestvennyye nauki* = University Proceedings. Volga Region. Social Sciences. 2009; 3:3—11;

— Petukhov A.V. [Development of Relations between the Center and the Constituent Entities of the Federation in the Process of Modernization of Russian Statehood]. *Vestnik Mordovskogo universiteta* = Mordovia University Bulletin. 2010; 3:122—130.

The minutes of the meeting of the Committee on Publication Ethics of the REGIONOLOGY journal of 10 November 2017.

Редакторы С. В. Денисова, А. А. Парамонов
Редактор текста на английском языке А. В. Пузаков

Подписной индекс в каталоге АО Агентство «Роспечать» — 73335.

Территория распространения журнала: Российская Федерация, зарубежные страны

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-65932 от 06 июня 2016 г.

Подписано в печать 08.12.2017. Дата выхода в свет 29.12.2017. Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 11,4. Уч.-изд. л. 10,2. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура JournalCTT. Тираж 1 000 экз. I завод — 200 экз. Заказ № 1838. Свободная цена.

Адрес редакции: 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Б. Хмельницкого, д. 39а

Тел.: (8342) 32-86-14. E-mail: redreg@mrsu.ru

<http://regionsar.ru>

Адрес учредителя и издателя: 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68

Адрес типографии: 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Советская, д. 24 (Издательство федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва»)

Фотографии предоставлены самими авторами и опубликованы с их согласия.